

ВМ

И.Н.МОШЛЯК · ВСПОМНИМ МЫ ПЕХОТУ...

ВОЕННЫЕ
ВМ
МЕМОАРЫ

И. Н. МОШЛЯК

**ВСПОМНИМ
МЫ
ПЕХОТУ...**

**Иван Никонович
МОШЛЯК**

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
И. Н. МОШЛЯК

**ВСПОМНИМ
МЫ
ПЕХОТУ...**

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1978

ББК 63.3(2)722
М87

Литературная запись Л. И. ПАРФЕНОВА

М $\frac{11202-132}{068(02)-78}$ 58-78

ББК 63.3(2)722

9(с)27

© Воениздат, 1978

УРОКИ ЮНОСТИ

Когда вспоминаю я далекие годы моего детства, вижу прежде всего бескрайнюю, ровную, пеструю от обильного разнотравья алтайскую степь. В то время была она полудикая, нераспаханная. Бродили по ней кабарги и лисицы-огневки, козули и волки, а в небе парил орел, высматривая добычу. Более полувека минуло с той поры, но и по сей день живет во мне полученное в детстве впечатление необъятности мира, необыкновенной, дух захватывающей просторности неба и земли. От края и до края совершенно чистая, не загроможденная ни строениями, ни линиями высоковольтных передач и никакими другими творениями рук человеческих, степь представлялась мне явлением величественным, вечным и незыблемым, над которым люди не властны. Да и не часто, бывало, повстречаешь в степи людей. Поселения располагались редко. От моего родного села Родино ближайшее село находилось в двадцати пяти километрах, а до ближайшего городка Славгород было сто двадцать километров. Подводой до него приходилось добираться два дня, а то и все три-четыре, смотря в какое время года отправишься в путь.

Земля тут была жирная — чернозем. Пшеницу родила не хуже кубанской. Осваивать дикую степь украинские переселенцы начали еще в прошлом веке. С Украины приехали в алтайские степи и мои предки. Села здесь внешне выглядели так же, как на Украине,— белые хаты. Только не было пирамидальных тополей да вишневых садов — не приживались они в суровом сибирском климате. Если летом держалась обжигающая сухая жара, то зимой стояли морозы в тридцать—сорок градусов. А то затянет небо темной хмарью и зарядит пурга на неделю, да такая, что носа из дому не высунуть, или подует лег-

кий, ровный ветерок, по-местному — хиус. Коварная это штука. Поднимается он обычно в ясные морозные дни. Выйдешь из тепла — и вроде бы не замечаешь его: так, сквознячком потягивает. Потом чувствуешь — лицо начинает деревепеть. Вовремя не спохватишься, не ототрешь щеки снегом, считай — обморозился.

Натопить хату — тоже задача пелегкая. Лесов поблизости не было, а значит, не было и дров. На топливо шел кизяк — коровий да копский помет. Печи у нас клали русские, с лежаккой, так, чтобы сразу можно было обогреть весь дом. Кизяку требовалось много. Хорошо было тем, у кого скотины полный двор. А кто имел одну коровенку, тому и тепла негде взять. Малоимущему, бедному крестьянину всюду было трудно. Жизнь к нему почти всегда оборачивалась теневой стороной, а если при этом еще и природа была пеласкова, то уж и вовсе не видел он светлых дней.

В такой вот бедняцкой семье в 1910 году родился и я. С той поры, как помню себя, семья наша не вылезала из нужды. С детства слышал я разговоры родителей о куске хлеба. Отец мой, Никон Кириллович, имел земельный падел, но обрабатывать его не мог. От болезней и бескормицы пала лошадь. Отец часто вспоминал Гнедую и горевал о ней, как о близком друге. На покупку другой лошади не хватало средств. Надел пришлось сдать в аренду соседу, мужику справному и прижимистому. На лето отец нанимался к «обществу» в пастухи. Занятие это было ему не по душе. В те времена пастушеское ремесло считалось последним делом. В пастухи шел уже совсем неимущий человек. Конечно, от пастуха зависел нагул скота. Поэтому к пренебрежительному отношению прибавлялось сочувствие: пастуха жалели, совали ему сверх платы краюху хлеба или кусок сала, чтобы «помнил добро».

Отец же мой был человек гордый, с чувством собственного достоинства. С нами, детьми, — суров, но справедлив и отходчив во гневе. Знал он лучшие времена и мир посмотрел. Служил в русской армии, участвовал в русско-японской войне, имел четыре Георгиевских креста — полный кавалер. И вот полному георгиевскому кавалеру приходилось из лета в лето «крутить коровам хвосты». Но в те времена заслуги перед отечеством не ставились ни во что, коли за душой у тебя не было ни гроша. Местный богатеи Бескоровайный в войнах не участвовал,

всю жизнь занимался умножением собственного богатства, но урядник и насзжавший иногда становой пристав здоровались с ним за руку и его, а не моего отца-пастуха почитали «истинным сыном отечества».

Все же пастушескую должность отец оставить не мог, потому что пастушеский доход давал возможность семье существовать, хотя и впроголодь.

Я до сих пор помню аппетитный солодовый запах хлеба, когда мать, достав из печи свежее испеченный каравай, прижав его к груди и держа нож острием к себе, начинала отрезать толстые, мягкие, дышащие паром ломти, а мы, дети — я, два брата и две сестры, — сидели вокруг стола и следили за каждым ее движением. Рот мой наполнялся горьковатой слюной, которую я поминутно сглатывал. Мы не знали ни пряников, ни конфет, ни фруктов, поэтому ничего вкуснее свежее испеченного хлеба для нас не было. Перед каждым из нас отец клал по большому ломтю, и мы в ожидании, пока мать поставит на стол большую деревянную миску постных щей или овсяной похлебки, подгоняемые голодным нетерпением, отщипывали каждый от своего ломтя по крошечному кусочку, отправляли в рот и долго-долго, до ощущения сладости, жевали. Потом деревянными ложками из общей миски начинали черпать горячую похлебку и, чтобы не пролить ни капли, пока несем ложку ко рту, подставляли под нее ломоть. Он пропитывался похлебкой и оттого казался нам еще вкуснее. Покончив с обедом, мы тщательно собирали хлебные крошки, лепили из них шарик и, стараясь продлить удовольствие, опять долго-долго пережевывали.

То, что привилось в детстве, остается на всю жизнь. И по сей день запах свежего хлеба, сам вид его вызывают у меня чувство, похожее на благоговение...

Суровость природы, самих условий жизни вырабатывала в людях независимость, трезвость ума, решительность, смелость, трудолюбие, способность ответственно относиться к любому делу. Такими чертами характера обладали мой отец и мать, прививали они их и нам, детям.

Летом 1918 года, после мятежа белочехов, отец ушел с отрядом красных партизан. Все заботы о пропитании семьи легли на мать и сестру. Когда наступила пора уборки хлеба, они напялились к Бескоровайному на жатву. Вечером, накануне начала работ, мать позвала меня с улицы в хату, сняла со стены серп размером поменьше обычного, подала мне и сказала:

— Пойдешь, сынок, завтра со мной. Пора учиться жать, ты уже большенький.

Шел мне в ту пору восьмой год.

В нашем селе была школа. Мать очень хотела, чтобы я выучился на «фершала». Для нее, испытавшей всю горечь скудного полуголодного существования, непереносима была мысль о том, что и мне в жизни выпадет та же батрацкая доля. Сестра пошла в школу поздно (считалось, что женщине образование ни к чему). Только к четырнадцати годам окончила она первый класс. Осенью восемнадцатого года сестра отвела меня в школу, вооружив единственным учебником — своим букварем, который я хорошо знал: предыдущей зимой с помощью сестры научился читать по складам.

Запомнился мне на всю жизнь мой первый учитель Михай Яковлевич Бондаренко. Человек средних лет, очень серьезный, но не строгий, он со всеми был ровен, внимателен, мягок. Сколько любви и терпения проявлял он к каждому из своих учеников! От этого человека я впервые узнал, что Земля — планета, одна из многих, что она имеет форму шара и вращается вокруг своей оси и вокруг Солнца, благодаря чему происходит смена дня и ночи, а также смена времен года. Я узнал про далекие материки и страны, про то, что существуют люди с черным цветом кожи, про извержения вулканов и землетрясения, про огромные пароходы и многолюдные города. От Михая Яковлевича узнал я, откуда «есть пошла Русская земля», о том, как пращурьы наши отстаивали ее от вражеских полчищ, жизни своей не щадя. Узнал я, кто такие Александр Невский и Дмитрий Донской, Козьма Минин и Иван Федоров, Суворов и Кутузов, Степан Разин и Емельян Пугачев. Мой первый учитель рассказал мне, что такое пролетарская революция, кто такие большевики и кто такой Ленин.

Все это казалось мне так ново, так изумительно интересно, что зачастую даже естественное для мальчишки желание поозоровать на уроке отступало. Михай Яковлевич умел рассказывать, умел увлечь своих юных слушателей. Впоследствии знавал я многих учителей, встречались среди них и отличные. И все же, думается, мне повезло, что на заре жизни был у меня скромный сельский учитель Михай Яковлевич Бондаренко. Ведь даже первую настоящую книгу — «Робинзон Крузо» — прочитать мне дал именно он.

Михая Яковлевича давным-давно нет в живых. Со временем уйдут из жизни и его ученики, но не уйдет то доброе, что он воспитал в них и что они, конечно, передали своим детям...

Школа наша была преобразована в семилетку, и я ее закончил с похвальным листом. Родителей несказанно обрадовал мой успех. Мать прямо-таки расцветала, когда соседки говорили ей: «По всему видать, Порфирьевна, ученым будет сынок-то».

В тот день, когда я пришел из школы с похвальным листом, мать подарила мне новенькую сатиновую рубашку-косоворотку, а отец достал сшитые им кожаные сапоги и попросил примерить. И сапоги, и рубашка пришлись впору. Особенно обрадовали сапоги: они были первыми в моей жизни. Никогда потом ни одна обнова не доставляла мне столько удовольствия.

Отец, вернувшись с гражданской, продолжал пастушествовать. Советская власть утвердилась на селе. Жить стало легче. Но тут на нас свалилась новая беда — тяжело заболела мать. Отец возил ее по врачам, старался по мере возможности следовать их советам. Это требовало немалых средств. Пришлось продать корову, кое-какой инвентарь. Постепенно хозяйство пришло в полный упадок. И мне, окончившему с похвальным листом семилетку и мечтавшему о техникуме, пришлось опять наняться в батраки к тому же Бескоровайному (в годы учебы на лето я уже нанимался к нему на полевые работы, но тогда я жил дома, а теперь и жить перешел к хозяину).

Бескоровайный взял меня охотно. Исполнилось мне пятнадцать лет, был я паренек крепкий, жилистый, мог на горбу мешок зерна снести и не охнуть. Жизнь сделала меня смолоду выносливым, терпеливым, приучила к лишениям. Впоследствии, во время службы в Красной Армии, особенно в годы Великой Отечественной войны, наука эта мне очень пригодилась. Если, бывало, иных моих товарищей выматывали длинные переходы, бессонные ночи, голодание, холод и сырость, то я переносил все это довольно легко. Хотя должен оговориться, такой науки жизни, какую я прошел в отроческие и юношеские годы, не пожелаю современной молодежи. Ныне у нее есть способности закалять себя, не жертвуя ни здоровьем, ни чувством собственного достоинства. Этим молодежь обязана старшему поколению, которое в жестокой борьбе отвоевало ей право на новую, прекрасную жизнь.

Бескоровайный, крупный мужчина лет пятидесяти, хозяйствовал строго. Работников держал в ежовых рукавицах. Во время пахоты по нескольку раз на дню приходил в поле, проверял глубину вспашки, осматривал лошадей — не запалены ли. Если что не по нему — следовала скорая расправа.

Как-то прошел я гон, начал поворачивать лошадей. Плуг был не задействован, то есть скользил по жемам по земле, а лошади вдруг разыгрались и, вырвавшись у меня из рук, помчались поперек поля. Откуда ни возьмись — хозяин, налетел коршуном: «Что ж это ты делаешь, безрукий дьявол, поганая твоя образина?!» Да с маху как саданет мне в ухо, я и с ног долой. Вгорячах вскочил, ну, думаю, живому не быть, а тебе, гаду, смажу еще похлеще. Смотрю, бежит за лошадьми. Я — следом. Лошадей он остановил, обнимает обеих за морды, лицо какое-то размягченное, доброе, какого я раньше у него и не видел, и приговаривает ласково: «Ну-ну-ну, ну что вы всполошились, милые, ну успокойтесь, красавицы мои, вот вам, хлебца отведайте», и дает обеим по краюхе хлеба с солью. У меня и злость вроде прошла, и кулаки разжались. Показалось мне тогда, любил он лошадей. Потом уж понял: не вообще лошадей он любил, а своих лошадей, собственность свою.

Больше меня Бескоровайный не бил, но что касается оскорблений, тут он не стеснялся. Проспишь лишние полчаса — поднимает с руганью. Вообще поднять батрака он считал себя вправе в любое время, хоть среди ночи. «Ты себе не хозяин, я твой хозяин» — было у него любимое присловье.

Из года в год копилась в моей душе ненависть к этому человеку. Нет, пожалуй, даже не к нему, а ко всем людям такого типа, к хозяевам. Бескоровайный был лишь их воплощением.

Десять лет уже существовала Советская власть, газеты призывали к борьбе с эксплуататорами, а тут получалось, что им живется вольготнее некуда. Во мне начинало просыпаться классовое самосознание.

Мою ненависть к эксплуататорам усилило и свалившееся на нашу семью горе — умерла мать. «Мы бедные, — думал я тогда, — потому мать и умерла. Небось Бескоровайный не подохнет, он богатый».

Сумбурные, наивные мои понятия о классах и клас-

совой борьбе вскоре сменились точными и ясными представлениями. Случилось это так.

До меня дошел слух, что в селе образовалась комсомольская ячейка. Что такое Коммунистический Союз Молодежи, я знал и раньше — в школе объясняли. Но мне казалось, что ячейки комсомола могут существовать только в больших городах. Кому придет в голову создавать ячейку в нашем глухом степном селе? Да и зачем? Комсомльцы — это молодые борцы с эксплуататорами. Комсомол нацелен на мировую революцию. А с кем бороться у нас в Родине? С Бескорвайным? Так такие, как он, пока разрешены Советской властью. Они выращивают хлеб и продают его государству. Это у меня руки на Бескорвайного чешутся, потому что он эксплуатирует меня. Но какое до того дело комсомолу? Комсомол ведет борьбу в мировом масштабе.

И вдруг новость — создана ячейка. Я узнал, что находится она в двухэтажном кирпичном здании сельсовета, принадлежавшем до революции купцу. Как-то вечером, отпросившись у хозяина якобы навестить отца, отправился в ячейку. Подошел к зданию, постоял и не посмел войти. Дело происходило ранней весной, одет я был в дырявый кожух, в латаные-перелатаные катанки, на голове — вытертый треух. Куда же в таком виде в ячейку?

Через несколько дней — дело было утром, выгребал я навоз из копошны — подходит ко мне хозяин, хмуρο так говорит:

— Оставь пока, выдь за ворота, там тебя какая-то власть требует.

Бросил я вилы, вышел. Мне навстречу шагнул паренёк в кожаной тужурке, когда-то черной, а теперь вытертой до белесого цвета. На ногах опорки, брюки дудочкой, пузываются на коленках. Протягивает руку:

— Здорово, Ваня. Не узнаешь?

Присмотрелся: Петро Фоменко, мой одноклассник. Смешно мне стало: вот так власть! Всю жизнь Фоменки, как и мы, Мошляки, с хлеба на квас перебивались.

Поздоровались. Говорю, посмеиваясь:

— Комиссарить, что ли, кожанку-то одел?

— Вроде того, — отвечает, — секретарь комячейки.

Должно быть, он заметил, что я остолбенел от удивления, поэтому спросил:

— Ты чего, не веришь? Вот чудак! Кому же, как не нам с тобой, и состоять в комсомоле! Вот пришел звать

к нам. Все же ты семилетку кончил. Опять же батрак, эксплуатируемый класс.

— Погоди,— говорю я, а в горле пересохло, и голос, чувствую, у меня чужой, хрипловатый,— значит, и я в комсомол могу вступить?

— Вот чудак,— смеется Петро,— так комсомол и создан для таких, как ты. Пошли в ячейку, чего мы на улице-то говорить будем.

Я не знал, па что и решиться. Отпрашиваться у хозяина — пустой номер, не пустит, дело, скажет, па безделье меняешь. Почувствовал Петро мое колебание, подтолкнул в спину:

— Пошли. Кровососа своего не бойся, пусть только гавкнет, мы его живо приструним. Я же еще селькор, в губернской газете печатаюсь. Он, волкодав, меня знает и слова тебе не скажет, ручаюсь.

В помещении ячейки, тесной, прокуренной комнатухе с длинным столом и скамейками по обе стороны, нас ждали большинство комсомольцев села — семь человек. С некоторыми из них я учился в школе, других просто знал в лицо. Поздоровался с каждым за руку, сел. Попросили рассказать о моей жизни, о том, что думаю насчет политического момента и вообще о классовой борьбе. Сперва говорил я робко, запинаясь, но слушали меня внимательно, сочувственно. А под конец так разошелся, точно на митинге, и так изложил свое понимание классовой борьбы, как борьбы с бескорвайными в мировом масштабе, что меня тут же единогласно приняли в члены Коммунистического Союза Молодежи. Было это в 1929 году.

После собрания Фоменко дал мне почитать кое-какие брошюры. Из них я впервые узнал о марксистской теории классовой борьбы. Брошюры эти пьянили меня, открывали поразительные вещи: я, батрак из глухого алтайского села, состою в рядах борцов за социальную справедливость, являюсь орудием социального прогресса, личностью, которая плечом к плечу с другими такими же эксплуатируемыми делает историю человечества.

Кстати, более всего в истинности этих положений меня убедило поведение хозяина. Когда поздно вечером я заявился домой, Бескорвайный против обыкновения не только не обругал меня, но даже слова упрека не сказал, лишь посмотрел мрачно, исподлобья и отвертел глаза.

С того дня я уже перестал быть безответным батраком. Я был не один, за мною стояли товарищи по ячейке. Это обстоятельство сразу отразилось на отношении хозяина ко мне. Грубая ругань прекратилась, а право отказываться от лишней работы я взял сам. Бескоровайный злился, но терпел. Считал меня работником выгодным — о повышении оплаты я не заикался, к тому же любил лошадей, да и они ко мне привыкли.

Петро Фоменко направили на работу в уездный комитет комсомола, а вскоре его избрали секретарем уездного комитета. Как-то в середине осени приехал он к нам на собрание ячейки. После собрания попросил меня остаться. Уселись за столом друг против друга.

— Все батрачишь? — спросил Петро.

— Батрачу.

— Дохлое это дело, Ваня. Понимаешь, никакого будущего не сулит. А бедняцкой молодежи теперь все пути открыты.

— Так куда денешься — семья.

— Что семья... Братья уж самостоятельные, сестры тоже, отец работает. Тут, понимаешь, такое дело... Объявлен набор комсомольцев в Красную Армию. Дело, конечно, добровольное. Но и берут не всякого, а по рекомендации уездкома. Ребята нужны крепкие, международное положение — сам знаешь... Ты парень, по-моему, подходящий. Сознательный, водкой не балуешься, силой не обижен. — Он улыбнулся. — Ручищи вон — возьмешь врага за глотку, тут ему и карачун. В общем, — Петро онятно посерьезнел, — советуую идти в армию добровольцем.

Предложение было неожиданным. Конечно, в Красной Армии службу проходить все равно придется. Но сейчас добровольно, с комсомольской путевкой. Доверие товарищи оказывают, дело почетное.

— Дай срок, Петро, с отцом посоветоваться надо.

— Ладно, на раздумья тебе — два дня. Надумаешь — приезжай в уездком, дадим направление, характеристику, и валяй в военкомат.

Отец мое желание пойти добровольцем в Красную Армию одобрил:

— И то, хлопец. Что тебе всю жизнь, что ли, на кулаков хребет гнуть? Послужи трудовому народу.

Через день я был в уездкоме у Фоменко. Он выдал нужные бумаги, и я отправился в военкомат. Там рабо-

тали двое друзей по комсомольской ячейке. С их помощью быстро оформил документы и пошел на прием к военкому. Он поздравил меня, сообщил, что буду служить в пехоте. Через неделю мне предстояло явиться на сборный пункт.

Радостно и легко стало на душе. Вот и кончилось мое четырехлетнее батрачество у Бескоровайного. Круто поворачивалась моя судьба, жизнь выводила на большую дорогу. «Буду красноармейцем, защитником завоеваний революции — должность у нас в стране почетная. Оружие, которое мне доверят, будет направлено против бескоровайных в мировом масштабе. Уж я-то их знаю, на своей шкуре испытал, каковы они, эксплуататоры, и, в случае если придется стрелять по ним, не промахнусь», — так думал я, возвращаясь в уездный комитет комсомола.

Петро, узнав, что я принят, обнял меня и, сияя улыбкой, сказал:

— Ну, Ваня, желаю дослужиться до комдива. А что? Очень даже возможное дело! Ты парень гвоздь!

Вспомнились мне его слова много лет спустя, весной 1943 года, когда, будучи в звании полковника, я вступил в командование 62-й гвардейской стрелковой дивизией...

Через неделю вместе с несколькими односельчанами-призывниками я прибыл на сборный пункт. Съехалось нас со всей округи около сотни человек. Подтянутый военный с четырьмя треугольниками в петлицах стал выкликать фамилии — распределять новобранцев по командам. Тут мне пришлось расстаться с односельчанами. Оказавшись среди незнакомых людей, я почувствовал себя как-то неуютно, однако старался бодриться.

Вечером нашу команду на подводах отправили в город Славгород. Добирались мы туда двое суток. Выгрузились около станции. Впервые на девятнадцатом году жизни увидел я город, железную дорогу, товарный состав с пыхтящим паровозом. Нас посадили в теплушки и повезли в Ачинск. Монотонно стучали колеса вагона. Я сидел на парах и чувствовал, как от этого стука тоскливо сжимается сердце.

С каждой минутой я все дальше удалялся от родного села, от семьи, от друзей, от могилы матери, от уклада жизни, к которому привык с детских лет и который был мне так понятен и близок. Тоска по тому, что я покинул, страх перед новым, неизвестным вызывали во мне почти физическую боль, выжимали слезы из глаз. Думалось:

«Может, напрасно покинул я родное село? Что ожидает меня впереди? Какие испытания? Военная служба — дело не шуточное. Она требует собранности, мужества, споровки. А коли в бой придется пойти, под пули? Хватит ли сил побороть страх смерти, не броситься наутек?..» Тут я представил себе моего бывшего хозяина, целящегося в меня из окопа, и страх мой как рукой сняло, тоска начала отпускать сердце. Появилась бодрость, сознание нужности предпринятого мною шага.

Заснул я лишь за полночь. Но выспаться не удалось — вскоре поезд прибыл в Ачинск.

— Выходи из вагонов! — послышался зычный голос.

Мы очутились на высокой товарной платформе. В темноте угадывались приземистые длинные пакгаузы. Раздались команды: «Становись!», «Равняйся!», «На правую! Шагом — марш!».

Колона наша миновала железнодорожные пути и свернула в поле, в сторону от города. Вскоре с нами поравнялся командир с четырьмя треугольниками в петлицах, знакомый нам еще по сборному пункту.

— Куда это мы идем, товарищ командир? — всполошенно спросил парень, шагавший впереди меня.

Командир внимательно посмотрел на него и заговорил спокойно, размеренно, как равный с равными:

— Вот что, ребята, раз и навсегда запомните: таких вопросов задавать нельзя. Боец Красной Армии должен точно и четко выполнять приказы и команды, а куда его ведут — про то обязан знать только командир. Есть такая штука — военная тайна. Слышали?

— Ага, — отозвался парень.

— Не ага, а так точно, товарищ командир.

— Так точно..

— Ну вот и хорошо. А теперь помолчите, потому что разговаривать в строю не положено.

Так началась для нас, повобранцев, военная служба.

БАТКА

Небольшой военный городок—несколько двухэтажных кирпичных казарм, плац между ними, приземистые склады чуть в стороне — был построен в 1914 году. Здесь формировались маршевые батальоны для фронта. В конце 1929 года в городке располагался 118-й стрелковый полк 40-й стрелковой дивизии. В этом полку и предстояло служить нам, только что прибывшим новобранцам.

Нас разместили в казарме, дали соснуть, а утром построили на плацу. Неподалеку шли строевые занятия взвода красноармейцев. Одновременно и четко выполняя команды, они брали винтовки на плечо, на ремень, рубили строевой шаг. Новобранцы, одетые в домашние кожаные, полушубки, пальто, в нахлобученных на лохматые головы треухах, резко отличались от этих подтянутых, стройных ребят в шинелях и буденовках. Нам сразу стала видна наша неотесанность, неуклюжесть. Как-то не верилось, что и мы со временем станем такими же молодцеватыми бойцами Красной Армии.

Перед нашей шеренгой появился высокий командир в длинной кавалерийской шинели с одним кубиком в петлицах. В лучах низкого солнца кубики эти рубиново поблескивали и, наверное, потому командир показался мне на диво красивым. Был он молод, может, на два-три года постарше каждого из новобранцев. Широкий командирский ремень туго стягивал его тонкую талию, португез держалась как влитая, на шинели ли единой морщинки. Его подтянутость, военная выправка так поразили меня, что я смотрел на него, словно на чудо.

Командир поздоровался с нами, шеренга вразнойой ответила.

— Я командир первого взвода полковой школы Борисенков,— сказал он.— Хочу с вами побеседовать. Не воз-

ражаете? — Он улыбнулся, а по шеренге ветерком пробежало оживление, послышались голоса: «Не возражаем!»

Борисенков прошел на правый фланг, задал какой-то вопрос правофланговому — высокому парню в городской кепке. Тот бойко ответил. Командир удовлетворенно кивнул головой, достал блокнот, карандаш и что-то записал. Затем перешел к следующему. На этот раз в блокнот ничего не было записано. Когда до меня осталось человека три-четыре, я услышал разговор между Борисенковым и очередным новобранцем. Молодой командир поинтересовался, откуда парень родом, каково его социальное происхождение, где учился, какое образование. Парень сказал, что закончил четыре класса сельской школы. Борисенков кивнул и, ничего не записав в блокнот, обратился с теми же вопросами к стоявшему рядом. У того за плечами оказалась семилетка.

— Хотите учиться в полковой школе на младшего командира? — спросил Борисенков.

— Хочу, товарищ командир.

— Ваша фамилия?

Новобранец назвал фамилию, Борисенков записал.

Мне стало ясно: идет набор в полковую школу, а возьмут тебя или нет — зависит от твоего образования. Чтобы взяли, надо иметь не меньше семи классов. А у меня как раз семь. Значит, возьмут. Вот удача-то! Буду служить во взводе этого бравого командира. Борисенков остановился передо мной. У него было сухощавое интеллигентное лицо, веселые умные глаза.

— Теперь вы расскажите о себе.

— Родом из села Родино, из крестьян, был батраком, закончил семь классов, — бодро отрапортовал я.

В то время по-русски я говорил с сильнейшим украинским акцентом, вернее, даже не по-русски, а на каком-то смешанном украинско-русском языке. По напряжению, которое появилось во взгляде серых пронизательных глаз Борисенкова, я догадался, что он плохо понимает мою речь. Я попытался растолковать все заново, но он поднял руку:

— Достаточно, достаточно... — и, шагнув дальше вдоль шеренги, обратился к моему соседу.

Сердце мое словно кипятком ошпарило, кровь бросилась в лицо — все, не принят! Но почему? Ведь я закончил семилетку... Стать командиром Красной Армии, даже младшим, — такая честь для меня. Когда я батрачил у

Бескорвайного, мне это и во сне не снилось. Только здесь, сейчас, я понял, как это реально, как осуществимо. Поял, воспарил в мечтах, и тотчас все они обратились в прах... Чем я ему не приглянулся? Чем хуже других?

На плацу появился невысокого роста командир с одной шпалой в петлицах. У него было не улыбочливое лицо, близко поставленные глаза, смотревшие строго и холодно. Закончив опрос, Борисенков подошел к нему, козырнул и что-то доложил. Получив, видимо, какое-то распоряжение, командир взвода вернулся к нашей шеренге и медленно двинулся от левого фланга к правому. Он продолжал опрос, но теперь уже выборочно, иногда заносил в блокнот фамилии. Должно быть, при первом опросе у него получился недобор. У меня вновь появилась надежда — вот случай, который может больше не представиться. «Смелее, Иван, преодолей свою деревенскую робость — ты же комсомолец», — старался я приободрить себя.

Когда Борисенков поравнялся со мною, я твердо сказал:

— Товарищ командир, возьмите меня в полковую школу. Учиться обещаю на отлично. — На этот раз мне удалось выразить свою мысль по-русски довольно четко.

Борисенков остановился, оглядел меня оценивающе.

— Очень хотите учиться?

— Очень, товарищ командир.

— Фамилия?

Я сказал. Борисенков записал ее в блокнот, затем, пройдя вдоль шеренги до конца, вернулся к своему начальнику. После того как они поговорили, Борисенков обратился к нам:

— Товарищи! Те, чьи фамилии я сейчас пазову, должны сделать два шага вперед! — и он начал по своему блокноту зачитывать фамилии.

Я стоял сам не свой, сцепив от внутреннего напряжения зубы. И вдруг — будто гора с плеч — слышу свою фамилию. Делаю два шага вперед.

Полковая школа помещалась в отдельной казарме. На втором этаже классные комнаты, на первом жилые помещения, у каждого взвода свое. Я попал, как мне и хотелось, в 1-й взвод, которым командовал Николай Павлович Борисенков, сыгравший в моей военной судьбе не послед-

нюю роль. Командир со шпадой, которого я видел на плацу, был начальник полковой школы капитан Аксенов.

Программа школы оказалась довольно обширной и требовала от курсантов немалого напряжения. Чтобы стать настоящими младшими командирами, мы должны были за год изучить уставы внутренней и гарнизонной служб, строевой устав, боевую тактику в масштабе отделения и взвода, взводное оружие — винтовку, ручной пулемет, гранаты образца 1914 года и Ф-1 (так называемую лимонку), основы военно-инженерного дела, а также методику обучения рядовых бойцов.

С первого же дня занятий я с головой ушел в учебу, помнил, что дал командиру слово учиться на отлично. Однако сдержать это слово оказалось не так легко. Я недостаточно хорошо знал русский язык, да и математических знаний у меня явно не хватало — сельская школа того времени отличалась от городской. Приходилось каждую свободную минуту проводить за учебниками, за уставами. Многое было непонятно, а обратиться за разъяснениями к преподавателям или к командиру поначалу стеснялся.

Однажды вечером в комнату для самостоятельных занятий зашел Борисенков, подсел ко мне.

— Как дела, товарищ Мошляк? Трудновато вам?

Я смутился, не зная, что ответить. Скажешь, что трудно, что не усваиваешь кое-какие разделы программы, могут отчислить в стрелковый взвод. Но все же язык не повернулся соврать.

— Так точно, трудно, товарищ командир. Русский язык плохо знаю да и в математике слаб.

Борисенков помолчал, что-то соображая. Затем сказал:

— Давайте сделаем так, товарищ Мошляк. Через час зайдите ко мне, я вам подготовлю задания по русскому языку и математике. Придется вам параллельно с программой пройти общеобразовательный курс, иначе у вас ничего не получится.

Борисенков жил тут же, при полковой школе, и с того дня я почти каждый вечер бывал у него. Он давал мне задания, объяснял непонятное, помогал заниматься. Все это он делал весело, с шуткой, по-товарищески, так, что я чувствовал себя непринужденно и свободно. Дружба с командиром окрыляла меня. Хотелось быть достойным ее.

Я и раньше знал, что Красная Армия — это армия нового типа, в которой дисциплина — подчинение младшего по званию старшему — основывается на высоком сознании бойцов и командиров, на понимании ими своего воинского долга, но теперь я убедился в этом на собственном опыте. Новый тип отношений в нашей армии стал той силой, которая в дни Великой Отечественной войны, в самые тяжелые моменты помогала спланировать бойцов и стоять насмерть.

В то нелегкое время страна ничего не жалела, чтобы обеспечить Красную Армию всем необходимым. Любовь народа к своей армии была безгранична, и мы ее постоянно чувствовали. Она проявлялась даже тогда, когда мы строем проходили по улицам города. Прохожие останавливались на тротуарах, махали нам руками, девушки дарили цветы, восторженные мальчишки бежали следом.

Окруженные всеобщим почетом, уважением и любовью, мы не могли не проявлять рвения в делах службы, и примером в этом нам были наши командиры. Для меня в первую очередь Борисенков. Родом из Москвы, он закончил девятилетку и Омское пехотное училище имени М. В. Фрунзе. Образованность, прекрасное знание военного дела, природный ум, умение расположить к себе людей делали его отличным командиром.

— Нет ничего хуже для командира, чем обнаружить перед бойцами свое невежество в военном деле, — говорил он. — Это уже, считай, комапдир только по петлицам, а не по сути.

Для меня, вчерашнего батрака, Борисенков, человек столичный, образованный, был настоящим кладом мудрости. И я черпал ее полными пригоршнями.

Из всех разделов военной науки особенно увлекало Николая Павловича снайперское дело. По этому вопросу он перечитал массу литературы, отечественной и иностранной. Сам Борисенков стрелял отлично. Поражало меня то, что целился он не замуривая левого глаза. Следуя этой методике, я за год научился стрелять так, что заслужил его похвалу.

Со временем наши дружеские отношения окрепли, и, когда мы находились во внеслужебной обстановке, стирались всякие грани субординации. Я называл Николая Павловича батшкой, а он в ответ посмеивался: вот неожиданно-негаданно обзавелся взрослым сыном. А я на са-

мом деле видел в нем второго отца, человека, открывшего мне мир военной науки, привившего любовь к воинской службе. Так на всю жизнь и остался он для меня батькой, всю жизнь я испытывал к нему сыновнюю почтительность, хотя старше меня он был всего лишь на три года.

Весной 1931 года наш набор закончил полковую школу. Я сдержал слово, данное Борисенкову, — все предметы сдал на отлично. Он радовался этому, казалось, больше, чем я. Особенно доволен Николай Павлович был моими результатами на зачетных стрельбах, где я занял первое место.

— Понимаешь, Иван, — объяснял он мне свою радость, — в работе с тобой у меня получается высокий КПД — девяносто процентов затраченной энергии идет впрок...

После выпуска по представлению Борисенкова и начальника полковой школы Аксенова мне дали не два, а три треугольника в петлицы и оставили при полковой школе помощником командира первого взвода, в котором еще недавно я числился рядовым.

Я держу в руках любительскую фотографию тех лет. На ней снят комсостав полковой школы вместе с командованием полка. На меня смотрит моя молодость — крепкие парни в гимнастерках и португезах, мои товарищи и начальники: командиры взводов Степанченко, Петкевич, Борисенков, Кучерявенко, Красовский, Долгов, старшина Воскобойников, начальник школы Аксенов, командир полка Самсопов, комиссар полка Щудров, секретарь партбюро полка Гурьев. Это все замечательные люди, и я благодарен судьбе за то, что мне довелось служить вместе с ними.

Однажды дивизию подняли по тревоге и погрузили в эшелоны. Нас повезли на восток. Несколько дней мы находились в пути. Позади остались Иркутск, Чита, Хабаровск... Выгрузились на одной из станций в Приморье. Кругом заснеженные сопки, тайга. Разместились в типовых казармах, построенных еще во время русско-японской войны.

Мы уже знали, что передислокация вызвана обострившейся угрозой нападения со стороны Японии. Оккупиро-

вав Маньчжурию и создав государство Маньчжоу-го, Япония бросила к нашим дальневосточным границам значительные силы — до шестнадцати дивизий. При этом необходимо учесть, что численность японской дивизии была почти вдвое больше численности нашей дивизии. И хотя наша дивизия обладала куда большей технической оснащенностью и огневой мощностью, все же существовала реальная угроза, что японские генералы двинут свои войска через границу.

Возникла необходимость срочно увеличить выпуск младших командиров. Полковую школу превратили в учебный батальон. Теперь мы могли ежегодно выпускать младших командиров в три раза больше, чем прежде. При боевом развертывании полк, пополнившись бойцами запаса и новобранцами, мог в кратчайший срок стать дивизией — командными кадрами он был обеспечен.

К 1932 году относится большое событие в моей жизни — я был принят в члены Коммунистической партии. Рекомендации мне дали Борисенков, командир полка Самсонов и секретарь партбюро полка Гурьев. Во время Великой Отечественной войны Гурьев стал генералом. Он командовал корпусом и погиб при штурме Кенигсберга. Его именем назван город Найхаузен, что находится в Калининградской области. Ныне город Гурьевск.

Вступление в ряды партии открыло меня. Ведь для меня, бывшего батрака, программа партии, провозглашавшая беспощадную борьбу со всяческими эксплуататорами, была моей программой. Отныне я не просто вооруженный воин, обязанный защищать свою Родину от посягательств агрессора, а коммунист, ответственный за все, что происходит в стране.

Через год я закончил девятилетку. Это тоже было для меня большой радостью. Теперь передо мной открывались широкие горизонты.

С того самого момента, как полковую школу преобразовали в учебный батальон, Борисенков, будучи энтузиастом снайперского дела, не переставал хлопотать о создании снайперской команды. Он имел уже три кубика и командовал стрелковой ротой. Когда снайперская команда наконец была сформирована, Борисенков стал ее начальником.

Я к этому времени состоял в должности старшины учебного батальона. Как-то утром после поверки подошел ко мне расслыльный и доложил, что меня вызывает командир полка. Иду в штаб полка и гадаю: зачем бы это? Командир полка Тимофей Васильевич Лебедев, сменивший Самсонова, принял полк недавно, и никто еще не знал, каков у него характер.

Вошел в кабинет, доложил о прибытии. За письменным столом сидел красивый человек, средних лет. Он смотрел на меня доброжелательно, слегка улыбаясь, предложил сесть. Когда я сел, Тимофей Васильевич сказал:

— Вы, товарищ Мошляк, старшина учебного батальона. Вам, как говорится, и карты в руки. Расскажите-ка мне о боевой подготовке в нашем полку.

Я несколько опешил. Странное желание у пового полкового! Уж если ему хочется знать о боевой подготовке, так не лучше ли расспросить об этом своего начальника штаба или командира учебного батальона? Однако советовать высокому начальству не положено. Начинаю докладывать. Говорю о тактической и огневой подготовке. Послушал меня Лебедев минут десять, затем спрашивает:

— Как вы думаете, правильно мы обучаем пехоту для участия в будущей войне? И вообще, как вы себе представляете войну будущего?

Час от часу не легче. Что я могу думать о войне будущего, если у меня за плечами нет ни одной войны? Хорошо, если выпускник академии ответит на такой вопрос, а я всего лишь старшина. И все же надо соответствовать... Еще Суворов не терпел «немогузнаек». Да и дружеские беседы с Борисенковым на военные темы не прошли даром.

— Я думаю, товарищ командир полка, так, — бодро начал я. — Необходимых знаний и навыков для того, чтобы обучать бойцов, у нас, младших командиров, недостаточно. Я в армии шестой год, а учу подчиненных так, как учили меня пять лет назад. Какой же получится из меня командир в войне будущего?

Лебедев слушал и согласно кивал. Я чувствовал: моя горячность и некоторая резкость ему по душе.

— Вы совершенно правы, товарищ Мошляк, командиры обязаны постоянно учиться, обновлять свои военные знания. Жаль, недостаточно у нас учебных заведений. Придется учиться самим. Главное — хорошо, что вы об этом думаете, замечаете свое отставание. Осознанный пе-

достаток уже наполовину исправленный недостаток. Я-то вас почти не знаю, но товарищи очень хорошо отзываются о вас. За годы службы вы много раз поощрялись. Словом, вас рекомендуют на должность командира взвода снайперской команды. Если возражений нет, идите к начштаба и получите предписание.

Некоторое время я сидел в растерянности, не зная, что сказать. Это, конечно, Борисенков добился, чтобы меня перевели к нему в снайперскую команду командиром взвода. А весь разговор про боевую подготовку, про войну будущего всего лишь маленький экзамен. Я вышел от командира полка чуть ошалевший от счастья.

Восхитительное это чувство — знать, что ты самостоятельный командир целой боевой единицы, что от тебя зависит, как сложится судьба тридцати с лишним человек: станут ли они грамотными, физически сильными, умелыми солдатами, останутся ли для них годы военной службы одним из ярчайших и светлых воспоминаний в жизни.

Подготовка снайперов оказалась делом сложным и кропотливым. Уже сам отбор кандидатов в снайперскую команду требовал от нас, командиров, большого внимания и терпения. Снайпер должен обладать стопроцентным зрением, отличной реакцией, железной выдержкой, хорошей общей и физической подготовкой, быть смекалистым и выносливым. Будущему снайперу прививалась привычка содержать оружие в идеальной исправности и чистоте.

Все обучение проходило под девизом «Делай, как я!». И тут личный пример командира имел большое значение. Должен сказать, что квалифицированному обучению бойцов снайперскому делу очень помог прибор, сконструированный и изготовленный Борисенковым. Прибор этот представлял собой две жестко скрепленные под углом винтовки, наведенные на одну мишень. Пользуясь им, можно было непосредственно контролировать снайпера во время прицеливания и в момент боевого выстрела.

На показательных стрельбах мой взвод занял первое место по дивизии, а меня за отличную подготовку снайперов командир дивизии наградил хромовыми сапогами.

Вскоре я получил кубик в петлицу и звание младшего лейтенанта. Как раз в это время в Красной Армии были введены новые воинские звания.

В полковом клубе собрались бойцы и командиры. В торжественной обстановке командир полка зачитал приказ о присвоении мне и еще нескольким сверхсрочникам

звания младший лейтенант. Я очень волновался и потому смутно помню, как поздравлял нас командир дивизии Владислав Константинович Васенцович.

В фойе клуба меня обнял старший лейтенант Борисенков, а я, счастливый, лишь бормотал:

— Батька, батька, ведь это все вы... ваше...

А он смеялся, кажется еще более счастливый, чем я.

Все это было уже несколько позже, когда 40-я стрелковая дивизия передислоцировалась в новый район. Мы стояли в десяти — пятнадцати километрах от границы, неподалеку от озера Хасан. Такое перемещение было вызвано обострением советско-японских отношений, которое возникло вследствие ряда нарушений границы подразделениями Квантунской армии.

Отменили отпуска. До этого я дважды побывал в отпуске в своем родном селе. Жизнь там круто переменилась. Крестьяне объединились в колхоз. Кулаков, в том числе и Бескоровайного, раскулачили и сослали. В бывшем доме Бескоровайного помещалось теперь правление колхоза. В нашу семью пришел наконец-то достаток. Отец, братья, сестра стали колхозниками. Из ребят, моих товарищей по школе, в селе почти никого не осталось — кто служил в армии, кто работал в Барнауле, Славгороде, других городах страны. Подросло новое поколение. Вечерами на улицах плясали под гармошку незнакомые парни и девушки — те, кто в год моего ухода в армию еще гонял по улицам верхом на прутиках.

Как ни радостно меня встречали дома, как ни славно мне жилось в отпуске, истинным своим домом я уже считал родной 118-й стрелковый полк. И каждый раз, подъезжая к расположению своей части, я испытывал волнение, какое бывает у человека, который после долгого отсутствия возвращается к своей семье. Как идут дела в полку? Что нового в моем взводе? Справляется ли с обязанностями командира мой заместитель? Что происходит на границе? Эти вопросы не давали мне покоя, и я слонялся по вагону, не находя себе места.

...Полки дивизии занимались усиленной боевой и политической подготовкой. Подразделения обменивались опытом учебы, проводились методические занятия, командиры и политработники разъясняли бойцам линию партии в вопросах внутренней и международной политики.

Большое внимание уделялось физической подготовке бойцов. Почти каждый день, а иногда и ночью мы совер-

шали марши на двадцать пять километров с полной выкладкой, а выкладка весила два пуда. Особенно тяжелы такие походы были зимой, в морозы. К концу похода бойцы едва передвигали лыжи, некоторые отставали. Но мы не падали духом. Нашим девизом стало известное суворовское изречение: «Тяжело в учение — легко в бою».

В 1937 году было проведено двустороннее учение в составе двух полков. В это время я уже имел звание лейтенанта и командовал стрелковой ротой. Незадолго до того покинул полк друг и наставник мой Николай Павлович Борисенков. Он был переведен командиром батальона в Тулу. С грустью расставались мы с ним: доведется ли свидеться? Дальневосточный театр в то время считался самой «горячей точкой» — всякое могло случиться.

Учения должны были показать степень тактической грамотности войск в наступлении и в обороне.

Нашему 118-му стрелковому полку предстояло играть роль обороняющейся стороны. Командовал полком Павел Григорьевич Соленов, сменивший на этом посту Тимофея Васильевича Лебедева, который стал командиром 40-й дивизии. Полк усилили противотанковой артиллерией и другими оборонительными средствами.

Наступить на нас должен был 119-й стрелковый полк, которым командовал майор Смирнов.

На рассвете мы заняли оборону. Моя рота находилась в центре участка обороны батальона. Я выдвинул вперед боевое охранение, сам же в который уж раз обошел боевые порядки, проверил маскировку окопов, пулеметных точек. Не было тогда ничего страшнее и губительнее для пехоты, чем неожиданный, с близкой дистанции, кинжальный пулеметный огонь.

Солнце клонилось к горизонту. Со своего КП я рассматривал в бинокль расстилавшуюся передо мною, отрезанную от окопов рядами колючей проволоки, всхолмленную равнину. Никакого движения впереди, все спокойно. Вдруг захлопали винтовочные выстрелы. Стрельба то усиливалась, то ослабевала. По полевому телефону старший боевого охранения доложил, что появился «противник» численностью до отделения, открыл огонь, боевое охранение отвечает огнем. Стрельба слышалась также справа и слева. Значит, «противник» прощупывает наши позиции, пытается определить уязвимое место, куда можно будет ударить главными силами. Стрельба вскоре стихла. На закате солнца меня вызвал командир полка. Когда я при-

шел на КП полка, там было людно. Собрались почти все командиры батальонов и рот.

Поднялся Павел Григорьевич Соленов, грузноватый, плотный человек:

— Положение такое, товарищи, — сказал он. — «Противник» произвел разведку боем, нащупал нашу оборону и теперь совершает перегруппировку. Утром он обрушит на наши позиции свой кулак. Но мы поступим так, как принято у хороших боксеров, — уклонимся от удара, займем новые позиции. Кулак «противника» попадет в пустоту. Это заставит его замешкаться. Смирновцы потеряют темп, а мы тем временем нанесем ответный удар и разобьем их. Сейчас усиленные разведывательные дозоры «противника» залегли перед нашим передним краем и ведут наблюдение. Мы так же оставим заслон для наблюдения. Приказываю! — Голос Соленова окреп, и все присутствующие встали по стойке «смирно». — Приказываю! Ровно в час ротам бесшумно, со строжайшим соблюдением всех правил маскировки, отойти к северной окраине поселка Н. Там развернуть оборону фронтом на запад. — Командир полка обернулся к начальнику штаба. — Товарищ капитан, раздайте приказ.

Я вернулся на КП роты, вызвал командиров взводов, передал приказ.

Рота уже покидала позиции, когда в траншее появился командир полка в сопровождении ординарца.

— Товарищ лейтенант, не найдется ли у вас тут какого-нибудь прутика или палки?

Я выскочил из траншеи, срезал ножом длинный прут, острогал сучья, подал Соленову. Он достал блокнот, что-то быстро написал на странице, вырвал ее и надел на тонкий конец прута, а толстый конец воткнул в рыхлую стенку траншеи.

— Ну, двинулись, товарищи.

В голосе командира полка я уловил сдержанный смех.

Все произошло так, как предсказал майор Соленов. На рассвете, после артиллерийской подготовки, произведенной по оставленным нами окопам, командир 119-го стрелкового полка ракетой дал сигнал к началу атаки. Вперед ринулись танки. На большой скорости они проскочили нашу первую траншею, затем вторую и... замедлили ход, а вскоре совсем остановились. Громить было некого, «противника» перед ними не оказалось.

Командиру 119-го полка посредник передал страничку из блокнота, найденную им в траншее. Вот что там было написано: «Привет смирновцам, ищите нас, как ищут ветра в поле».

Победа была полностью отдана 118-му стрелковому полку.

На разборе учений командиру 119-го полка майору Смирнову было указано, что главная его ошибка, в результате которой полк потерпел поражение, — недооценка роли разведки. Действия же командира 118-го полка все единогласно признали образцовыми. Его обманный маневр принес полку победу. Павел Григорьевич Соленов был награжден... конечно же сапогами.

После учений я засел за книги по тактике, по военной истории. Разбирал маневры войск в великих битвах прошлого, в первой мировой и гражданской войнах. Мне стало ясно, что в моих военных знаниях есть пробелы. Прежде я уповал в основном на силу пулеметного огня в упор, уделял большое внимание маскировке. Безусловно, это все очень важные моменты. Но после учений я понял, что нельзя забывать и о маневре. Иной раз он бывает эффективнее самого плотного огня.

Между тем обстановка на дальневосточных рубежах страны к лету 1938 года накалилась до предела. Еще за два года до этого отряды японцев дважды переходили границу: первый раз в районе пади Мещеряковая, второй — в районе погранзнака № 8. Они проникали на советскую территорию до полутора километров в глубину. В последнем бою с японцами погиб один из ближайших моих друзей, командир взвода нашего полка лейтенант Краскин... Мы вышвырнули врага с советской земли, но понимали, что на этом он не успокоится.

В 1938 году участились случаи засылки на нашу территорию шпионов и диверсантов. Нарушения границы приняли массовый характер. Японские полевые войска подтягивались к Приморью. По всему чувствовалось — японцы готовятся к нападению.

118-й стрелковый полк, как и другие полки дивизии, был приведен в боевую готовность...

НА ХАСАНЕ

В мае 1938 года меня избрали секретарем партийной организации полка. Это большая честь, конечно, но работы на меня сразу навалилось столько, что поначалу даже немного растерялся. Ведь опыта партийной работы у меня, что называется, кот наплакал. Свободного времени совсем не оставалось. Посмотришь, другие командиры, закончив рабочий день, давно уж в семейном кругу отдыхают, а ты еще в штабе сидишь или в клубе. Либо планы работы составляешь, либо собеседование проводишь, либо политинформацию, либо хлопчешь о выпуске боевого листка...

В субботу 23 июля я пришел домой поздно, в двенадцатом часу ночи, — задержался в штабе. Заснул, едва голова коснулась подушки. Утром вставать не торопился — воскресенье, ничего важного на этот день не намечалось. В самый раз бы отоспаться за всю суматошную неделю.

Поднялся около девяти, решил позавтракать, а потом еще часика два соснуть. Но благодушным планам моим не суждено было осуществиться. На крыльце послышались торопливые шаги, раздался стук в дверь и на пороге появился рассыльный.

— Товарищ лейтенант, вас вызывает в штаб командир полка.

Я оставил недопитым стакан чаю, на ходу дожеввал бутерброд и помчался по вызову. По дороге гадал: «Зачем я понадобился в штабе в воскресенье?» Но на душе уже было тревожно: «Видимо, что-то случилось на границе».

В кабинете командира полка майора Соленова находились комиссар старший лейтенант П. И. Бондаренко и заместитель начальника штаба капитан Г. Н. Низовский. Я доложил о прибытии.

— Садитесь, Иван Никонович, — спокойно, даже несколько флегматично сказал Соленов. — Хочу ознакомить вас с обстановкой.

Я сел на стул и, не утерпев, спросил:

— Японцы?

Чуть щуря темно-карие глаза, комиссар метнул на меня острый взгляд:

— Угадал...

Мое воскресное благодушное настроение как рукой сняло. Вот оно — начало...

— Обстановка такая, — все тем же ровным, спокойным голосом продолжал командир полка, — в районе озера Хасан японцы сосредоточили большие силы. Это неспроста. Возможны всякого рода провокации. Командир дивизии приказал мне выделить усиленный батальон и к утру двадцать пятого июля сосредоточить его вблизи границы. Хотелось бы, Иван Никонович, знать твое мнение, как секретаря парторганизации: какой батальон целесообразнее всего направить для выполнения этой боевой задачи? Дело ответственное... да и почетное. А вы к тому же из всех нас, — Соленов взглянул на комиссара Бондаренко и капитана Низовского, — самый старый служака в полку. Вам, как говорится, и карты в руки.

Отличительной чертой Павла Григорьевича Соленова было глубокое уважение к подчиненным, умение использовать их опыт и знания. Сам он, участник гражданской войны, обладал большим военным и жизненным опытом, и это вызывало к нему большие симпатии.

Я прослужил в полку восемь с лишним лет, вырос от рядового до командира роты, поэтому хорошо знал его личный состав. «Какие условия необходимы, чтобы батальон сумел выполнить ответственную боевую задачу — не пропустить японских захватчиков на советскую землю? — лихорадочно думал я. — Отличная боевая выучка личного состава — раз. Наличие близкого к штатному расписанию количества командиров в батальоне — два (практически такое случалось редко). И третье — боевые качества самого командира батальона. Он должен отлично знать военное дело, быть стойким, мужественным человеком. Ну конечно, всем этим условиям отвечает 3-й батальон и его командир старший лейтенант Разодеев».

Все эти соображения я изложил командиру полка.

Павел Григорьевич подумал, переглянулся с комиссаром (тот согласно кивнул головой) и сказал:

— Твое мнение, Иван Никонович, совпадает с нашим.

Он снял телефонную трубку и приказал поднять по тревоге 3-й батальон. Положив трубку, все тем же спокойным, будничным голосом проговорил:

— Мы вот с комиссаром решили направить тебя с третьим батальоном для помощи Разодееву в организации партийно-политической работы.

Я встал по стойке «смирно»:

— Есть, отправиться с третьим батальоном, товарищ майор!

— Через час я собираю руководящий состав, буду ставить задачу, тебе надо присутствовать. А пока можешь быть свободным.

Я вышел из помещения. Как и полчаса назад, на улице ярко сияло солнце. Около крыльца щебетали воробьи, поклевывая кем-то рассыпанную пшеничную крупу. Тишина и мир, казалось, царили на земле. Но это только казалось... Со стороны казарм 3-го батальона уже слышались громкие команды.

Под вечер того же дня 3-й батальон посадили на грузовики с брезентовыми навесами, и колонна тронулась в путь. Я ехал в кузове одной из машин вместе с 7-й ротой. Всмотривался в лица бойцов и не видел на них тревоги, страха. Спокойные веселые молодые ребята. Вот пулеметчик комсомолец Бабушкин, балагур и шутник, улыбка не сходит с лица. Когда грузились, Бабушкин, вскочив в кузов, крикнул своему второму номеру:

— Гоша, давай переводчика!

Второй номер подал ему ручной пулемет.

— Почему «переводчик»? — поинтересовался я.

— А как же, товарищ лейтенант, переводчик и есть. Ведь ему придется разговаривать с самураями на понятном им языке.

Слова эти были встречены смехом.

— Он у тебя, значит, по-японски балакает?

— А это смотря с кем повстречается. По надобности может и немца вразумить...

И сейчас бойцы все еще перешучиваются насчет «переводчика».

Тут же снайперы Корнеев и Русских, неразлучные друзья. Оба успешно учились в снайперской школе, остались на сверхсрочную. Отличные стрелки, снайперская винтовка у каждого тщательно зачехлена — берегут ее и лелеют, будто любимую девушку. Оба — люди серьезные,

основательные, спокойные. Оно и понятно: снайпер — ведь это не только верный глаз, но и крепкие нервы, и твердый характер.

Миновали улицы поселка, впереди открылись поля, за ними невысокие сопки, сплошь заросшие дубняком. Красивые здесь места. Дорога то взбегает на возвышенности — и тогда слева открывается вид на Тихий океан, — то спускается в низины, где раскинулись дубовые рощи. Ветви деревьев шуршат по брезентовому навесу и кажется, будто машина вошла в туннель, освещенный зеленоватым светом.

Мы приближались к океану, к пункту, где нам предстояло пересечь на рыбацкие моторные суда — кавасаки. Круглой путь морем к озеру Хасан диктовался необходимостью. Кратчайшая дорога к нему шла по открытой местности и просматривалась японцами на большом расстоянии, а сосредоточиться у границы батальон должен был скрытно.

Все отчетливее слышался шум прибоя. И вот за поворотом дороги в вечернем сумраке открылся безграничный океанский простор. В лицо пахнул солоноватый, пахнущий йодом ветер. Волны гулко бухали о скалистый берег. Граница воды и суши была обозначена белесой лентой прибойной пены.

Кавасаки поджидали нас в бухте. Мы быстро погрузились на них со всем снаряжением и отправились в путь. Ощутимо покачивало.

В начале ночи высадились на берег, построились в походные колонны и двинулись в сторону озера Хасан. Дорога была тяжелая. Она то забирала круто в гору, то обрывалась у края болота, которое приходилось преодолевать. Над колонной вились тучи мошкеры, воздух звенел от нее. Мошкара набивалась в нос, рот, уши...

Слышу тихий голос Бабушкина:

— Ну, за эту дорожку мне японцы отдельно заплатят.

Приглушенный смех: не унывают ребята.

Позади остается еще несколько километров.

— Стой! — слышится негромкий голос комбата Разодева.

Колонна останавливается. Предрассветную тишину нарушает лишь тяжелое дыхание бойцов. Мы — в районе сосредоточения.

Я хорошо знал окрестности озера Хасан: мне не однажды приходилось бывать здесь. Длинным овалом вытя-

нулось оно вдоль границы. Вдалеке, за озером, в туманном мареве поднималась сопка Заозерная, поросшая низкорослым дубняком. По обратному склону сопки проходила граница. Правее виднелась сопка поменьше — Безымянная, она целиком находилась на нашей территории.

Было понятно, почему именно в этом районе японские генералы сосредоточивают свои войска. Обе сопки были выгодны им в тактическом отношении. С их вершин открывалась для обзора наша территория. Установки на гребне сопки пушки — и любая цель в многокилометровом секторе открыта для обстрела. Учитывали японцы и то, что подходы к сопкам для наших войск крайне затруднены и могут насквозь простреливаться пулеметами с японской стороны.

Для нас, с военной точки зрения, обе сопки также представляли большую ценность. С их вершин была видна железная дорога, по которой японцы подвозили к границе свои войска. В случае начала войны наша артиллерия имела возможность в течение считанных минут парализовать всякое движение по ней.

В нашей прессе того времени инцидент у озера Хасан объяснялся иногда тем, что самураи хотели прощупать нашу готовность. Конечно, и это входило в замыслы командования Квантунской армии. Но главная цель заключалась в другом. Ее диктовала военная необходимость. Готовясь к войне с нами, японские милитаристы понимали: чтобы развить успех, нападающая сторона должна обеспечить себе позиционное преимущество хотя бы на направлении главного удара. Таким направлением было владивостокское, проходившее через район озера Хасан. Владение сопками Заозерная и Безымянная при нанесении удара обеспечивало японским войскам необходимое преимущество.

Планом японского генерального штаба предусматривалось: в случае успеха операции по захвату и удержанию господствующих высот ввести в бой главные силы и начать массированное наступление в глубь советской территории. Для этой цели в районе озера Хасан японцы сосредоточили несколько пехотных соединений, три пулеметных батальона, бронепоезда, отдельные танковые, тяжелые артиллерийские и зенитные части и семьдесят самолетов. Всего вражеская ударная группировка насчитывала тридцать восемь тысяч человек. К сожалению, тогда мы еще этого не знали.

Наш 3-й батальон расположился у подножия невысокой сопки на поляне, поросшей полынью выше человеческого роста. Кто бывал на Дальнем Востоке, на Сахалине, знает: гигантизм травянистых растений там не исключение, а правило. Все же, не полагаясь целиком на высокую траву, мы приняли дополнительные меры к маскировке.

Четыре дня было тихо, жизнь батальона шла по обычному армейскому распорядку. Утром 29 июля к лагерю подкатила эмка, из нее выскочил младший лейтенант-пограничник, козырнул часовому:

— Вызовите командира!

Бросив недопитый стакан, навстречу пограничнику уже бежал комбат Разодеев.

— Товарищ старший лейтенант, вас немедленно просят в комендатуру, — отрапортовал пограничник.

Разодеев вскочил в машину, и она умчалась.

«Начинается», — подумал я. Не дожидаясь, какие вести привезет командир, приказал батальону приготовиться к выступлению. Вскоре вернулся Разодеев, бросил мне на ходу:

— Выступаем! — И рассыльному: — Ротных ко мне!

Пяти минут не потребовалось, чтобы построить батальон и покинуть лагерь.

— За мной, бегом! — скомацдовал комбат.

Колонна перешла на бег. Направление — к правой оконечности озера. Значит, к Безымянной. Я догнал комбата:

— Что там, Коля?

— Японцы на Безымянной!

— А пограничники?

— Отбиваются... Бросили подкрепление... Но самураи жмут... Так что придется поработать...

«Поработаем», — подумал я, прислушиваясь к приглушенному травой и влажной землей дружному топоту за спиной.

Когда добрались до озера, перешли на шаг.

— Тихо... что-то, — тяжело дыша, сказал Разодеев. — Неужели...

Я понял его тревогу: неужели впереди нет наших, всех положили?

Из-за бугорка выехал всадник в зеленой фуражке, за ним еще несколько. Передний направил лошадь к нам. В петлицах два кубика — лейтенант. Улыбнулся, осадил коня:

— Привет пехоте! Медленно ходите...
— Где японцы? — спросил комбат.
— Где и положено — на той стороне.
— Отбились, значит?
— Точно. Вашему батальону, товарищ старший лейтенант, приказано занять позиции по границе. Я покажу участок.

Лейтенант спешился, отдал лошадь одному из сопровождавших его бойцов.

Колонна, продираясь сквозь кустарник, начала подниматься на сопку. Неподалеку от вершины, на свободной от кустарника пролысине, мы увидели убитых японцев. Мундиры цвета хаки с пятнами крови, белые обмотки, тяжелые, с толстыми подошвами, ботинки. Один из убитых привлек мое внимание. Ботинки его были перекинуты на шнурках через плечо, обут же он был в легкие туфли, похожие на сандалии.

— Смотри, комбат, — толкнул я Разодеева локтем, — и ботинки снял, а убежать так и не удалось.

— Штыком достали, видишь, мундир распорот, — отозвался комбат.

Бойцы в колонне притихли. От вида обезображенных трупов, над которыми уже ронились мухи, пусть даже трупов врагов, им стало не по себе. Впервые видели они, да и мы с Разодеевым тоже, страшную, чудовищную сторону войны. В душу закрался страх, кому-то из нас суждено умереть, может быть мне. Я знал: то же самое гнетущее чувство испытывают и комбат, и бойцы...

Но знал я и другое: никто из нас не струсит перед лицом смертельной опасности, ибо воспитанное в нас чувство долга сильнее страха.

Два года назад в бою погиб мой друг лейтенант Краскин, и нам, его товарищам, стало больно, когда мы узнали об этом. Но мы продолжали службу и вот сейчас шли к границе, чтобы заслонить ее собою от посягательств врага, и были твердо уверены: если погибнем — на наше место встанут другие...

Я хотел спросить пограничника, много ли полегло наших, но почему-то промолчал. Ясно же — и японцы не горохом стреляют, и убивать они обучены...

Перевалило за полдень, когда мы заняли оборону на склоне сопки, обращенной к японской стороне. Граница находилась в сотне метров впереди. Никаких вещественных признаков ее мы не увидели. Трава, кустарник, уз-

кая речушка... Но на карте, что лежала у Разодеева в плавшете, граница была обозначена четкой красной линией. И если взглянуть на эту карту, можно мысленно провести границу на местности: вот тот кустик на нашей стороне, а тот, что в двух метрах подалее, — на японской.

Седьмая рота и часть пулеметчиков во главе с лейтенантом Евдокимовым окопались на Безымянной. Я остался с ними. Остальные роты Разодеев повел на Заозерную.

— Ну, счастливо, Ваня, — улыбнулся он мне на прощание, подавая руку.

— Давай! — Я вцепил свою ладонь в его.

Тишина на границе. Ни души на японской стороне. Где они там прячутся? Видимо, в хорошо замаскированных блиндажах. Сверху я вижу только наши секреты, выдвинутые вперед, к самой пограничной линии. В полукилометре — кукурузное поле, за ним — корейская деревушка. Бывало, в спокойное время на этом поле работали крестьяне. Теперь — ни души. Деревня словно вымерла. Значит, японцы выселили крестьян. А это может означать только одно — пограничная полоса стала прифронтовой.

Жаркое июльское солнце скатилось к верхушкам сопок на западе. Бойцы поужинали сухим пайком. Стемнело. Высыпали звезды. Стало прохладно. Наступила ночь. Рота находилась в полной боевой готовности. Никто не сомкнул глаз. Я прошел вдоль позиции роты, поговорил с бойцами. Настроение бодрое. Но чувствуется взволнованность. Ждут ребята — вот-вот начнется... Пулеметчик Бабушкин по обыкновению балагурит:

— Скучно, товарищ лейтенант. Спят, видно, самураи, намучились с утра, когда им наши дали.

— Это их дело, вот вы не засните, — отвечаю.

— А я привык не спать. До армии, бывало, целое лето в ночном...

— Из деревни родом?

— Так точно, из Тульской области, деревня Детчино.

Поговорил с Бабушкиным, с его вторым номером Гошей о деревенской, так знакомой мне жизни. А на душе кошки скребут. Тишина. Что она означает? Ведь это не просто тишина, а пограничная тишина.

Рассвело. Легкий туман в низинах варозовел. Взошло солнце. А на той стороне по-прежнему ни души, ни звука. Что же это на самом деле? Неужели отвели японцы войска?

Солнце чуть поднялось, и сразу захотелось укрыться в тень — жарко.

День тянулся томительно долго. Бойцы спали по очереди. Дважды приходил связной от Разодеева. Наконец скрылось солнце, отступила изнуряющая жара. «Сколько же нам здесь сидеть? — думал я. — И из полка никаких вестей...»

От озера, от реки Тумень-Ула, что петляла по японской стороне, начал наползать туман. Прошлой ночью он был редок, а нынче разливалась сплошная молочная густота, поглощая кустарник на склонах сопок.

Стемнело. Видимости никакой. Влажная мгла окутала все вокруг. Самая подходящая обстановка для поиска разведчиков. На душе беспокойно. Отправился вдоль боевых порядков. Навстречу — командир взвода младший лейтенант Бакулиц.

— Как у вас?

— Как в кино, товарищ лейтенант.

Смеюсь:

— Почему «как в кино»?

— Вокруг темно, впереди бело, и чувствуем локоть друг друга.

— И смотрите только вперед?

— Так точно.

— А вы и на фланги посматривайте — коварство нашего противника известно.

— Слушаюсь.

Перед рассветом навалилась на меня дремота. Сажу в своем окопчике, клюю носом. И вдруг впереди у подножия сопки грохнул выстрел. За ним — второй, третий... И вот уже застучал пулемет. С нашей стороны в ответ не раздалось ни единого выстрела. Выдержали нервы у бойцов: никто не открыл без приказа огня. А демаскирую мы расположение наших огневых точек — японцы накрыли бы их минами или артиллерией. Тенью проскользнули выдвинутые вперед наблюдатели. Значит, поднялись японские цепи. Вскоре донесся топот сотен ног, крики «Банзай!», затем показались размытые туманом силуэты вражеских солдат. До них оставалось не более полусотни метров, когда вверх взвилась ракета, пущенная командиром роты, и тотчас послышалась команда, раскатившаяся многократным эхом:

— Огонь! Огонь! Огонь!

Залпом грянули виштовочные выстрелы. Захлебываясь, застрочили пулеметы. Били на выбор, в упор. О себе не говорю, я снайпер, но тут и обыкновенные стрелки не мазали. По ипердии японские цепи еще несколько секунд, редся на глазах, катились вперед. Потом замерли на мгновение и, как волна прибоя, хлынули вниз по склону, растаяли в тумане. Отступление произошло столь стремительно, что мне удалось сделать в спину японцам не более двух выстрелов. Впереди, перед собою, на узком участке, я насчитал десятка полтора убитых... Да, не берегут японцы своих солдат. Но теперь и нам не поздоровится — жди минометно-артиллерийского палета.

И верно, в наших боевых порядках начали рваться мины, осколки с противным визгом пролетали над головой. Появились убитые, слышались стоны раненых. Ползком засновали между окопчиками санитары.

Минут через двадцать опять показались японские цепи. На этот раз они были не так густы, солдаты шли перебежками, часто ложились. Мы не стреляли, ждали, когда атакующие достигнут пристрелянной полосы. В то же время важно было не допустить, чтобы они приблизились на бросок гранаты. Когда заработали наши пулеметы, японцы залегли, и тотчас позади них, в глубине, зарпией блеснули вспышки орудийных выстрелов. Прицел вражеские артиллеристы взяли неточный, снаряды рвались позади нашей позиции.

Судя по звуку разрывов и треску пулеметов, жаркий бой шел и на Заозерной. Как-то там Разодеев? Исходя из огневой мощи противника, на обе сопки наступает не менее двух полков пехоты с артиллерией.

Под грохот канонады шла ружейно-пулеметная перестрелка. Теперь японцы начали подбираться к нашим позициям ползком. На участке Бакулина слышалось громкое «Ура!». Значит, он контратаковал и дело дошло до гранат и штыков. В центре я держал японцев на почтительном расстоянии. Бабушкин со своим пулеметом «переводчиком» и снайперы прижали их к земле.

Вскоре на участке Бакулина все стихло, отошли японцы и в центре. Вторая атака захлебнулась.

Мне хотелось обсудить положение с Разодеевым. Сейчас нас японцы опять пакроют артиллерийским огнем, лишат маневра и, пользуясь численным превосходством, могут охватить с флангов. Выставить бы туда пулемет. Послать бы связного к Разодееву, выяснить обстановку.

Но сделать это можно было только с командного пункта роты. Оставить же боевые порядки в сложившейся обстановке я не мог.

После новой получасовой артиллерийской подготовки японцы опять атаквали. Они едва не ворвались в наше расположение, отбросить их удалось лишь контратакой.

Лично для меня это была знаменательная контратака. Только после нее я почувствовал себя настоящим, обстрелянным солдатом. До того в душе моей тлел страх, и его приходилось гасить усилием воли. Но когда политрук роты Долгов, швырнув в гущу японской цепи гранату, поднялся и крикнул: «За мной! За Родицу!», когда неведомая сила заставила меня оторваться от земли и броситься вслед за Долговым навстречу врагу, когда я увидел ужас в раскосых глазах очутившегося вдруг передо мною малорослого японского солдата и, отбив его машинальный выпад, с разгона влил ему в висок приклад, вот тогда все изменилось. Возвращаясь вместе с бойцами на исходную позицию, я почувствовал, что мне весело, что нет под сердцем прежнего отвратительного холодка. Враг боится меня, несмотря на свое многократное численное превосходство, значит, я сильнее его.

Прекрасное это чувство — ощущение собственной силы, ловкости, неуязвимости. Вызывающе звенит в душе: «А ну-ка, суньтесь еще! А ну-ка!..» Только тут, пожалуй, до конца стал мне понятен смысл поговорки: «Смелость города берет».

...День клонился к вечеру. Заходящее солнце било в глаза, ярко освещало наши позиции. Опять начали долбить нас японская артиллерия и минометы. Значит, жди четвертой атаки. Выдержим ли? В строю осталась едва ли половина бойцов. Бакулин тяжело ранен: во время последней контратаки пуля пробила ему грудь. Пулеметчик Бабушкин и его второй помер Гоша иссечены осколками гранаты, пулемет вышел из строя. Под огнем санитары едва успевали выносить раненых.

Прибыл связной от Разодеева, передал приказ: батальону отойти за озеро, занять позиции на ближайших высотах. Причина такого приказа была понятна. Стрельба слышалась справа: углубляясь в наш тыл, японцы пытались взять нас в кольцо. Отходили под прикрытием сильных заслонов, потому что с заходом солнца противник опять ринулся в атаку.

К ночи батальон вышел из полуокружения и закрепился на ближайших к озеру сопках. От Разодесва я узнал, что приказ об отходе отдал майор Солепов.

— Так он здесь? — обрадовался я. — И полк с ним?

— Полк подойдет к утру.

Едва мы успели расположиться, как на КП Разодесва появились командир нашего 118-го полка майор Солсенов, представитель штаба Дальневосточного фронта полковник Федотов и начальник погранотряда полковник Гребеник.

Выслушав доклад Разодеева, Павел Григорьевич Соленов взглянул на меня:

— А ты, парторг, как оцениваешь обстановку? Сумеет ли одним полком выбить самураев с нашей земли?

— Полк подойдет утром, товарищ майор, а противник времени до утра терять не будет — укрепитесь, подтянет на сопки артиллерию. К тому же силы у него — не меньше двух полков, а при наступлении нужно по меньшей мере трехкратное превосходство. Чтобы уничтожить противника и восстановить государственную границу, потребуется вся наша сороковая дивизия и сильная артиллерийская поддержка. Хорошо бы еще и танки. А решение выбить противника силами одного полка считаю ошибочным. Только людей положим...

— Вот что значит у страха глаза велики, — с усмешкой перебил меня полковник Федотов. — Побили их — им уже и два полка мерещутся, и чуть ли не вся Квантунская армия.

— А нас не побили, товарищ полковник, — возразил я. — Мы отступили по приказу.

— Вот по приказу одним полком и вышибете самураев за кордон, — вмешался полковник Гребеник. — А то отступать — у них приказ, а наступать — дивизию давай.

— А ты что скажешь, Разодеев? — обратился Соленов к комбату.

— Считаю, Мошляк прав. Одним полком штурмовать сопки бессмысленно. Это не обычная провокация. Японцам сопки нужны как трамплин для броска на Владивосток, и держаться они за них будут зубами. Людей потеряем, а задачу не выполним...

— Та-ак, — в раздумье произнес майор. — Что ж, сейчас свяжусь с комдивом, доложу обстановку.

Начальство удалилось.

Несχύю там и тут в районе позиций батальона и погра-

ничных частей начиналась перестрелка. Японские разведывательные отряды прорывали нашу оборону.

Рано утром в район озера Хасан прибыл весь 118-й полк, а до полудня и остальные два полка 40-й дивизии — 119-й и 120-й. Как я потом узнал, командующий Дальневосточным фронтом Маршал Советского Союза В. К. Блюхер, получив сообщение о захвате японцами сопки Заозерная и Безымянная, немедленно поставил перед командиром 40-й дивизии полковником В. К. Базаровым задачу: уничтожить противника между государственной границей и озером. Именно уничтожить, а не прогнать, чтобы nepовадно было японцам ходить на советскую землю.

Когда стало известно о прибытии дивизии, настроение у бойцов и командиров поднялось. Хотя, конечно, болела душа и у меня, и у других за тех, кто погиб на сопках. Нелегко было привыкнуть к мысли, что человека молодого, цветущего, с которым ты еще вчера разговаривал, шутил, смеялся, сегодня нет в живых... И мало утешала мысль: «Что поделаешь! Война есть война. Может быть, завтра и меня не станет».

В середине дня майор Солепов собрал командиров подразделений и объявил им приказ полковника Базарова о наступлении. По разработанной в приказе диспозиции удар наносился с двух сторон — с севера и с юга. С севера сопку Безымянная должны были атаковать 119-й и 120-й полки. С юга, на Заозерную, наступал наш 118-й полк. Задача заключалась в том, чтобы уничтожить противника на примыкающих к государственной границе склонах сопки. Общее наступление было назначено на утро 2 августа, то есть на завтра.

Ночью нашему полку надлежало занять исходные позиции на склоне высоты 62,1. После того как закончилось совещание командиров, майор Соленов попросил меня остаться.

— Дело такое, парторг. Ты знаешь местность, так что отправляйся со взводом Свириденко в разведку. Надо проверить дорогу к месту сосредоточения и заодно найти исходный рубеж для атаки, такой, чтобы не попасть сразу под огонь пулеметов. Задача ясна?

— Так точно! — Я вдруг непроизвольно зевнул и, спохватившись, прикрыл рот ладонью. Павел Григорьевич улыбнулся, обнял меня.

— Знаю, друг, что устал, да что делать. Вот уж возьмем Заозерную, отоспимся.

Я вытянулся по стойке «мирно».

— Разрешите выполнять?

— Выполняйте.

Ночь была светлая, лунная. А как бы пригодился позавчерашний туман! Теперь по открытому месту не пройти.

— Двинем через болото, — предупредил я бойцов. — У кого что плохо закреплено, крепите как следует, а то споткнетесь, японцев всполошите.

Выступили. Впереди мы со Свириденко, за нами взвод. Свирнули к мелкому озерцу, зашагали прямо по воде, потом по прибрежной трясине. Кое-где пришлось пробираться ползком. Дошли до подножия высоты 62,1. Между ней и сопкой Пулеметная глубокая лощина. Кстати, название «Пулеметная» мы дали этой высоте потом. И вот почему. Японцы столько там попатыкали пулеметов, что, когда они все разом начинали стрелять, сопка казалась живой. И невелика высотка, а падежно прикрыла юго-западные склоны Заозерной.

Я подумал, что хорошо бы сосредоточиться для атаки в лощине. Здесь мертвое пространство. Прошли в лощину. Действительно, отсюда верхушки Пулеметной не видно. Значит, и нас не видно оттуда. Мы отошли к высоте 62,1 и послали бойца с донесением. Через час начали прибывать подразделения полка. Привезли ужины на лошадях. Но мне было не до еды, а спать хотелось так, как никогда больше ни до, ни после этого. За последние трое суток удалось сомкнуть глаза всего два-три раза на час, не больше, да и то днем. Но теперь, поблизости от вражеских позиций, о сне нечего было и думать. Беспокоили секреты — не задремали бы бойцы.

— Не спать, не спать, — говорю бойцам, а у самого в глазах все плывет.

Перед рассветом Солепов приказал 2-му и 3-му батальонам сосредоточиться в лощине для атаки. Японцы, заметив движение, открыли пулеметный огонь. Наши пулеметы, установленные на вершине высоты 62,1, начали бить по огненным точкам врага. Японцы вынуждены были отвечать им. Так что батальоны без потерь заняли лощину.

Без четверти девять загремела наша артиллерия. Первые же залпы накрыли японские окопы, порвали ряды

колючей проволоки, разметали ее. Гул артиллерии слышался и с севера, там также громили японские позиции. Но вот канонада смолкла.

— Приготовиться к атаке! — донеслось до меня.

Узнаю голос командира роты Скрипченко. Репетую команду:

— Приготовиться к атаке!

И дальше слышу перекатом:

— Приготовиться к атаке!..

Секунды тянутся томительно долго. Раз... два... три...

— Вперед! За мно-ой! Ур-ра-а! — Эти слова звучат слева.

Вскакиваю:

— Ур-ра-а!

— ...а-а-а-а!!! — ураганом взметнулось сзади, спереди, справа, слева...

Теперь только вперед, вперед... Назад пути нет, не может быть...

Врассыпную карабкаемся по склону сопки, прячась за камни, стреляем на ходу. Вот и пулеметные гнезда врага. Они ожили. Десятки, сотни гранат полетели пз-за укрытий в ответ на огонь. Взрывы слились в сплошной грохот. Сквозь этот грохот слышу голос Скрипченко:

— Вперес-ед!

Бросаю на бегу еще пару гранат. И вот она, радость бойца, — вижу спины убегающих японских солдат. Высота наша! Теперь дальше, не останавливаться, с ходу захватить Заозерную. Наши пулеметы бьют вслед убегающему врагу. Молодец Скрипченко, сумел организовать преследующий огонь. Вперед! Вперед!

Вот и вершина высоты... И тут противник обрушил на нас яростный огонь пулеметов, минометов и артиллерии. Меня сбила с ног взрывная волна. И вовремя. Кусты, находившиеся за моей спиной, тотчас будто пилой срезало пулеметными очередями.

Роты залегли. Что собирается делать Скрипченко? Где он? Окликнул залегшего в пяти-шести шагах от меня старшину роты:

— Моргунов, где старший лейтенант?

Моргунов повернул голову, лицо его как-то жалко скривилось.

— Убило товарища Скрипченко...

Я ударил кулаком по земле. Ах, война, война!.. Ах вы гады, самуран!..

Японцы перенесли пулеметный огонь вправо. Оттуда доносилось «Ура!». Видимо, Соленов бросил на Заозерную резерв — 1-й батальон. Но вскоре «Ура!» смолкло — значит, и 1-й батальон прижат к земле. А японские орудия все долбили и долбили Пулеметную, перемешивая с землей редкий кустарник.

Пришел приказ: отойти с вершины Пулеметной на склоны и новых атак не предпринимать.

Вечером около полкового КП я повстречался с комбатом 3 Николаем Разодеевым и командиром пулеметной роты Артемом Шустровым. Оба курили, сидя на травке, лениво перекидывались словами. Я уже знал, что Разодеев с двумя десятками бойцов первым ворвался на вершину Пулеметной. В завязавшемся там молниеносном рукопашном бою было уничтожено около шестидесяти японских солдат. Левый рукав у Разодеева был распорот, из прорехи проглядывал бишт.

— Здорово, герой! — Я пожал товарищам руки, присел рядом.

— Ты, Ваня, множественным числом не бросайся, — улыбнулся Шустров. — Не герои, а героини. — Он указал большим пальцем на комбата.

Тот не припаял шуточки, нахмурился.

— Что, рана болит? — спросил я. — Чем это тебя?

— Да самурай-офицерик тесаком задел. Ерунда.

— А что не весел?

Разодеев неопределенно махнул рукой и промолчал.

— Ну, говори, говори. Я все же парторг, мне по должности положено претензии выслушивать.

— Да что тут говорить — сами видите...

— Ну, видим: Заозерная и Безымянная все еще у японцев.

— А почему? — Разодеев пристально взглянул мне в глаза. — Воюем по-дурацки, живой силой. Все шапками поровим закидать. Ты же сам говорил: «Хорошо бы танки». А где они? У меня батальон молодых парней, у каждого мать, отец, жена или невеста. Я не хочу, чтобы парни эти умирали. Скрипченко вот... Как я буду его детишкам в глаза смотреть?

— Зря ты так. — Я положил ладонь на плечо Разодеева. — Больно, конечно. Наши хорошие ребята погибают. Но ведь не напрасно. Приостановили наступление японцев, боевой опыт приобрели...

— Все оно так, — мрачно согласился комбат. — Только лучше можно бы подготовиться. Все виды техники двинуть — танки, авиацию, тяжелую артиллерию. Смешали бы самураев с землей. А мы — с паскока.

— Верно, торопимся, — согласился я. — Но тут ведь не только военный, но и политический момент надо учитывать.

— Да понимаю, Иван, я все это. Понимаю. Ребят только, говорю, жалко.

— Не одному тебе жалко. Ничего, потерпи. Раз приказано закрепиться, значит, завтра-послезавтра подтянут и танки, и авиацию, и тяжелую артиллерию...

— И будет самураям веселая жизнь, — подхватил Шустров.

— Знаю, что будет, — усмехнулся Разодеев, встал, расправил гимнастерку. — Ну, я в батальон. Бывайте.

Мы расстались.

Утром следующего дня к нам в полк прибыл комкор Григорий Михайлович Штерн, бывший начальник штаба Дальневосточного фронта, а теперь командующий 1-й Приморской армией. Как нам стало известно, это он вчера приказал прекратить наступление, чтобы избежать ненужных потерь. В помещении красного уголка ближайшей заставы Штерн собрал совещание командного состава полка. Вошел в красный уголок — невысокий, плотный, лицо открытое — и сразу приступил к делу.

— Собрал я вас, товарищи командиры, для того чтобы обсудить итоги вчерашних боев. Люди вы теперь обстрелянные, так что есть о чем поговорить. — Повернулся к Солепову: — Павел Григорьевич, прошу вас объяснить, почему, на ваш взгляд, полк не сумел выполнить поставленную перед ним задачу — овладеть высотой Заозерная.

Поднялся майор Солепов, помолчал, вздохнул.

— Причин много, товарищ командующий. Первая: отсутствие у нас необходимого превосходства в силах. Перед нашим фронтом на высотах Пулеметная и Заозерная закрепилось до полка пехоты, которую поддерживала мощная минометно-артиллерийская группировка. Кроме того, на флангах и в глубине противник имеет сильные резервы. С нашей стороны тоже были упущения. Приданная полку артиллерия не сумела подавить огневую систему японской обороны. — Поколебавшись секунду, Павел Григорьевич решительно сказал: — Думаю, что выполнить боевую задачу силами одной дивизии невозможно.

но. Потребуется дополнительные средства — танки, артиллерия.

— А как вы, Павел Григорьевич, оцениваете действия противника? — Хитровато прищурив глаза, командующий ожидающе смотрел на Соленова.

Мы с Разодеевым сидели рядом — переглянулись. Для нас понятен был скрытый смысл вопроса. Штерн хотел знать: проявит командир полка объективность в оценке противника или, как у нас случалось, займется обычным шапкозакидательством. Павел Григорьевич оказался на высоте.

— По-моему, самое опасное в бою, — сказал он, — недооценить силы противника. Успокоиться на том, что мы сильнее, — для этого большого ума не надо. Опыт показал: японский солдат хорошо подготовлен, особенно для ближнего боя. Он дисциплинирован, исполнительен и упорен в бою. Главным образом, конечно, в оборонительном.

— Согласен с вами, но не полностью, — сказал Штерн. — Вот вы говорили о наших ошибках и даже о ваших лично упущениях. В этой последней части что-то вы, Павел Григорьевич, скуповаты были на слова. — Командующий улыбнулся. Среди собравшихся возникло оживление. Переждав, когда оно уляжется, Штерн продолжал: — А ваших, то есть полкового масштаба, упущений достаточно много. Во-первых, от вас, как, впрочем, и из других полков, поступали неточные данные о противнике, о его силах, о его расположении. Основываясь на этих данных, штаб дивизии и ее командир ставили полку невыполнимые задачи. В результате некоторые подразделения попали под удар резервов противника, а наши резервы в пужный пункт вовремя подтянуть не были. Во-вторых, слабо организовано взаимодействие между батальонами, наступление готовилось наспех. Далее, вы не прибегали к охватывающим действиям, к маневру. И, наконец, главное: недостаточно хорошо провели разведку, и потому огневой системы и сил противника вы не знали. Вот вы говорите, перед вами полк противника, то есть силы как бы равны. На самом же деле перед вами стоят два полка, а на обеих сопках — целая японская дивизия, усиленная четырьмя-пятью дивизионами артиллерии...

Слова эти были встречены возгласами удивления.

— Да, да, — продолжал комкор. — Я не преувеличи-

ваю. Таким образом, ваш полк атаковал вдвое превосходящие вас силы. — Штерн улыбнулся. — Что называется, по-суворовски. Только благодаря героизму бойцов и командиров удалось вам ухватиться за высоту Пулеметная. Но, товарищи, вы знаете, что мощь современной армии — это не только героизм ее личного состава, но и многое другое, в частности насыщенность огневыми средствами, техникой. Второе наше наступление не будет похоже на первое. Мы с вами восстановим Государственную границу СССР и отобьем у самураев охоту нарушать ее. Так что со всею тщательностью, учитывая допущенные ошибки, готовьтесь к наступлению, товарищи. Приказ получите завтра. Желая удачи.

Когда мы с Разодевым вышли с заставы, нас нагнал лейтенант Шустров.

— Ну как вам показался комкор Штерн? По-моему, лихой командир.

— И с головой к тому же, — отозвался Разодев. — С таким расколопматим япошек.

Командующий 1-й Приморской армией слов на ветер не бросал. В тот же день мы узнали, что в районе боевых действий уже сосредоточились 32-я стрелковая дивизия, танковая бригада и вся корпусная артиллерия. Мы ждали приказа о наступлении.

А пока продолжалась будничная позиционная жизнь: ночью поиски разведчиков, днем артиллерийские дуэли, пулеметные перестрелки, снайперская охота.

В эти дни перед наступлением немало работы нашлось для снайперской команды.

Отличились мои воспитанники — сверхсрочники Корнеев и Русских. Работали они обычно в паре, понимали друг друга с полуслова. Эти ребята имели верный глаз, железную выдержку, мгновенную реакцию, терпение, были изобретательны и неутомимы.

Когда после совещания у командующего я вернулся в расположение полка, артиллерийский наблюдатель сообщил, что позиции наши особенно беспокоит одна японская пушка. Примерный район ее расположения наблюдатель мне указал, но, где она находится точно, сказать не мог. Видимо, японские артиллеристы хорошо ее замаскировали.

Указанный район находился в секторе обстрела Корнеева и Русских, которые залегли на склоне Пулеметной. Где перебежками, где ползком я добрался до них.

— Ребята, надо подавить пушку.

— Будет сделано, товарищ лейтенант, — тихо отозвался из травы Корнеев. — А где она?

— Если бы знали, артиллерией подавили бы. Где-то в вашем секторе. Понаблюдайте.

— Есть, понаблюдать.

Прицелились мои снайперы к оптическим прицелам, лежат, молчат. Видно только, как стволы винтовок плавно ходят вправо, влево. Бухнул очередной выстрел пушки. Вижу, замерли стволы винтовок. И сразу — два выстрела. Нескольких секунд не прошло — еще два.

— Готово, товарищ лейтенант, — не отрываясь от прицела, доложил Корнеев.

— Проверим.

Смотрю на секундную стрелку часов. Минута, другая, третья. Должна бы пушка дать очередной выстрел. Молчит. Еще две минуты прошло.

— Молодцы.

И тут вижу: Русских легонько толкнул Корнеева ногой и повел ствол винтовки куда-то вправо. Туда же пошел и ствол винтовки Корнеева. Вглядываюсь в ту сторону. Да, что-то есть... Метрах в четырехстах, у подножия сопки, шевелятся заросли. Вглядываюсь до ряби в глазах. Ага, вижу. Одна голова, вторая, третья... Японцы гуськом крадутся под прикрытием высокой травы. Возможно, артиллерийская разведка...

Обе винтовки ударили разом. Первая и последняя головы исчезли. Еще два выстрела — второй и четвертой как не бывало. Двое оставшихся японцев метнулись было назад, но снайперы их опередили...

Подполз я поближе, пожал руку Корнееву и Русских:

— Спасибо, мастера.

Оба ответили по-уставному, только тихо, почти шепотом:

— Служим трудовому народу!

— Советую сменить позицию, — сказал я. — А за пушкой поглядывайте.

— Так точно.

Я вернулся в расположение полка.

Вечером 4 августа Штерп отдал боевой приказ № 1. В нем было сказано: «6-го августа 1938 года, после авиационной и артиллерийской подготовки и перехода в на-

ступенные, 32-й стрелковой дивизии с севера и 40-й стрелковой дивизии с юга зажать и уничтожить войска противника между сопкой Заозерная и озером Хасап и восстановить государственную границу».

На следующий день командиры дивизий поставили боевую задачу полкам. По решению командира 40-й стрелковой дивизии главный удар должны были нанести 118-й и 120-й полки совместно с тремя танковыми батальонами. 119-й полк оставался в резерве, чтобы развить успех первого эшелона.

Во второй половине дня майор Соленов вернулся из штаба дивизии и отдал приказ командирам батальонов. 118-й стрелковый полк главный удар должен был нанести правым флангом в направлении высот Пулеметная и Заозерная. Боевой порядок — в два эшелона. В первом эшелоне 3-й и 2-й батальоны, а во втором 1-й батальон.

После оглашения приказа все работники штаба отправились в роты и батальоны. В штабе остался один дежурный.

У меня были свои заботы. Предстояло провести полковое партийное собрание. Собрались в тесный кружок у подножия сопки, в кустах. Люди пришли при полном вооружении, с винтовками и гранатами.

День kloпился к вечеру, от озера Хасап тянуло сыростью. С японской и с нашей стороны ухали пушки, над головою с воем проносились снаряды. Где-то педалеко щелкали одиночные выстрелы снайперов, изредка слышались короткие пулеметные очереди. Впереди и на флангах у нас действовали дозоры и боевое охранение — враг находился в каких-нибудь двух-трех сотнях шагов. Люди, привыкшие говорить громко, теперь из предосторожности понижали голос почти до шепота.

Краткий доклад сделал комиссар полка Бондаренко. Он подвел итог прошедшим боям и разъяснил важность задачи, которую должен выполнить полк во время завтрашнего штурма.

В прениях выступили коммунисты Соленов, Лещенко и присутствовавший на нашем партийном собрании командир дивизии полковник Базаров.

Взволнованно говорил командир полка Соленов:

— Коммунисты, герои будущих боев! Вы стоите под знаменем, обогранным кровью наших лучших воинов — младшего лейтенанта Бакулипа, старшего лейтенанта

Скрипченко и других. Знамя сто восемнадцатого полка овеяно славой в боях с японскими самураями. Восвять под этим знаменем — великая честь для каждого из нас. Идя в бой, помните, что мы освобождаем от врага священную землю нашей Родины.

Командир дивизии в своем выступлении выразил надежду, что наш полк первым ворвется на высоту Заозерная и водрузит на ее вершине Красное знамя Страны Советов.

Я предложил провести соревнование: какая рота полка первой водрузит Красное знамя на сопке. Предложение было единогласно принято. К ночи все командиры подразделений запаслись красными флагами — каждый хотел быть первым.

На том же собрании стоял вопрос о приеме в партию. За последние дни в моей сумке скопилось более тридцати заявлений от бойцов и командиров. Об этих товарищах много не говорили — они прошли проверку огнем. Среди них был и командир взвода Глотов. 2 августа он вместе со своим подразделением штурмовал сопку Пулеметная. Глотов бесстрашно шел во главе взвода и закидывал врагов гранатами. Он показал себя человеком большой отваги. Мы единогласно приняли Глотова кандидатом в члены ВКП(б).

В заключение вынесли краткую резолюцию. Партийное собрание полка постановило: приложить все силы к тому, чтобы первыми водрузить Красное знамя на вершине сопки Заозерная.

Ночью никто не спал. Командиры частей и подразделений уточняли задачи, организовывали разведку, взаимодействие с тапкистами. Батальоны занимали исходное положение для атаки.

Рассвело. Все части уже находились на исходных рубежах. Можно бы пачать атаку, но задерживала авиация. Дело в том, что склоны сопки закрыл густой туман, он мешал прицельному бомбометанию. Самолеты появились только в четыре часа дня, когда рассеялся туман. Шли они эскадрильями, эшелон за эшелон, в каждом по нескольку десятков тяжелых машин. Воздух дрожал от гула моторов. Впервые мы видели столько боевой техники. От разрывов бомб заложило уши. Склоны Заозерной исчезли в черной пыли. Ответный огонь зенитной артиллерии врага оказался на редкость неточным — снаряды рвались с большим недолетом.

Ровно в шестнадцать часов тридцать минут по японским позициям ударили сотни наших орудий. По сравнению с бомбовой бурей, пронесшейся над сопкой, огонь их показался мне жидковатым. Я мысленно упрекнул брата Павла, который служил в артиллерийском полку корпуса в должности командира орудия. И будто услышал он меня — к концу артиллерийской подготовки плотность огня значительно возросла.

Еще не рассеялся дым над сопками, когда в атаку двинулись танки, а за ними пехота. Я взглянул на часы — ровно семнадцать часов. До вершины Заозерной было не больше трех километров, однако преодолевать их нам пришлось пять с половиной часов. Надел каску. Неудобно в ней, когда нещадно палит солнце, но порядок есть порядок.

Самое трудное направление атаки выпало 2-му батальону. Он должен был продвигаться вдоль заболоченного берега озера, где не пройти танкам. И мне, как секретарю партийной организации полка, предстояло идти с этим батальоном.

Каждый шаг давался с боем. Сначала выдвигали вперед пулеметы. Они подавляли огонь врага. Потом бойцы вырывались вперед, штыками и гранатами отбрасывали японцев. Проходили метров пятнадцать — двадцать и опять выдвигали пулеметы.

Местами суша глубоко врезалась в озеро, образуя бухточки. Приходилось продвигаться по пояс в воде, высоко поднимая оружие. То ли от усилившейся жары, то ли от большого физического и душевного напряжения пот заливал мне глаза, и я на ходу плескал в лицо тепловатой водой. Я нес винтовку, а каково приходилось красноармейцу Попову, который шагал неподалеку от меня со станковым пулеметом на спине!

Когда мы шли через болото, сапоги Попова увязли в грязи. В это время японцы повели по нас огонь. Попов изловчился, выдернул ноги из сапог и босиком побежал вперед. Добрался до кочки, установил на ней пулемет и повел ответный огонь, заставив японцев отойти. Благодаря Попову мы быстро продвинулись вперед и вышли врагу во фланг. Стало ясно, что наступление на этом участке обеспечено. Я отправился в 3-й батальон. Бежал пригнувшись, зигзагами, потому что местность открытая и пули часто позвонкивали над головой. Как-то там Разодеев, жив ли?

В траве что-то золотисто блеснуло. Раздвинул траву — пулеметная лента, полная, не начатая. Видно, кто-то обронил. Поднял ее, побежал дальше. Тут и там начали рваться снаряды. Понял: заметили меня японские артиллеристы. Они и по одиночному бойцу стреляли из пушек. Пробежал еще метров сто — снаряды рваться перестали. Вот уже и босвые порядки наступающего батальона. Отдает какие-то распоряжения своим пулеметчикам Артем Шустров. Окликнул его:

— Эй, Шустров! Ты будешь терять, а я за тобой подбирай?! Возьми двести пятьдесят патронов.

Артем подбежал, взял ленту.

— Вот спасибо, пригодится самураям на закуску!

Я повернулся, чтобы бежать дальше, и услышал за спиной глухой звук, какой бывает от падения тяжести.

Оглянулся — никого рядом, будто растаял Шустров. И вдруг увидел его, распростертого в густой траве. В руке зажата пулеметная лента. Подумал: «Чего это он? Огня испугался?»

Наклонился я над своим товарищем, повернул на спину. Он был мертв — пуля попала прямо в сердце. Спазма перехватила горло. Только что разговаривал со мною человек, улыбался — и уже нет его в живых. Да, нет тяжелее потерь, чем на войне. Потому что умирают там здоровые, сильные, полные жизни люди.

Снял я с Шустрова пагац, взял его окровавленный партбилет, документы, сунул себе в сумку. Вынул из остывшей руки пулеметную ленту и пошел. Эх, Артем, Артем... Как я жене твоей скажу?..

Нашел комбата Разодеева, рассказал о гибели нашего товарища. Он тотчас приказал принять пулеметную роту одному из командиров взвода.

— А у меня лейтенант Панкин ранец, — хмуро сказал Разодеев. — Остался я без начштаба. Давай помогай...

— Какая обстановка? Вижу, продвигаетесь не шибко.

— Медленнее, чем загадывали. Заградительный артогонь мешает. Видишь, что делается...

Действительно, на поле боя ад стоял кромешный. То и дело вспыхивали желтым пламенем разрывы снарядов, с визгом и воем вспарывали воздух осколки, пестнет да и падали они жертву...

— Я попробую прорываться вперед к крутым склопам, там мертвое пространство, артиллерия не достанет, —

сказал Разодеев, — а ты организуй подавление огневых точек.

— Добро.

Разодеев побежал вперед, туда, где под ожесточенным огнем залегли бойцы первой цепи.

Я поспешил на левый фланг, нашел ротного, дал ему задание засечь огневые точки врага — артиллерийские и пулеметные. Затем ту же самую задачу поставил перед другими командирами рот.

Опускались сумерки. От командиров рот начали поступать донесения о местонахождении огневых точек противника. Попытался по телефону связаться с Солеповым. Но провод, видимо, где-то порвало. Приказал телефонисту восстановить связь, а сам вместе с другим телефонистом и связными от рот двинулся вперед. Батальон вел бой уже на крутизне, куда не попадали снаряды.

Прибежал запыхавшийся связной комбата и сообщил, что Разодеев тяжело ранен в ногу и вынесен с поля боя.

— Принимаю командование батальоном на себя, — сказал я связному. — Немедленно передайте в роты.

В это время прибежал телефонист и сообщил, что связь налажена. Я позвонил Солепову, сказал, что взял на себя командование 3-м батальоном.

— Правильно поступил, — прозвучал в ответ далекий голос командира полка. — Медленно продвигаетесь. Что мешает батальону овладеть сопкой Заозерная?

— Мешают пулеметы на южных склонах и артогонь из района двести сорок! — крикнул я в трубку.

— Дай поточнее координаты!

Я заглянул в донесения командиров рот и начал перечислять координаты.

— Хорошо, — сказал Солепов, когда я закончил. — Минут через двадцать нанесем артудар. А ты, Иван Никонович, организуй атаку, да действуй с головой, примени маневр. Приказываю: до двадцати четырех часов взять Заозерную.

— Есть, до двадцати четырех часов взять Заозерную!

Я приказал батальону залечь. Уже совсем стемнело. Японцы одну за другой пускали ракеты, освещая скаты сопки. Огонь прекратился с обеих сторон.

Я вызвал командиров рот. Вместе мы разработали план атаки. Решено было повести атаку с двух сторон: 8-ю и 9-ю роты скрытно, под покровом темноты, переместить на фланг противника, 7-ю роту оставить для фрон-

тального удара. Начать атаку она должна была на 10—15 минут раньше основных сил батальона. Ее поддержит огнем пулеметная рота. 8-я и 9-я роты до начала своей атаки огня не открывают, чтобы нанести удар неожиданно, когда враг будет занят отражением фронтальной атаки.

Я указал командирам 7-й и пулеметной роты рубеж атаки, а сам отправился с двумя другими ротами, то есть с главными силами батальона, в обход правого фланга врага. На наше счастье, японцы перестали пускать ракеты. Возможно, они посчитали, что наступление захлебнулось, и сами стали скапливаться для контратаки.

Скрытно мы расположились среди редкого кустарника. Над нами, там, где находились японские позиции, было тихо. Стрельба допосилась откуда-то из района высоты Пулеметная, где вел бой 120-й полк, да со стороны северовосточных скатов Безымянной. Там действовал 96-й полк 32-й стрелковой дивизии.

Минут через десять в небо, высветленное россыпями звезд, опять стали взлетать ракеты. И почти в то же мгновение в нашем тылу раздался залп тяжелой гаубичной батареи. Гигантскими орашжевыми вспышками осветились вражеские позиции. Видно было, как в воздух вместе со столбами земли взлетали обломки орудий, пулеметы, крестовины проволочного заграждения. Минут за пять до переноса огня, пользуясь освещенностью вражеских позиций, 7-я и пулеметная роты начали обстреливать противника. Затем донеслось «Ура!» — 7-я рота поднялась в атаку.

Противник открыл бешеную стрельбу, по ни одна пуля не пролетела над нами. Значит, весь огонь уцелевших пулеметов японцы обрушили на 7-ю роту. «Пора», — решил я и передал по цепи:

— Приготовиться к атаке!

Сколько раз за последнюю неделю я слышал эти настоящие слова! Сначала они вызывали холодок под сердцем, заставляли собраться, чтобы подавить страх. Потом стали порождать в душе боевой порыв, предчувствие победы. Теперь, когда мне самому пришлось произнести эти слова, когда на меня легла ответственность за целый батальон, за успех атаки, чувствовал я лишь беспокойство, озабоченность: все ли правильно рассчитал, все ли пройдет так, как задумано.

— Вперед!

Мы поднялись, пошли. Скрытно, без звука, без выстрела. Все круче и круче становились склоны сопки. Остались позади кусты, впереди покрытая седой, выгоревшей травой крутизна. Уже приходится карабкаться, цепляясь за траву. Наткнулись на проволочное ограждение. В ход пошли пожницы, зазвела, свертываясь в кольца, разрезающая проволока. Только тут заметили нас японцы. Застрекотал пулемет, другой, запели пули.

— Гранаты к бою!

Полетели десятки гранат, разрывая проволоку, глуша пулеметы. Вот она, вершина сопки Заозерная, — до нее рукой подать.

Грянуло «Ура!». В едином неудержимом порыве бросились мы к заветной вершине. Вперед меня вырвался командир взвода Глотов, которого вчера партийное собрание приняло кандидатом в члены партии. Он бежал, потрясая над головою наганом, кричал с каким-то веселым бешенством:

— Взвод, за мно-ой, вперед!

И вдруг в упор резанул пулемет. Глотов откинулся, будто от покалывающего удара, но все еще продолжал, шатаясь, идти вперед и хрипло повторял:

— Взвод... вперед...

Кто-то успел метнуть гранату, и пулемет замолк. Глотов рухнул на спину. Я нагнулся над ним. Гимнастерка, поперек груди сплошь разорванная крупнокалиберными пулями, начинала набухать кровью, кровь текла изо рта. Мертв Глотов... Так и не успел получить кандидатскую карточку...

Гнев овладел мною, бешеный гнев.

— Вперед! За Родину! За Гло-то-ва!

Я бежал, не разбирая дороги, споткнулся, чуть не упал.

Вершина! Передо мною группа японских солдат. Справа и слева набегают на них наши бойцы. Взрыв гранаты — нашей или японской? «Вж-жик!» Пуля над ухом. Стреляю из нагана в японцев. Падает один, другой... Но из темноты подбегают еще несколько, еще и еще... Звякает штык о штык, слышатся глухие удары прикладов, тяжелое дыхание, вскрики — началась рукопашная.

Прошла минута, а может быть и пять, — время мчалось стремительно. Сейчас от быстроты каждого из нас, от проворства — умения вовремя увернуться от штыка, от выстрела в упор и самому вленить пулю во врага — зави-

села жизнь. Но вдруг что-то изменилось. Я увидел спины японцев, они мчались вниз по противоположному скату сопки. Бойцы бежали за ними, стреляя на ходу.

Мелькнула мысль: «Сопка паша, самураи отброшены за линию грааицы!» Взглянул на часы — двадцать два часа тридцать минут. Приказ выполнен!

— Флаг! Дайте флаг! — закричал я так, что засадило горло.

Кто-то подал мне длинную палку с красным полотнищем. Белел ее остро заструганный топором свободный конец. С размаху я вонзил древко флага в землю. И тут раскатилось пад сопкой:

— Ур-ра-а! Ур-ра-а! Ур-ра-а!

Я стоял, держась за древко флага, и кричал вместе со всеми. Продолжалось это минут десять, и никто не стрелял — ни мы, ни японцы. По всей вероятности, они были ошеломлены нашим натиском и не сразу опомнились после бегства с вершины.

Вскоре японское командование организовало контратаку. Я приказал батальону залечь, подтянул пулеметную роту. Первый натиск мы отбили. Японцы находились метрах в сорока от нас. Снизу вверх и сверху вниз летели граматы, то там, то тут вспыхивали рукопашные схватки.

Подошел 2-й батальон, мы поделили сектор обороны — стало легче. Забросали японцев гранатами, атаковали, продвинулись вперед метров на двадцать пять. Я стал опасаться, как бы не попасть в окружение, потому что на левом фланге, где стоял 2-й батальон, стрельба и крики «Банзай!» слышались чуть позади. Побежал на левый фланг. Что-то сильно ударило по каске. Потрогал рукою лоб — мокро и липко. Но голова не болит, на ногах держусь. Нашел комбата 2 Змеева, узнал от него: японцы потеснили было одну из его рот, но теперь контратакой положение восстановлено.

Вернулся к своим, поднял батальон в новую контратаку. Она удалась: еще на несколько десятков метров вниз по склону оттеснили врага. Уже под конец атаки рванула неподалеку японская граната. Покачнулся я от сильного толчка в левое плечо, но на ногах устоял. Сделал несколько шагов — ноги стали будто ватные, колени сгибаются сами собой. Сел на камень, пощупал грудь — мокро. Левая рука не действует. Подошли бойцы, разорвали на мне гимнастерку, сделали перевязку. Тут и сани-

тары подоспели, пытались отнести меня на перевязочный пункт. Но я сказал, что сам доберусь туда, вот только темного отдохну. На самом же деле я не хотел уходить из батальона. Это мое решение было вызвано не лихачеством, а суровой необходимостью: в строю почти не осталось командиров, уйди я, командовать батальоном пришлось бы, пожалуй, сержанту.

Вскоре на позицию прибыл майор Соленов. Увидев, в каком я положении, тотчас позвал санитаров и приказал им отправить меня в госпиталь. На мои возражения ответил:

— Я сам здесь распоряжусь.

Днем я был уже в тыловом лазарете. Рана на голове оказалась пустяковой — содрало кожу. А на груди — хуже. Осколок гранаты пробил легкое, повредил нерв руки и засел глубоко под ребрами.

Привезли меня в палату после операции, положили на кровать. Вдруг вижу, открылась дверь и на пороге появился майор Соленов с забинтованным плечом.

— Товарищ майор!

— А, Никонович, здравствуй! — Широко улыбаясь, подошел он ко мне, присел на стул.

— И вас, товарищ майор, ранило? Как там дела? Как ребята? — засыпал я вопросами командира полка.

Он рассказал, что, после того как меня унесли, японцы возобновили атаки, кое-где даже вклинились в нашу оборону, но контратаками удалось их отбросить. А ранило майора через несколько часов после меня. Повел батальон в атаку, поднял руку, крикнул: «Вперед!» Тут пуля и угодила ему в плечо, прошла под лопаткой навывлет. Как и у меня, у Соленова оказался поврежденным нерв.

— Ну ничего, парторг, все заживет. Вдвоем и лечиться сподручней, — улыбнулся майор.

Через три дня мы узнали, что бои в районе озера Хасан закончились перемирием.

— Кое-чему научил нас японец, — сказал Соленов, когда я прочитал ему в газете о заключении перемирия. — Но мы его, пожалуй, большему научили, а? Как думаешь, Никонович?

— Так точно, Павел Григорьевич. Мы ему дали хороший урок. Теперь неповадно будет соваться на нашу землю.

— Вот-вот, в этом и состоит смысл всех наших жертв и усилий, — заключил майор.

Да, значение нашей победы у озера Хасан трудно переоценить. Японские войска были наголову разгромлены и отброшены за пределы советской земли. Эта победа вдохновила китайских патриотов на борьбу с японскими оккупантами и явилась тем фактором, который сдерживал Японию от развязывания войны на Дальнем Востоке.

Месяц мы лечились в госпитале в Ворошилове (ныне Уссурийск). Потом нас отправили в Москву, положили долечиваться в Институт экспериментальной медицины, в клинику профессора Кроля. Профессор был мастер своего дела. И мне, и Соленову он срстил нерв и сказал, что мы сможем продолжить службу в армии. Радости нашей не было границ. Ведь в иные моменты нам казалось, что останемся инвалидами.

Запомнилось мне утро 25 октября. Сажу я в палате у стола, читаю книгу. Входит мой лечащий врач. В руке газета. Смотрит на меня и загадочно улыбается. Я ничего не понимаю — веселостью характера мой лечащий врач не отличался. Подошел, протянул руку:

— Поздравляю, Иван Иванович.

Я встал, пожал ему руку, а сам в толк не возьму, о чем он.

— Спасибо. Только с чем вы меня поздравляете?

— С присвоением звания Героя Советского Союза.

Тут уж я совсем растерялся: шутит, что ли?

Врач развернул газету «Правда», показал место на первой странице:

— Читайте.

Читаю: «Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении участников боев у озера Хасан... Присвоить звание Героя Советского Союза...» Дальше шли двадцать шесть фамилий. Среди них попадались и знакомые. А одна особенно знакомая: Мошляк Иван Иванович...

Я поднял глаза на врача, а у самого от волнения губы дрожат: поверить никак не могу. Еще раз прочитал фамилию, имя, отчество, подумалось: «Может, ошибка?..» Нет, все правильно. Буквы пачали расплываться, строчки слились в черные прерывистые полосы. Врач как-то смущенно отвел глаза, пробормотал:

— Ну-ну... вы уж тут... — и вышел.

А я остался один на один с обрушившимся на меня счастьем. Сел на стул, уставился в окно, а что за ним — не вижу. Сердце стучит — вот-вот выпрыгнет из груди.

Встали почему-то перед глазами картины голодного детства, смерть матери, батрачество у кулака Бескоровайного, напша сельская комсомольская ячейка, поезд, на котором ехал в Ачипск, в армию, лейтенант Борисенков — мой первый командир, его занятия со мной и весь мой армейский путь от рядового до лейтенанта...

Герой Советского Союза! Тогда их было совсем мало, человек пятнадцать на всю страну. Они казались мне людьми необыкновенными, выдающимися, олицетворяющими весь многомиллионный народ, воплощающими в себе все его лучшие качества: талант, волю, разум, целеустремленность, смелость, широту души. Могу ли я быть таким олицетворением? Впрочем, теперь это вопрос праздный. Теперь вопрос в другом: сумею ли я выработать в себе человеческие качества, позволяющие мне твердо, без всяких натяжек и внутреннего разлада стоять на той высоте, на которую вознесло меня Советское правительство? Выработать их в себе — вот главная моя задача. Этого от меня требовали мой народ, моя партия, моя страна.

4 ноября нас с Солеповым, которого наградили орденом Красного Знамени, вызвали в Кремль для вручения боевых наград. В вестибюле, рядом с залом, где должна была произойти церемония награждения, мы встретили многих хасанцев, товарищей по оружию. Тут собрался цвет 40-й и 32-й дивизий. Лейтенанты Долгов, Евдокимов, Зуев, сержант Захаров, комбат 2 Змеев, с которым мы отражали контратаки самураев на склоне Заозерной. Всех их наградили орденом Красного Знамени. Встретил я тут и друга своего Разодеева, и пулеметчика Бабушкина, тяжело раненного в почку на 31 августа. Оба присхали получить орден Ленина. Встретил и многих других героев Хасана, знакомых мне только по фамилии или вовсе незнакомых.

Мы с Солеповым сразу попали в объятия товарищей. Пошли воспоминания, рассказы. Но нет-нет да и угасало оживление: вспоминались погибшие знакомые и друзья.

Нас пригласили в зал. Награды вручал Михаил Иванович Калинин.

Потом начались дни, насыщенные не менее волнующими событиями. 7 ноября мы смотрели с трибун парад войск и демонстрацию трудящихся на Красной площади, 8-го были на приеме, устроенном Советским правительством в честь героев Хасана.

Наша с Солеповым кипучая жизнь не мешала, однако,

врачам успешно нас долечивать. Мы по-прежнему жили в клинике, принимали необходимые процедуры.

У меня появились новые заботы. Управление кадров Наркомата обороны СССР предложило мне поступить в Военную академию имени М. В. Фрунзе. Я ответил согласием и, добыв учебники, начал усиленно готовиться к экзаменам.

Однажды, в середине поября, пришла в палату сестра.

— Иван Иванович, вас в вестибюле ждет посетитель.

— Кто?

— Какой-то военный.

Вышел я. Действительно, по вестибюлю прохаживался военный в шинели. Когда он повернулся, я так и обомлел... Борисенков! Николай Павлович! Мой первый командир, наставник, учитель и друг!..

— Батяка! — закричал я на весь вестибюль.

Обнялись, расцеловались. Сели на диван и проговорили часа два. Рассказал он мне, что служит в Туле, в должности командира батальона. А о присвоении мне звания Героя Советского Союза узнал недавно. Развернул газету «Правда», а там на первой странице фотография напечатана: Калинин вручает мне награду. Вот и приехал поздравить.

Поведал и я ему о боях на Хасане, рассказал, кто погиб, кто ранен... Ведь всех этих людей он хорошо знал, с некоторыми дружил. Упомянул и о том, что собираюсь поступать в Военную академию. Мое решение Борисенков полностью одобрил и пожелал мне успехов. Грустно было нам расставаться. Но задерживаться он не мог — утром должен быть в части.

А еще через несколько дней я узнал, что мне и майору Соленову присвоены внеочередные звания: мне — капитана, ему — полковника.

Да, щедро наградила Родина своих сынов, защитивших ее от посягательств злобного врага!

РОДИНА В ОПАСНОСТИ

Десять лет прослужил я в Красной Армии, носил звание капитана, имел среднее образование, а все же в чем-то главном, в упрощенном ощущении мира, что ли, виделся сам себе деревенским парнем. А я стремился стать высокообразованным командиром, который, что называется, берет не глоткой, а умом и глубокими знаниями. Я хотел быть похожим на моего первого командира и учителя Николая Павловича Борисенкова, на майора Павла Григорьевича Соленова, на командующего 4-й Приморской армией Григория Михайловича Штерна. Все они были интеллигентами в полном смысле этого слова; интеллигентами не только по образованию, но и по уму, по душевной широте, по способности проникать в суть явлений.

Учеба в Военной академии имени М. В. Фрунзе, встречи со столичными людьми давали мне достаточно возможностей для того, чтобы наверстать упущенное. И вот парень, еще десять лет назад батрачивший у кулака Бескоровайного, живет в Москве, дни просиживает за толстенными учебниками, изучает военную историю, стратегию и тактику, философию, иностранные языки и многие другие дисциплины, о которых раньше и представления не имел. Привычными становятся для него слова «Капны» и «Аустерлиц», «Тит Ливий» и «Клаузевиц», «фортификация» и «сенсуализм», «интеграл» и «эпюры»... А воскресными вечерами этот недавний батрак из глухого степного села идет в Большой или Художественный театр. Впервые в жизни он слушает оперы и смотрит постановки пьес классиков мировой литературы в исполнении талаптливейших артистов. Каждый новый спектакль, каждая новая книга открывают мир чувств и переживаний, ранее певедомый ему. И только забывшее вдруг к непогоде плечо вызывает в памяти картины недавнего

прошлого, склоны сопок Заозерная и Безымянная, оранжевые вспышки рвущихся снарядов и гранат, лица товарищей, живых и погибших...

А в Европе уже грохотала вторая мировая война. Фашистская Германия напала на Польшу. Против Германии вступили в войну Англия и Франция. Войну эту называли «страшной», потому что воюющие стороны укрылись в глубоких бункерах противостоящих друг другу линий Мажико и Зигфрида и не предпринимали активных боевых действий.

Мы, слушатели Военной академии имени М. В. Фрунзе, в перерывах между занятиями спорили, взвешивали шансы сторон, блистая эрудицией, проводили исторические параллели, сравнивали услышанные на лекциях и вычитанные в специальных изданиях тактико-технические данные воюющих армий, оценивали их потенциальные возможности, пели отходную маневренной войне, ибо стояние на линиях Мажико и Зигфрида свидетельствовало — как нам казалось — о победе идей позиционной войны. И никому из нас в голову не приходило, что через каких-нибудь полтора года мы станем участниками величайшей маневренной войны, по масштабам и ожесточению не сравнимой ни с какой другой, войны, которая охватит тысячекilометровые пространства от Баренцева до Черного морей и от Буга до Волги. Мы не могли этого предполагать не только потому, что верили: на удар врага Красная Армия немедленно ответит десятикратной силы ударом и будет вести войну только на вражеской территории. Но и потому, что недавно наша страна заключила с Германией договор о ненападении сроком на десять лет.

И все же мы чувствовали: Советское правительство пастороженно относится к действиям Гитлера. Отсюда и стремление обезопасить Ленинград от удара со стороны Финляндии.

Надо сказать, что военный конфликт с этой страной назревал уже давно. Маннергеймовское правительство, отвергая миролюбивые предложения Советского Союза, преднамеренно шло на обострение обстановки. Финская военщина то и дело устраивала провокации на советско-финляндской границе, которые и привели к вооруженному конфликту.

Медленные темпы продвижения наших войск, штурмовавших линию Маннергейма, многих разочаровали. Но та-

кое разочарование в конечном счете охлаждало горячие головы, заставляло серьезнее подходить к проблемам будущей войны, осязательнее готовиться к защите Родины. В самом деле, а что, если нам придется столкнуться с гитлеровской армией, одной из сильнейших в мире?

Угроза такого столкновения не располагала к шапкозакидательству. И все же шапкозакидатели находились. А нередко и поощрялись. Потому что шапкозакидательство выглядело как бесстрашие перед лицом потенциально противника, а трезвая оценка его сил и возможностей воспринималась подчас как неверие в силы и возможности Красной Армии. А в ее способности разбить любого противника никто из нас не сомневался. Те, кто участвовал в боях у озера Хасан, на Халхин-Голе, те, кто брал линию Маннергейма, хорошо знали стойкость и беззаветную отвагу наших воинов, их политическую сознательность и высокий боевой дух. Бесспорно, у нас были и недостатки, например сравнительно малая скорострельность стрелкового оружия, отсутствие должных навыков борьбы с танками противника. Но подобные недостатки многим из нас казались незначительными и легкоустраняемыми. Это, конечно, было наше заблуждение. И жизнь вскоре развеяла его, преподав нам жестокий урок.

Сдав экзамены за второй курс, в середине июня 1941 года, уже в звании майора, я впервые отправился в санаторий на Черноморское побережье Кавказа. Настроение было приподнятое, отпускное. Впереди целый месяц беззаботной курортной жизни, купание в море, странствия по горам, встречи с новыми людьми.

Обосновавшись в палате и познакомившись с соседом, пожилым подполковником, я повесил в шкаф гимнастерку и галифе, туда же уложил сапоги и, облачившись в серые гражданские брюки и белую рубашку «алаш», отправился осматривать живописные окрестности санатория. Целый месяц я мог теперь чувствовать себя гражданским лицом, забыть о субординации, о постоянной подтянутости, которой требовала военная форма. Отдых, настоящий отдых...

Где-то на третий или четвертый день санаторной жизни я спросил за завтраком у своего соседа по палате, какой сегодня день. Федор Николаевич — помнится, так звали подполковника — добродушно улыбнулся и прогудел:

— Вот говорят, счастливые часов не наблюдают.

А наш брат отдыхающий не то что часов — и дней не наблюдает. Весь отпуск за одно сплошное воскресенье идет. Сегодня, кстати, и по календарю воскресенье. После обеда экскурсия, кажется, на катере предполагается. Едешь?

— Как же, еду. А вы?

— Качку не переношу, да и треск этот моторный не по мне. Лучше я в горы подамся — благодать. — Он поднялся. — Ну как, Иван Никопович, на море идем?

— Идем, — согласился я.

Часов до двенадцати мы валялись на пляже, купались. Жара стала невыносимой, и, выбравшись из воды, мы решили подняться в санаторий, почитать под сенью пальм. Свернули на главную аллею, смотрим — нам навстречу дежурная сестра. Запыхалась, в округлившись глазах — страх...

— Товарищи!.. Важное правительственное сообщение... Война... С Германией...

Мы с Федором Николаевичем переглянулись.

— Подождите, успокойтесь, — строго сказал подполковник. — О чем сообщение? С кем война?

Сестра глубоко вздохнула:

— Сейчас передали по радио... Сегодня в четыре часа немцы перешли границу... на всем протяжении... Бомбили Киев, Севастополь... Ой что же это делается! — Она зажмурилась и сжала ладонями виски.

Сознание того, что случилось непоправимое, что вдоль западной границы уже идут бои, обожгло мое сердце. Как-то не совмещалось: солнечный полдень, сверкающее море, раскатистый смех на соседней аллее и война. Так не бывает...

Несколько мгновений я стоял как вкопанный, обуреваемый этими мыслями, а потом словно очнулся. Взглянув на себя, я увидел, что стою в легких сандалиях, в серых брюках, белой рубашке, с полотенцем через плечо. Лицо мое вспыхнуло от ощущения стыда. Вероятно, такое же чувство испытал и подполковник. Точно по команде мы сорвались с места и помчались к санаторию. В вестибюле, в коридорах раздавались голоса, хлопали двери. Кто-то из отдыхающих, уже облаченный в военную форму, выходил от главного врача. Влетев в палату, мы сбросили нашу гражданскую одежду и уже через минуту топтались у зеркала, одергивая и оправляя гимнастерки.

— Немедленно на вокзал, в автобус — и на вокзал, —

вытащив из шкафа чемодан и бросая в него вещи, сказал Федор Николаевич.

— Во сколько поезд на Москву, не помните, товарищ подполковник? — запихивая в свой чемодан гражданскую одежду, поинтересовался я.

— Садимся на первый же, идущий на север, — отозвался Федор Николаевич. — Я, брат, гражданскую пропел, по военным дорогам поколесил. У них расписание такое: прыгай на первый попавшийся, хоть товарный, а то накукуешься досыта...

Через час мы были на вокзале. Поезд до Ростова-на-Дону должен был вот-вот прибыть. Народу на перроне — яблоку негде упасть. Поезд пришел с опозданием минут на двадцать. Был он набит битком. Люди — среди них немало военных — гроздьями висели на подножках. Из окон вагонов доносился плач детей, ругань.

— Видно, товарищ подполковник, с этим нам не уехать.

— Что значит не уехать? Надо — уедем.

— Не на головах же людей...

— Не на головах, так над головами. Придется трянуть старипой. Держи-ка чемодан...

Куда только девалась сапаторная мешковатость моего подполковника! Одним прыжком вскочил он на буфер, на поручень перехода между вагонами, и вот уже машет мне с крыши: мол, кидай чемоданы...

Глядя на нас, и другие пассажиры, в большинстве военные, забрались на крышу. Паровоз дал гудок, поезд дернулся несколько раз и пошел. На перроне остались кричащие люди, железнодорожник в красной фуражке, грозящий кулаком, раскрытый чемодан с вывалившимся вещами, видимо, упал с крыши...

— Ну вот, товарищ майор, — поудобнее устраиваясь на ребристой кровле вагона, сказал Федор Николаевич, — и началась наша с вами фронтная жизнь.

Сменив три поезда — один из них был товарный, и нам с подполковником пришлось ехать на платформе, — па третьи сутки мы добрались до Москвы. Распрощались на Курском вокзале, подполковник поспешил в штаб своей части, а я — в академию.

Изменилась столица за десять дней моего отсутствия. Уезжал я из веселого солнечного города, сиявшего улыбками и звеневшего смехом. Из парков, Дворцов культуры, из уличных репродукторов лились танцевальные мелодии,

легкие, беззаботные или лирически-грустные, — такие памятные моему поколению мелодии предвоенных лет: «Я парнишка веселый и бравый...», «Все хорошо, прекрасная маркиза...», «Эх, Андрюша, брось свои печали...».

Приехал я в город посуровевший, строгий. У большинства прохожих были серьезные, сосредоточенные лица. На вокзале люди толпились перед репродуктором — передавали сводку Совинформбюро. Дорогой я послушался немало всяких фантастических предположений. Один говорил, что немцы выбросили под Киевом многотысячный десант. В это никто не хотел верить. Другой утверждал, будто наши войска шагают по Восточной Пруссии, взято много немецких городов. В это всем хотелось верить. А правда — вот она: каунасское, минское направления, войска Красной Армии ведут тяжелые бои в приграничных районах, враг, не считаясь с огромными потерями, вводит в бой все новые силы, продвигается вперед...

Передача закончилась, помрачневшие люди начали расходиться.

«На фронт... Немедленно проситься на фронт», — твердо решил я и зашагал к станции метро.

Но на фронт сразу попасть мне не удалось. Группе моих товарищей, на второй день войны подавших рапорты об отправке на фронт, командир холодно сказал:

— Заберите обратно и впредь постарайтесь не поступать, как нервные барышни. Вы слушатели Военной академии, командование знает, где и когда вас использовать... — и строго запретил досаждать ему рапортами.

Между тем многие слушатели получали направления и отправлялись в свои части. Остающиеся отчаянно завидовали им.

Те, кто остался, немедленно возобновили занятия по укороченной программе. За три месяца нам предстояло пройти годичный курс. В учебных аудиториях и самостоятельно заниматься приходилось по 16—17 часов в сутки. Поздно вечером, едва успеешь донести голову до подушки, засыпаешь тяжелым сном. Раю утром, в полусне поднявшись с кровати, ощупью добираться до краца, чтобы плеснуть в лицо холодной водой: без этого невозможно разлепить глаза. Но и так поспать выпадало нечасто. Вражеская авиация бомбила Москву. Приходилось либо сидеть в бомбоубежище, либо дежурить на крыше здания академии, тушить зажигательные бомбы.

В конце сентября я был выпущен из академии. В моей комнате теперь поселился слушатель первого курса капитан Борисенков. Да, именно тот самый Николай Павлович Борисенков, мой первый командир и учитель. Встретились мы с ним в середине мая, еще до войны. Спускаюсь я в вестибюль, смотрю, с улицы входит стройный, подтянутый капитан. Поразительно знакомое лицо, походка...

— Батяка! — крикнул я и бросился навстречу, потащил его к себе.

Взаимным вопросам не было конца. Оказалось, Николай Павлович участвовал в освободительном походе в западные области Белоруссии и Украины, в боях на Карельском перешейке, потом служил в Орловском военном округе, а теперь направлен учиться в Военную академию имени М. В. Фрунзе.

Забегая вперед, скажу, что недолго ему пришлось учиться в академии. В октябре 1-й курс был выпущен и слушатели получили назначения в действующую армию. Борисенков прошел всю войну и остался жив.

Следующая моя встреча с батякой произошла только через тридцать три года, в 1974 году. Уволившись из армии, Николай Павлович работал начальником отдела кадров одного из московских предприятий. Сейчас он пенсионер.

...Я получил назначение на должность командира 4-го стрелкового полка 2-й Московской стрелковой дивизии. Командовал ею полковник Кудрявцев. Дивизия находилась еще в стадии формирования.

Нельзя сказать, что в должности командира полка я чувствовал себя очень уверенно. До того, если не считать академической практики, я командовал только ротой да в течение нескольких часов батальоном в бою на сопке Заозерная...

Личный состав полка по большей части либо зеленые новобранцы, либо люди в годах, проходившие срочную службу лет пятнадцать — двадцать назад и основательно огражданившиеся. Это означало, что времени для обучения потребуется много. А где его взять? Фронт стоял под Вязьмой, и по всему чувствовалось, что стабилизировался он ненадолго: немцы накапливали силы для нового удара.

16 октября меня вызвал к себе командир дивизии Кудрявцев. Это был стройный человек среднего роста, со

строгим, волевым лицом. Две глубокие морщины прорезали его щеки от скул до подбородка и делали старше своих лет.

— Садитесь, товарищ Мошляк, — предложил он, после того как я вошел к нему в кабинет и доложил о прибытии.

Я сел на стул у стены.

— Положение усложнилось, — сказал Кудрявцев. — Немцы начали наступление несколькими танковыми группами, расчленили наш фронт и рвутся к Москве. Не исключено, что и нашей дивизии скоро придется вступить в бой... — Он приподнял руку и плавно опустил на стол ладонью вниз. — Знаю, все знаю... Личный состав необучен, малобоеспособен... Так вот, даю вам три недели. Главное внимание обратите на взаимодействие подразделений. Три часа в день необходимо заниматься строевой подготовкой. Вопросы есть?

Вопросы у меня были. За день до того мы с начальником штаба полка составили план подготовки личного состава. В этом плане основное внимание уделялось изучению оружия, которое бойцы знали плохо, а также отработке способов борьбы с вражескими танками. Но для таких занятий требовались хотя бы макеты танков, а их у нас не было. Направляясь к командиру дивизии, я хотел посоветоваться с ним, где достать макеты или хотя бы материал для их изготовления. Но Кудрявцев даже не упомянул о занятиях по борьбе против танков, и я об этом промолчал. Куда уж там: три недели дано на все... Смутило меня только непомерно большое количество времени, которое отводилось на строевую подготовку.

— Товарищ полковник, что-то я не пойму. На строевую подготовку времени отводится больше, чем на изучение оружия. Словно мы не в бой готовимся идти, а на парад.

Кудрявцев повертел в руке карандаш, перевел взгляд на окно, за которым колыхались под ветром черные от дождя липы с остатками желтой листвы, и сказал деревянным голосом:

— Так нужно. Строевая сплоченность подразделений необходима для боя. Можете быть свободны.

Вышел я от комдива в полном недоумении. Конечно, строевая сплоченность подразделений в бою необходима, но она имеет смысл лишь в том случае, если бойцы подразделения отлично знают свое оружие, верят в его си-

лу — такая вера очень помогает преодолеть страх перед врагом. Прибыл в полк, рассказал начальнику штаба о задачах, поставленных перед нами командиром дивизии. Тот только руками развел.

Но раз задача поставлена, ее надо выполнять. Плохо, конечно, что цель ее неясна. В таких случаях нам, военным, приходится утешать себя одной мыслью: начальству виднее.

Три недели усиленной строевой подготовки не прошли даром. Бойцы подобрались, приобрели некоторую лихость, кажется, даже шинели всем стали впору. Весело было смотреть, как они повзводно шагают по плацу, как каждый взвод на марше, дойдя до указанного места, делает поворот налево и длинными шеренгами, печатая парадный шаг и держа равнение, проходит мимо отдающего честь командира.

В конце отведенного нам для занятий срока, 5 ноября, устроили боевой смотр полка. Отлично прошли бойцы.

— Послезавтра праздник Октябрьской революции, — сказал мне начальник штаба, когда закончился смотр. — А что, Иван Никонович, наш полк, пожалуй, и на Красной площади не осрамился бы.

Я махнул рукой:

— До парадов ли тут, когда фашисты под Волоколамском, Москву бомбят...

Но начальник штаба как в воду глядел. Вечером, накануне праздника, я получил от нового командира дивизии генерал-майора В. А. Смирнова приказ, в котором было сказано: «Приказываю командиру 4-го стрелкового полка майору Мошляку И. Н. 7 ноября 1941 года к 9 часам 30 минутам вместе с полком быть на Красной площади города Москвы».

Первое чувство — радость. Значит, парад все-таки состоится! Второе чувство — опять радость. Мне и моему полку оказана великая честь. Мы пройдем по Красной площади, равняясь на Мавзолей В. И. Ленина. Перед боями это поднимет дух воинов. Но вдруг мною овладела тревога: достаточна ли строевая подготовка бойцов для такого ответственного парада? Красная площадь не полковой плац, это главная площадь страны. Ах, если бы знать заранее... Но мне тотчас стала ясна абсурдность этой мысли. Противник в ста с небольшим километрах от столицы. В такой обстановке парад должен готовиться в глубокой тайне: от коварного врага всего можно ожидать.

Утром 7 ноября я поднялся рано, часов в пять, вычистил сапоги, обмундирование. Нужды в этом, правда, не было — на улице пасмурно, валил снег, но сработала привычка — в праздник выглядеть парадно. Предупрежденные с вечера командиры подразделений подняли личный состав, приказали всем почиститься. Вскоре полк выстроился на плацу. Я вышел, поздоровался с бойцами, поздравил их с 24-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. Ответом мне было дружное троекратное «Ура!». Лица бойцов сияли. Понял: уже знают, что будут участвовать в параде на Красной площади. Что греха таить: усиленное занятие шагистикой вызывало недовольство личного состава, на меня роптали. Теперь вряд ли кто из бойцов и командиров был в претензии на своего командира полка. Глядя на радостные лица, я особенно отчетливо понял одну простую истину: наш советский солдат способен выполнить любую задачу, преодолеть любые трудности, если знает конечную цель. Ему чужда слепая исполнительность. За годы Советской власти он привык видеть перспективу, привык свое маленькое дело понимать как частицу дела общегосударственного, привык чувствовать ответственность за все, что происходит в его стране.

В половине десятого полк в ряду других частей стоял напротив Мавзолея. Вот на трибуну поднялся Председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин, члены Политбюро ЦК ВКП(б). Сталин был в своей неизменной шинели и фуражке армейского образца. Из ворот Спасской башни Кремля на коне выехал принимающий парад заместитель Народного комиссара обороны Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный. Генерал-лейтенант П. А. Артемьев, командующий парадом, отдал рапорт, затем оба военачальника поскакали вдоль каре выстроившихся войск. Остановились напротив моего полка. Маршал Буденный поздоровался с бойцами и командирами, поздравил их с 24-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции.

Я не был новичком на главном военном параде страны. В составе Военной академии имени М. В. Фрунзе не раз, стоя напротив Мавзолея В. И. Ленина, отвечал на приветствия маршала. Но такого пропитательного чувства радости за свою Родину, такой слитности с нею, с ее судьбою я не испытывал никогда. Вряд ли кому из друзей хоть раз приходило в голову заподозрить меня в сентиментально-

сти... Нет, выжать из меня слезу непросто. Но тут засадило горло и Мавзолей вдруг расплылся в горячем тумане...

Врешь, фашист, нас не возьмешь. Ты стоишь под Москвой, но не видать тебе ее как своих ушей. Не видать тебе никогда этих священных красных стен, этих башен, не топтать тебе эту брусчатку. Ходить по ней только нам, советским людям. Ради этого клянусь не пожалеть жизни своей... Такую же клятву, я знал, давали сейчас все участники парада.

Буденный закончил объезд войск и поднялся на трибуну Мавзолея.

Репродукторы донесли до нас голос И. В. Сталина. Его неторопливая, с чуть заметным грузинским акцентом, уверенно-спокойная речь доходила до сердца каждого. Он говорил:

— На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят поработанные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!¹

И. В. Сталин говорил от имени партии, от имени Советского правительства. Его слова порождали у миллионов бойцов на фронте, у миллионов труженников в тылу уверенность в конечной победе над фашизмом. А такая уверенность в те дни была нужна как хлеб, нет, больше, чем хлеб...

Полк прошел перед Мавзолеем, отлично держа равнение. Сталин смотрел на нас, чуть улыбаясь в усы, время от времени из стороны в сторону помахивая приподнятой рукой.

После парада я получил приказ: к исходу ночи под прикрытием темноты выдвинуть полк на рубеж северо-западнее Химок и занять там оборону. Задача: в случае

---

¹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1951, с. 39—40.

прорыва противника не допустить его к Москве и обеспечить сосредоточение в районе занятого полком рубежа всех частей дивизии.

Может быть, сейчас это покажется странным, но тогда, прочитав приказ, я почувствовал облегчение. Ясные, точные слова: «занять оборону», «не допустить», «обеспечить». К этому я готовился двенадцать лет, этому меня учили, и это было самым необходимым в настоящий момент. Ах как нужна военному человеку ясность! Если приказ ясен и целесообразность его не вызывает сомнений, то военный человек начинает действовать в указанном направлении с воодушевлением, с огоньком, и это его целенаправленное действие не останавливает ни инстинкт самосохранения, ни какие другие чувства и соображения. Остановить его сможет только новый приказ, такой же ясный, целенаправленный, не оставляющий места различным толкованиям.

К утру полк пешим порядком прибыл на указанный рубеж. После короткого отдыха мы приступили к созданию обороны. Бойцы рыли окопы полного профиля, строили блиндажи, землянки. Подмерзшую землю приходилось долбить ломами. Окопы и блиндажи рыли не только для себя, но и для остальных частей дивизии. К вечеру я уже смог занять свой блиндаж. В нем стояла жарко натопленная ординарцем железная печурка, стол на перекрещивающихся ножках и дощатый топчан.

Несмотря на близкую опасность, дух мой был безмятежен. Я знал, что, пока жив, не пропущу противника к Москве через занятый моим полком рубеж. Важность и ясность задачи давали удовлетворение.

Однако военная судьба распорядилась со мною самым неожиданным образом.

В середине ноября немцы начали новое наступление на Москву. На нашем направлении они дошли до Крюкова, взяли его и тут вынуждены были остановиться. Не сумев сломить сопротивления советских войск, гитлеровцы начали обходный маневр, также не принесший им успеха.

2-я Московская стрелковая дивизия была брошена в бой, но 4-й полк оставался в резерве на занятом ранее рубеже. Сдерживая бешеный натиск врага, опьяненного близостью Москвы, дивизия истекала кровью. Сражение шло в 16—17 километрах от нашего рубежа, мы слышали не умолкающий ни днем ни ночью гул боя. С часу

на час я ожидал, что полк форсированным маршем бросят на помощь нашим товарищам. Но у командования были другие планы. Мне приказали готовить полк к наступательным действиям. Окрыленные, я и работники штаба, принялись за отработку атак, охватов, лыжных бросков... И вдруг опять все переменялось. В конце ноября, когда под Крюковым создалось критическое положение, полк расформировали для пополнения других частей дивизии, а меня, неожиданно оставшегося не у дел, направили в Москву, в Главное управление кадров Наркомата обороны СССР.

Прощаясь с командирами подразделений, скрывая горечь, я бодро говорил:

— Ничего, товарищи, через недельку встретимся, буду где-нибудь рядом, дальше фронта не пошлют, а ближе всего фронт на нашем участке.

Подходя к массивному зданию, в котором размещалось Главное управление кадров, я гадал, на какой участок фронта меня направят командиром полка. Под Крюково? Под Яхрому? Под Малоярославец? Решил: если поинтересуются моим мнением, попрошусь под Крюково. Что у них там, излишек командирских кадров, что ли?..

Час спустя я вышел из управления, совершенно ошарашенный своим новым назначением. Через два дня я должен был вступить в должность начальника штаба 106-й стрелковой бригады, которая формировалась в городе Павлово на Оке. Вот уж чего не ожидал, того не ожидал! Вместо фронта изволь отправляться в глубокий тыл...

Ночью, лежа на вагонной полке поезда Москва — Горький, я вспоминал вежливые объяснения полковника, с которыми разговаривал в Главном управлении кадров:

— Товарищ Мошляк, война только разгорается, продлится она, по-видимому, не один год и потребует немалых людских ресурсов. Поймите, если бы мы удовлетворяли все просьбы об отправке на фронт, фронт перестал бы получать подкрепления — их просто некому было бы формировать. Так что призовите на помощь здравый смысл и отправляйтесь на место службы. Желаю успеха!

«Ах, полковник, полковник... Как это легко посоветовать призвать на помощь здравый смысл и как трудно здравому смыслу подчинить сердце!» — думалось мне.

Да, разумом я прекрасно понимал: чтобы успешно вести войну, в глубоком тылу необходимо непрерывно формировать новые части и соединения, личный состав

которых должны обучать военному делу опытные, знающие командиры. Но вот с чем не хотело смириться сердце: почему формированием резервов должен заниматься именно я, Иван Никонович Мошляк, участник боев на озере Хасан, Герой Советского Союза? Почему мне, участнику исторического парада на Красной площади 7 ноября 1941 года, отказано в праве защищать Москву, выполнить клятву, данную перед Мавзолеем Владимира Ильича Ленина? Конечно, начальству виднее и приказ есть приказ, но сердцу не прикажешь...

Поезд увозит меня на восток, все дальше от фронта. Вот уже и Владимир остался позади, а сердце мое там, у поселка Крюково...

Маленький, сельского вида городок Павлово раскинулся на высоком откосе, спускавшемся к широкому заснеженному руслу Оки. Кривые улочки, дома купеческо-мещанского типа: первый этаж каменный, второй — бревенчатый. Из промышленных предприятий сто́ит упоминания небольшой заводик, в мирное время выпускавший знаменитые павловские ножи, вилки, замки и другую железную утварь.

Приехал я в Павлово в один из первых дней декабря. Утро стояло солпечное и морозное. Дым из печных труб курился над крышами, таял в белесом небе:

Шагая по обочине улицы, по тропинке, протоптанной между сугробами, я размышлял о превратностях своей военной судьбы. Думал ли я еще недавно, готовя свой полк к смертельной схватке с фашистами, что через несколько дней окажусь в захолустном тихом городке?

По имеющемуся у меня адресу нашел штаб 106-й стрелковой бригады. Расположился он в двухэтажном кирпичном доме. Судя по развешанным по стенам коридора графикам и объявлениям, раньше тут размещалось какое-то учреждение.

Дежурный сообщил мне, что командир бригады полковник Юдкевич в бригаду пока еще не прибыл, временно его замещает начальник политотдела батальонный комиссар Белянкин. Сейчас он у себя.

Я вошел в кабинет. За столом сидел и что-то писал человек лет тридцати пяти в накинутаом на плечи полушубке. У него были светлые мягкие, слегка вьющиеся волосы, приятные черты лица, круто выступающий, с ямочкой посередине подбородок.

Я представился. Батальонный комиссар встал, назвал

себя, улыбаясь, протянул руку. Открытая улыбка эта будто высветила всю его душу. «Славный человек», — подумалось мне. Я улыбнулся в ответ. Мы обменялись крепким рукопожатием. Белянкин предложил мне сесть.

— А я вас еще с хасанских событий знаю.

Я внимательно взгляделся в лицо батальонного комиссара.

— Не пытайтесь узнать, не был я на Хасане. Я на Карельском перешейке воевал, а в тридцать восьмом году работал вторым секретарем горкома партии. Знаю я вас по портретам в газетах и по вашей книге «У озера Хасан». Подарил ее сынишке на день рождения, так тот потом с ребятишками целое лето в Мошляка играл.

Я смущенно рассмеялся. Посмотрев мои документы, батальонный комиссар сказал, окая по-волжски:

— Мне сообщили о вас из штаба округа. Надо бы выслать за вами машину, да капитан Левин — заместитель комбрига по тылу — уехал валенки для бойцов выколачивать. Что ж, товарищ майор, принимайте штаб.

— Называйте меня Иваном Никоновичем, — не удержался я.

— А меня зовите Михаилом Васильевичем. Вы коммунист?

— Так точно.

— Вот и замечательно, нашего полку прибыло. Пойдемте, Иван Никонович, познакомлю вас с людьми...

Пока начальник политотдела знакомил меня с комиссаром бригады Довженко, с работниками штаба, я с удовольствием слушал его окающую речь. В этом человеке чувствовалось душевное расположение к людям, заинтересованность в их судьбе.

Приняв штаб, изучив подготовленные им документы, я зашел к Белянкину и попросил его помочь мне познакомиться с личным составом бригады.

— Пойдемте сначала в первый батальон к капитану Фельдману. Мне надо поговорить с Богорадом — это комиссар батальона...

Когда вышли на улицу, Михаил Васильевич сказал:

— Чувствуется, что строевым командиром были. Слышал, полком командовали?

— Так точно, а почему чувствуется?

— Только приехали — и сразу к бойцам.

— А как же иначе! От того, как мы, командиры, по-

заботимся о них, зависит, как они воевать будут. Согласны?

— На двести процентов, — улыбнулся Белянкин.

Знакомство с личным составом 1-го батальона оставило у меня хорошее впечатление. Большинство бойцов и командиров были сибиряки и дальневосточники. Возрастной состав самый разный. Но что хорошо — многие уже обстреляны. В одном строю с необученными юнцами стояли ветераны гражданской войны, участники боев на озере Хасан, на Халхин-Голе, на Карельском перешейке. Хорошо, когда в первом бою рядом с новичком находится ветеран. Он не даст растеряться молодому бойцу, подаст ему пример выдержки и бесстрашия.

С батальоном я знакомился поротно. Было желание заглянуть в лицо людям, с которыми придется воевать, обменяться с ними живым словом.

Комиссар батальона Богорад, приземистый круглолицый крепыш, собрал в красном уголке ротных политруков, и Белянкин ушел к ним.

Капитан Фельдман провел меня в помещение 3-й роты, познакомил с командиром роты старшим лейтенантом Иринарховым, румяным, пышущим здоровьем молодым человеком лет двадцати четырех, приказал ему построить роту. Когда рота была построена в узком проходе между рядами двухъярусных коек, старший лейтенант отрапортовал Фельдману, тот — мне.

Если бы капитана Фельдмана переодеть в гражданскую одежду, в голову бы никому не пришло, что он военный. Смуглое, с тонкими чертами лицо, неширокие плечи, тонкие длинные пальцы пианиста. Молчалив, скромн, серьезен. И голос какой-то гражданский, без командирских раскатов, так что приказание в его устах воспринималось как просьба. Но тем не менее никаких признаков расхлябанности в роте я не заметил. Пол чисто вымыт, койки аккуратно заправлены, у бойцов чистые подворотнички, брезентовые ремни на талиях затянуты — пальца не просунешь, складки гимнастеров согнаны за спину, все стрижены «под ноль», небритых физиономий не видно.

Поздоровавшись с ротой, представившись бойцам, я скомандовал «Вольно», снял полшубок, шапку, сел на ближайшую койку, сказал:

— Давайте, товарищи, садитесь, кто где может, поговорить надо. Тесновато у вас, да что поделаешь...

Бойцы заулыбались в ответ на мои слова, с шумом, с шутками начали рассказываться на соседних койках, многие остались стоять, чтобы быть поближе, но сестрь рядом со мной никто не решился. Я подвинулся к изголовью, кивнул двум молоденьким бойцам, что стояли поближе:

— Садитесь, товарищи, сегодня еще и настоитесь, и наползаетесь, и набегаются.

Оба, краснея, присели на самый краешек кровати. Ох, как все это мне было знакомо: и смущение, когда к тебе обращается командир, и благодарность такому командиру за то, что заметил, за то, что пригласил, а не скомапдовал, за то, что проявил понимание нелегкой солдатской доли.

Когда шум улегся, я сказал:

— У кого есть претензии — прошу.

Вскочил и вытянулся по стойке «смирно» сидевший на противоположной койке, чуть наискосок, сержант.

— Разрешите, товарищ майор! Командир отделения сержант Гуляев.

— Слушаю. Только вы сядьте, мы же не на запятях.

Гуляев опустил на койку.

— Претензия такая, товарищ майор: тыловой паек не устраивает.

Бойцы засмеялись. Мне стало ясно: Гуляев — человек бывалый, и «претензия» его с подтекстом.

— Где воевали, товарищ Гуляев?

— На Халхин-Голе.

— С танками противника в пехотных порядках сталкиваться приходилось?

— Так точно.

Я обратился к сидевшему рядом бойцу, худенькому парню, лет семнадцати-восемнадцати на вид.

— Ваша фамилия, товарищ?

— Красноармеец Рыбкин.

— Скажите, товарищ Рыбкин, как вы себе представляете поединок пехотинца с вражеским танком?

Рыбкин до того смутился, что даже тонкая шея его порозовела. Наступила пауза. Я терпеливо ждал.

— Ну, собственно... я читал, — нерешительно начал Рыбкин, потом, собравшись с мыслями, заговорил четко, ясно: — Боец сидит в окопе. На него идет танк. Боец приседает на дно окопа. Танк проходит над ним. Боец

встает, кидает в моторную часть бутылку с горючей смесью или гранату... под гусеницу.

— Толково, — заметил Гуляев.

— Вы сколько классов окончили? — поинтересовался я у Рыбкина.

— Десятилетку, товарищ майор.

За спинами толпившихся в проходе бойцов я заметил грубоватое, обветренное лицо, с голубыми, наивно расширенными глазами. Парень, видно, был небольшого роста и тянулся на носках, чтобы получше разглядеть «начальство», услышать, о чем говорят. Чем-то напомним он меня самого, когда я батрачил у Бескорвайного.

— Послушайте, товарищ! — Я жестом попросил его подойти. Он оглянулся и, не пайдя никого позади себя, недоуменно заморгал глазами. — Я вас прошу подойти, вас...

Все впереди стоявшие обратили взгляды на парня.

— Меня? — Он растерянно посмотрел на товарищей.

— Тебя, Плотников, тебя. — Его подтолкнули в спину.

Бойцы расступились. Плотников подошел, вытянулся, коренастый, кривоногий, весь какой-то корявый, будто кряж.

— Красноармеец... значит... Плотников...

Послышались смешки.

— Тихо, товарищи, — предупредил я, не желая выставлять неловкость бойца напоказ. — Скажите, товарищ Плотников, где у танка находится моторная часть?

— Так где?.. — Плотников помедлил. — Известно... в нем, значит, внутри...

Кто-то фыркнул, кто-то тоненько захихикал. Я обвел бойцов строгим взглядом — поутихли. Хотел было спросить: «Внутри-то внутри, но в каком месте — впереди, сбоку или сзади?» — но не решился: ляпнет Плотников, что мотор у танка впереди, и потом надолго сделается для всех посмешищем. А его, недавно выброшенного из родной, теплой избы в чужой, незнакомый мир, неловкого, косноязычного, это может согнуть, сломать.

Я повернулся к Гуляеву.

— Рыбкин и Плотников из вашего отделения?

— Так точно.

— Думаю, сержант, с вашей «претензией» все ясно. Придется посидеть на тыловом пайке. Вот когда у вас красноармейцы Рыбкин и Плотников не по газетным статьям, а на практике научатся бросать гранаты и бутылки

с горючей смесью хотя бы в макет танка, стрелять без промаха по движущейся мишени и незамеченными подползая к противнику на бросок гранаты, когда на отлично овладеют приемами штыкового боя, — вот тогда будет вам и передовая, и, соответственно, фронтовой паек.

— Да ведь, товарищ майор, фрицы чуть ли не на окраине Москвы, а мы тут... — Сержант сокрушенно махнул рукой.

Очень хорошо понимал я сержанта и разделял его тревогу, его желание быть там, где решается судьба столицы, но ответил так, как повелевал мне долг командира:

— Я знаю многих бойцов и командиров, товарищ Гуляев, которые сражаются под Москвой. Можете мне поверить — они не только отстоят Москву, но и разобьют врага. А уж мы будем добивать. Но бить надо уметь, враг перед нами многоопытный. Поэтому, хоть вы и занимаетесь усиленно, программу придется еще расширить. Готовьтесь к этому и не забывайте слова Суворова: «Тяжело в учении — легко в бою». А теперь давайте-ка посмотрим ваши винтовки.

Подшли к козлам. Я осмотрел несколько винтовок — содержались они в образцовом порядке. Похвалил бойцов, разрешил роте продолжать занятия по распорядку дня. Когда мы с Фельдманом остались одни, он не спросил, как это обычно бывает, о впечатлении, какое на меня произвели его люди. Он сказал:

— Вы тут, товарищ майор, упомянули о практических занятиях по отражению танковой атаки. Мысль хорошая, но макетов у нас нет. Я вот что подумал: на заводе есть деревообрабатывающая мастерская. Попросили бы их сколотить нам из фанеры пяток макетов и поставить их на полозья. Всей же бригаде нужно. И пушкарям не вредно взглянуть на танк через прицел. А чертежи эскизов я беру на себя...

— Вы конструктор?

— Да, работал на воснном заводе.

— Так ведь у вас же бронь?!

Фельдман как-то угловато передернул плечами: что, мол, об этом говорить.

— Доброволец? — спросил я. — Были в боях?

Он кивнул головой.

— Хорошо, товарищ капитан, макетами я займусь, готовьте эскизы.

- Я направился к выходу. Уже в дверях спросил:
— Когда к вам прибыл красноармеец Плотников?
— Два дня назад, с последним пополнением.
— С ним надо заняться.
— Займемся, товарищ майор.

Шагая к штабу, я думал, что с хорошими людьми познакомился сегодня. И уже не находил в душе ощущения потери, стала меньше тоска по товарищам, которые остались под Москвой. Ничего, с такими людьми, как Белянкин, Фельдман, Богорад, мы сколотим такую бригаду, от встречи с которой фашистам небо покажется с овчинку.

...В последующие два-три дня я познакомился со всем личным составом бригады, с командирами батальонов капитанами Онищенко и Ануфриевым, с их начальниками штабов, комиссарами старшими политруками Слюсаренко и Емельяновым, с командиром 106-го артиллерийского дивизиона майором Баслыком, с командующим артиллерией бригады майором Дорошенко и другими командирами.

Все они горели желанием сразиться с врагом и отдавали все силы, чтобы в кратчайшие сроки завершить формирование бригады и обучение личного состава. Многого еще недоставало: валенки и полушубки только для командного состава и для часовых, автотранспорта некомплект, оружия тоже не хватает. Но зато радовали вести с фронта: немцы разбиты под Москвой, Красная Армия гонит их на запад, освобождены Калуга, Волоколамск, Можайск, Калинин.

Велика была сознательность бойцов, высок их боевой дух. Занимались по расширенной программе, с раннего утра до позднего вечера, прихватывали и ночные часы.

Особое внимание уделялось взаимодействию подразделений, стрельбе, борьбе с танками. Завод «Метиз» изготовил нам десять макетов танков, выкрашенных в серый цвет.

Как-то я приехал на полигон посмотреть на занятия 3-й роты 1-го батальона с применением макетов. Попросил командира роты посадить в окоп полного профиля бойца Плотникова. Тот спрыгнул в окоп.

Макет, установленный на полозья, длинной веревкой был привязан к автомашине, находившейся с противоположной стороны окопа. Взмах флага — машина тронулась и пошла по глубокой колее, развивая приличную танковую скорость. «Танк» мчался на окоп. Вот он перед

бруствером. Боец скрылся в окопе. Танк, чуть колупнув полозьями край окопа, перескочил через него. Не успел танк отойти и на пять метров, как в него полетела граната, а затем бутылка с водой. Граната и бутылка упали как раз на то место, где у настоящего танка должны быть жалюзи двигателя. «Наша взяла», — весело подумал я и крикнул:

— Красноармеец Плотников, ко мне!

Парень одним махом выскочил из окопа, подбежал ко мне, вытянулся по-уставному, козырнул, четко доложил:

— Красноармеец Плотников по вашему приказанию явился!

Куда только девалась его неуклюжесть!

— Молодец, товарищ Плотников! Отлично разделались с танком. Хвалю!

— Служу Советскому Союзу!

Целый день после этого у меня в душе теплилось ощущение маленькой победы.

И штаб, и политотдел в те дни работали, что называется, на пределе. Белякин попевал всюду. Участвовал в разборе стрельб, в тактических занятиях, в марш-бросках. Он умел живым словом подбодрить уставших бойцов, заставить их найти в себе новые силы. Михаил Васильевич не раз проводил беседы о единстве фронта и тыла. По его убеждению, боец должен знать, каких трудов стоит его содержание тем женщинам, подросткам и старикам, которые в тылу изготавливают оружие, шьют одежду, выращивают хлеб. У него было множество знакомых бойцов и младших командиров. В минуты отдыха он нередко просил их почитать, что пишут из дому, вел с ними душевные беседы. И какие только темы не затрагивал в них Михаил Васильевич! Он говорил и о профессиях, и о смысле жизни, и о литературе, и о будущем, и об истории страны, и о науке, и о великих полководцах... Казалось, нет такого предмета, которого бы комиссар не знал. И в каждой беседе красной нитью проходила мысль о величии Родины, о великой освободительной миссии нашего воина, о необходимости быть мастером своего дела — стрелок ты, пулеметчик, минометчик или артиллерист. Многого знал Михаил Васильевич, но более всего душу человеческую.

Вскоре прибыл командир бригады полковник Я. Ю. Юдкевич. Это был рослый полноватый человек с орлиным

взглядом темных, навывкате глаз. Копна вьющихся волос делала его похожим на артиста. До назначения на должность командира бригады он преподавал в военном училище.

По характеру Юдкевич был человек горячий, нетерпеливый, гордый. Приказания свои он требовал исполнять немедленно, сейчас же и, если случалась хоть и безобидная заминка, вповольному в ней учинял разнос. При этом глаза его гневно сверкали и, казалось, прожигали человека насквозь.

Однажды я слышал, как заместитель по тылу капитан Левин, выйдя от комбрига после очередного разноса, проворчал:

— Что я ему, курсантик?..

«Ничего, — думал я, — у каждого командира свой стиль руководства. Если для пользы дела, пусть и покричит немножко...»

Наступил май 1942 года. Бригада была давно готова к отправке на фронт, и мы целый месяц изо дня в день ждали приказа. Мы верили, что вот-вот начнется общее наступление Красной Армии, союзники откроют второй фронт и враг будет разбит. Задержка с нашей отправкой представлялась нам лишь подтверждением мысли о скором наступлении. «Наверняка командование собирается включить бригаду в ударную группу одного из фронтов», — думалось мне.

3 мая около одиннадцати часов прибыл офицер связи и прошел к командиру бригады. Через несколько минут Юдкевич вызвал меня и попросил ознакомиться с полученным приказом. В приказе бригаде предписывалось немедленно погрузиться в эшелоны и выехать на Брянский фронт. Место дислокации — 25—30 километров юго-восточнее города Белёв.

Подразделения в это время находились, как обычно, в поле на тактических занятиях. Я немедленно разослал нарочных к командирам батальонов и дивизионов и приказал штабу свертываться. Уже в процессе передислокации бригада показала высокую организованность. Первый эшелон отошел от станции через четыре часа после получения приказа. Мог бы отправиться и раньше, но задержали железнодорожники. Вслед за первым потянулись другие эшелоны. К вечеру уже вся бригада находилась в пути.

Двигались, однако, мы медленно, с задержками. Подолгу стояли. Вражеская авиация бомбила прифронтовые

станции, разрушала пути. Выгрузились в Белёве. Здание вокзала, станционные постройки, близлежащие дома были сожжены, сохранились лишь стены с пустыми проемами окон да печные трубы...

Местность эта была освобождена от гитлеровцев в начале февраля, в ходе зимнего наступления Красной Армии под Москвой.

Пешим порядком бригада выдвинулась в район дислокации. Она была передана в распоряжение командующего 61-й армией. Эта армия входила в состав Брянского фронта и занимала оборону в полосе около восьмидесяти километров, обращенной фронтом на юго-запад. Ей противостояла 2-я танковая армия немцев, находившаяся на правом фланге вражеской группы армий «Центр» и удерживавшая городок Болхов.

Бригада расположилась в лесу на склоне холма. Местность здесь вообще была холмистая, изобиловала перелесками, рощицами, оврагами, по дну которых протекали ручейки и речки.

Еще в дороге мы узнали, что войска Юго-Западного фронта начали наступление, нанеся из района барвенковский выступ — Волчанск сходящиеся удары по Харькову с целью овладеть городом и окружить находящиеся в этом районе гитлеровские войска. За три дня наступления наши части продвинулись вперед на обоих направлениях на 25—30 километров. Мы ликовали. Итак, началось!

— К самым блинам поспеваем, Иван Никонович, — радовался Белянкин. — Лиха беда начало. Вот-вот и Брянский фронт тронется.

— Наверное, только нас дожидаются, — иронизировал я.

— А что ты думаешь? Наша бригада — сила.

Начальник политотдела в эти дни не знал покоя: организовывал беседы, выпуск боевых листов, громкие читки газет.

И вдруг все изменилось. В сводках больше ни словом не упоминалось о наступлении на Харьков. А еще через несколько дней, когда бригада уже стояла в армейском резерве, стало известно, что на юге барвенковского выступа гитлеровцы прорвали оборону 9-й армии и, срезав барвенковский выступ, соединились с северной группировкой.

Надо сказать, такой неожиданный поворот событий

не очень нас обескуражил. Полптруки разъясняли бойцам, что овладение барвенковским выступом — это частный успех противника, что главные события развернутся на Западном и Брянском фронтах, где сосредоточены наши большие силы.

Но грозная действительность опровергла эти розовые надежды. Перегруппировав свои части, немцы нанесли новый удар по войскам Юго-Западного фронта и в течение нескольких дней продвинулись на пятьдесят километров. Наши войска вынуждены были оставить города Изюм и Купянск.

Стало ясно, что это не частная операция гитлеровцев, а начало большого наступления. Активизировался противник и на нашем участке. Это было опасно, потому что, находясь на северном крыле Брянского фронта, 61-я армия прикрывала Тулу и Москву. Командующий армией генерал-лейтенант М. М. Попов выдвинул бригаду на рубеж Зубково, Будоговищи, поставив задачу занять оборону и не допустить прорыва противника на шоссе Болхов — Белёв.

«Не допустить прорыва, усилив оборону противотанковыми средствами», — как знакома была мне эта излюбленная академическая формулировка! Но как на практике не допустить прорыва, если пехота вооружена винтовками и гранатами, а бронебойщики — незначительным количеством противотанковых ружей, если в артиллерийских дивизионах пушек почти вполтину меньше, чем полагается по штату? Нанеси немцы серьезный удар, нелегко пришлось бы бригаде.

Утром эскадрилья «юнкерсов» сбросила бомбы на наши боевые порядки. К счастью, бомбежка не причинила нам заметного ущерба. Затем на позиции 3-го батальона бригады пошли вражеские танки в сопровождении пехоты. Майор Дорошенко приказал выдвинуть на прямую наводку батарею противотанковых пушек. Несколькими залпами они подожгли четыре фашистские машины. Остальные шесть повернули назад. Нарвавшись на огонь пулеметов, отступила и пехота. Больше в этот день атак противник не предпринимал.

Вечером на совещании у комбрига мы узнали, что и на других участках в полосе обороны армии немцы ведут усиленную разведку боем. Какую цель они преследуют? Готовят наступление на Тулу с последующим развитием его в направлении Москвы или пытаются связать силы

северного крыла Брянского фронта, помешать перебросить часть их на южное крыло?..

А на юге положение осложнилось. В конце июня семь почти полностью укомплектованных немецких дивизий армейской группы «Вейхс», в том числе несколько танковых, нанесли удар по трем уже ослабленным в боях дивизиям 40-й и 13-й армий южного крыла Брянского фронта. Оборона была прорвана, и к исходу дня гитлеровские войска продвинулись на 8—15 километров в направлении Воронежа. На следующий день, благодаря вводу в бой фронтowych резервов, нам удалось замедлить темпы наступления противника, но уже к 2 июля вражеские дивизии вышли к железной дороге Старый Оскол — Касторная, нависнув над левым флангом 40-й армии. Расширив полосу прорыва, немецкие танковые колонны продвигались к Воронежу...

...Часы показывали два пополудни. Я сидел в штабной землянке. Было душно, не работалось. Вышел. Теплый воздух повеял на меня запахом разнотравья. На юго-западе, в стороне немецких позиций, взлетали ракеты. Падая, они гасли, как метеориты. Зашел к Белянкину. Он тоже не спал. При тусклом свете коптилки, сооруженной из гильзы противотанкового патрона, читал какую-то книгу.

— Все учишься, Михаил Васильевич?

— Это никогда не поздно, Иван. Никонович, — без улыбки ответил Белянкин.

Я взглянул на название книги — «Железный поток» Серафимовича.

— Вдохновляешься?

Михаил Васильевич, будто не услышав иронии в моем вопросе, сказал, задумчиво глядя на мигающее пламя коптилки:

— Да, брат, железные люди были. По всем законам здравого смысла лапки бы кверху должны были поднимать, а они побеждали...

— Нынче, Михаил Васильевич, железного человека надо еще в железный танк посадить, в железный самолет, дать ему в руки железный автомат, вот тогда он сила.

— А железный дух куда девал?

— И дух, конечно. Только это все в комплексе должно быть.

Я поделился своими мыслями о положении на южном участке фронта.

— Да, отступаем, досадно, — с горечью сказал Белянкин. — Видимо, не пришло еще время для больших наступлений. Еще маловато у нас техники, Иван Никонович, приходится рассредоточивать ее, вот и бьем не кулаком, а растопыренными пальцами. Да и оборону эшелонировать нечем, коли не достает огневых средств. Брось сейчас навстречу немцам под Воронеж пару боевых танковых армий — пух и перья полетели бы от арийцев... Отступать, конечно, неприятно, больно, да только иной раз отступать — еще не значит терпеть поражение. Конечно, теряем территорию. Зато сохраняем войска, боевую технику. Они еще ох как пригодятся...

Нельзя было не согласиться с Белянкиным. Давно уже я заметил: наш комиссар обладает отменным оперативнотактическим мышлением. Помолчав, Белянкин сказал:

— Давай, начальник штаба, поспим. Завтра придется или нет — неизвестно.

Не пришлось. Рано утром противник обрушил шквальный артиллерийско-минометный огонь на нашего левого соседа, а потом на его позиции двинулось до трех десятков танков и несколько батальонов пехоты. Связь с соседом оборвалась. Вражеская тяжелая артиллерия принялась обрабатывать боевые порядки нашей бригады. К вечеру командир 4-го батальона, находящегося на правом фланге бригады, капитан Ануфриев сообщил, что на стыке с соседом танки и пехота противника прорвали фронт. Когда стемнело, полковника Юдкевича вызвал командующий 61-й армией генерал-лейтенант Попов и приказал: бригаде с рубежа Зубково, Будоговищи ударом в направлении на Болхов уничтожить прорвавшегося противника и восстановить положение.

Половину ночи Юдкевич, Белянкин, я, мой заместитель майор Бисярин и командующий артиллерией бригады майор Дорошенко просидели над картой за составлением и уточнением оперативного плана наступления и составлением приказа. Потом Белянкин ушел в подразделения, а мы, вызвав комбатов и командиров-артиллеристов, перед каждым поставили задачу, договорились о взаимодействии.

Наконец работа была закончена. Необходимые распоряжения отданы, все, кажется, учтено. Впрочем, по опыту боев на Хасане я знал: все учесть невозможно. Как бы ни были логичны и хитроумны твои планы, противник противопоставит им свои, которые ты не всегда можешь

предусмотреть. В конце концов исход боя решают стойкость бойцов, их мужество, воинское мастерство, воля к победе. А штабные планы лишь помогают им проявить эти качества в наиболее выгодных условиях.

На улице давно рассвело. Мы позавтракали, и Юдкевич с Дорошенко перешли в соседний блиндаж, служивший командным пунктом. До начала артподготовки оставался час, можно бы и соснуть, тем более что бодрствовал я уже почти двое суток. Но сон не шел.

Как-то сложится этот бой, мой первый серьезный бой в этой войне? Кого из товарищей не досчитаюсь к исходу его? И останусь ли жив сам? Впрочем, мысли о смерти были мимолетными. Гораздо больше волновал исход предстоящего боя, который я в разных вариантах, давая различные вводные, проигрывал мысленно десятки раз.

Было около семи часов утра, когда я вышел из штабного блиндажа. Ярко светило солнце. Километрах в двух от нас, задернутые легким туманцем, просматривались вражеские позиции. Ближе, уходя далеко вправо и влево едва заметными полосками, угадывались наши траншеи. С тыла подходы к ним прорезали балки. Это было удобно — не понадобилось рыть ходы сообщения. Справа виднелась небольшая высота, слева маячили чудом уцелевшие избы деревушки Изюм.

Едва я успел все это окинуть взглядом, как где-то позади неподалеку тишину разорвал артиллерийский залп, тотчас его сдублировал другой, третий, и вот уже воздух ощутимо сотрясается от грохота... Передний край врага теперь обозначен сплошной черной стеной вздыбленной земли, в основании которой одна за другой возникают мгновенные оранжевые вспышки.

Целый час наша артиллерия была по первой полосе немецкой обороны, затем перенесла огонь в глубину. В восемь часов утра батальоны бригады поднялись в атаку. Тысячи людей — насколько хватало глаз, — рассыпавшись по слегка всхолмленной равнине, устремились на позиции противника. Впереди двигались десятка два танков. В рядах атакующих шли и артиллеристы с легкими сорокапятимиллиметровыми пушками. Они подавляли уцелевшие огневые точки врага.

Я спустился в блиндаж. Теперь моя задача — помогать командиру бригады руководить боем. Куда потребуются, вовремя подбросить боеприпасы, накрыть нужный участок огнем артиллерии, помочь подкреплениями из резерва.

Не прошло и пяти минут, как гитлеровцы пришли в себя после артиллерийского обстрела и открыли по атакующим огонь из пулеметов и минометов.

Я зашел на НП командира бригады и сразу услышал раскаты командирского голоса:

— Какой только дурак назвал вас богами войны?! Палите в белый свет как в копеечку!

Юдкевич говорил, прильнув к стереотрубе. Рядом стоял Дорошенко, на его лице рдели красные пятна. Слова комбрига относились, конечно, к нему. В блиндаже находились телефонисты, которые все слышали, и я понимал, какие чувства обуревали командующего артиллерией.

— Немедленно подавить огонь противника перед вторым батальоном! — обернувшись, крикнул комбриг.

— Товарищ полковник, прошу на меня не кричать, — негромко, но твердо проговорил Дорошенко.

— Что?! Выполняйте приказание!

Дорошенко подошел к телефонисту, велел вызвать «Тайфун». Через несколько минут опять забухали наши пушки.

— Что у Фельдмана? — спросил я.

— Продвигается, — не отрываясь от стереотрубы, ответил комбриг. — Онищенко и Ануфриев тоже. А Бардин застрял, головы, видите ли, не дают ему поднять...

Юдкевич на миг обернулся ко мне, и я увидел воспаленные глаза на красном от возбуждения лице.

«Да-а, плохо, что командир создает вокруг себя такую нервную атмосферу», — подумал я.

Только я возвратился в штаб, как из батальона Онищенко позвонил Белянкин.

— Привет, Никонич! Я в третьем. Выбили фашистов из первой траншеи, заняли опорный пункт.

— Прорветесь к Болхову?

— Стараемся, но... — Он замолчал.

— Что «но»?

— Допросили тут пленных... Ждали, гады, нашего контрнаступления и укрепились сильно. Людей положить можно, а прорваться — разве что танковой дивизией... А у нас из семи танков поддержки пять сожжены. Комбат принял решение закрепиться. Я разделяю.

— Добро. Он доложил Первому?

— Доложил. — Голос у Белянкина сделался скучным. После короткой паузы спросил: — Как дела у других?

— Второй застрял... У других не хуже, чем у тебя...

— Ну, бывай.

К полудню наступление приостановилось. Батальон Фельдмана, взяв первую траншею и опорный пункт, дальше, как и 3-й батальон Онищенко, продвинуться не смог. Густо расположенные огневые точки противника простреливали каждый квадратный метр перед фронтом наступающих.

Я отметил на карте положение батальонов, собрал сведения о потерях, о наличии боеприпасов, приказал заместителю комбрига по тылу доставить на передовую горячую пищу и хотел было пойти на НП, как снаружи раздался возглас наблюдателя «Воздух!».

Вскоре послышался тяжелый гул самолетов. Под ногами дрогнула земля, с потолка посыпалась пыль. Взрывы следовали один за другим в течение четверти часа. Когда бомбардировщики ушли, я позвонил во 2-й батальон Бардину. Связи с ним не было. Фельдман, а затем Онищенко и Ануфриев сообщили, что противник контратакует. Я вышел на воздух. Над полем боя стояла сплошная завеса пыли и дыма. Вскоре опять появились бомбардировщики...

Пять контратак отбила в этот день бригада. В промежутках между контратаками фашистские самолеты забрасывали бомбами наши боевые порядки. Я с нетерпением поглядывал на склонившееся к западу, потускневшее за пеленою пыли солнце: когда же оно сядет, когда наступит темнота?.. Казалось, на позициях бригады уже не осталось ничего живого. Но командиры батальонов, в том числе и комбат 2, связь с которым была восстановлена, один за другим докладывали: «Атака отбита».

Хорошо поработали зенитчики — три «Юнкерса-87» врезались в землю и взорвались на собственных бомбах.

Стемнело. Но и ночью вражеская авиация не давала нам покоя.

Комбриг приказал перейти к обороне, в течение ночи оборудовать позиции, зарыться в землю.

И в эту ночь мне не пришлось сомкнуть глаз. Подразделения надо было обеспечить боеприпасами, выделить транспорт для эвакуации из медсанбата тяжелораненых, уточнить расположение боевых порядков бригады, подготовить боевой приказ на завтра, составить список погибших, чтобы послать родным извещения, список отличившихся в бою, чтобы представить к наградам, иных — по-смертно... Писари буквально валились с ног. Время от вре-

мни мой заместитель ставил их по стойке «смирно» и приказывал сделать несколько гимнастических упражнений.

Во второй половине ночи позвонил комбат З Оищенко.

— Товарищ майор, повлияли бы на Михаила Васильевича — вы ведь, кажется, друзья...

— А что такое?

— Понимаете, сладу с ним нет. Достал у кого-то из бойцов немецкий автомат и ушел в боевые порядки. Со второй ротой поднялся в атаку. Ворвался в траншею одним из первых, чуть не погиб. Хорошо, сержант Гуськов успел немца снять, а то бы...

— Сейчас он у вас?

— Да нет, ушел к себе.

— Хорошо, попробую поговорить с ним. Как дела?

— В порядке, копаем не хуже кротов.

Я положил трубку. Возмущение захлестнуло меня... Начальник политотдела бригады в роли рядового бойца... Вот уж не ожидал такого лихачества от Белянкина. Умный же человек. Я взялся было за телефонную трубку, чтобы немедленно позвонить в политотдел, но раздумал. Спит, наверное, батальонный комиссар, намаялся за день. Ну ладно, завтра я ему по-дружески выдам!

Утром, когда уже взошло солнце, я оставил дела на своего заместителя Василия Зиповьевича Бисярина и прикорнул тут же на топчане. Заснул мгновенно. Разбудил меня Бисярин.

— Иван Никонович, бомберы идут.

Взглянул на часы — десять. А мне показалось, что спал я не больше пяти минут. Глаза едва разлепил, голова тяжелая. Вышел из штаба. Рядом вырос ординарец с котелком воды в руках и полотенцем на плече.

— Может, умоетесь, товарищ майор?

— Давай лей.

Я наклонился, и ординарец вылил весь котелок мне на голову.

С запада нарастал тяжелый гул. Причесываясь, я следил за приближавшимися бомбардировщиками. Их было не меньше двух десятков.

Из землянки высунулся телефонист.

— Товарищ майор, вас комбриг!

Подожел к телефону.

— Слушаю, товарищ Первый!

— Видишь, что в воздухе?

— Вижу.

— Начинается крещение... Тут не о наступлении думать, а... — Он помолчал, а потом я услышал в трубке глухой вздох. — В общем, смотри... Будь здоров!

Некоторое время я стоял с трубкой в руке, пытаюсь понять, зачем звонил Юдкевич. Никаких распоряжений не сделал... «Тут не о наступлении думать, а...» Что кроется за этим «а»? «В общем, смотри...» Что я должен смотреть, да еще «в общем»? Станный человек. Вчера был охвачен азартом, требовал от комбатов продвижения, горел боем, ругался, а сегодня вздыхает...

Размышления мои прервал грохот рвущихся бомб. Я вышел из блиндажа. Бомбардировщики Ю-87, или, как их прозвали бойцы, «лаптежники» (их неубирающиеся шасси с обтекателями напоминали лапти), построившись в круг, один за другим пикировали на наши боевые порядки. Разрывы зенитных снарядов, будто комочки серой ваты, обступили кольцо бомбардировщиков. Вот один «лаптежник» задымил и отвалил в сторону. Освободился от груза бомб. Они легли перед самым передним краем противника. Я подсадовал: что бы чуть замешкаться — своих бы накрыл.

Второй день долбила нас вражеская авиация, и ни одного нашего истребителя не появилось в воздухе. Комбриг звонил в штаб армии, но там авиационного прикрытия не обещали. Мы понимали, что вся авиация фронта брошена южнее, где гитлеровцы прорвались к Дону и, развивая наступление вдоль правого берега, пытаются отрезать пути отхода нашим армиям.

Как и вчера, над позициями батальонов повисли тучи пыли, и разглядеть, что там происходит, было невозможно.

Когда бомбежка кончилась и начала оседать пыль, я велел перенести телефоны в окоп, вырытый неподалеку от блиндажа. Бой обещал быть жарким, не исключено нарушение связи, а я каждую минуту обязан знать, как развиваются события. В штабе имелась стереотруба, но она не давала возможности охватить взглядом сразу все поле боя. Потому я предпочитал обходиться без нее.

Только я успел перебраться с телефонистами в окоп, как гитлеровцы открыли ураганный огонь из пушек и минометов. Били они не только по боевым порядкам, но и по ближайшим тылам. Снаряды рвались неподалеку.

Осколки, фырча, пролетали над головами. Пыль оседала на телефонах, на одежде, на лицах людей.

Высунулся из окопа, приложил к глазам бинокль. Из лощин между холмами, находившимися за линией вражеской обороны, выползали фашистские танки. Миновав свои окопы, они развернулись в боевой порядок и на предельной скорости, стреляя из пушек, двинулись на позиции бригады. За ними устремилась пехота. Всего я насчитал пятьдесят машин. Половина из них нацелилась на левый фланг, на 1-й батальон. С нашей стороны — ни единого выстрела. Вот оно, первое серьезное испытание для бойцов. Выдержат ли? Не сдадут ли нервы?

Видимо, немцы решили во что бы то ни стало подавить сопротивление бригады и осуществить прорыв на широком фронте. Позавчерашний прорыв на узком участке не принес им успеха. Соседи сильной контратакой ликвидировали брешь, а прорвавшиеся танки и пехота были уничтожены артиллерией резерва.

На этот раз танковую атаку гитлеровцев поддерживали десятка два «юнкерсов». Боевые порядки бригады опять заволкло желто-бурым дымом и пылью. На время бомбежки танки замедлили движение, а некоторые из них совсем остановились, не рискуя попасть под свои же бомбы. Но как только самолеты улетели, опять послышался ляг гусениц и рев моторов. Танки шли, покачиваясь на неровностях. За ними бежала пехота — не меньше четырех батальонов. Больше всего ее было видно на левом фланге: главный удар наносился по 1-му батальону.

Солнце стояло высоко, было жарко. С меня лил пот, и в то же время знобило. Сказывалось нервное напряжение. Если бы я находился в боевых порядках или занимался каким-то неотложным делом, внутреннее напряжение снялось бы. Но мне сейчас приходилось только ждать...

Ударили наши противотанковые пушки. Выстрелы их слышались реже, чем хотелось бы. Видимо, часть орудий была выведена из строя бомбардировщиками.

Через четверть часа перед фронтом 1-го батальона горели три танка, в центре и на правом фланге — еще несколько вражеских машин. При полном безветрии черный дым свечою поднимался в голубое небо. Остальные танки продолжали двигаться на наши окопы. По радио я вызвал командира 106-го артиллерийского дивизиона Васлыка, ставшего уже подполковником, и попросил его поддер-

жать батальоны огнем, в первую очередь левый фланг. Прошло не больше минуты, как загревели орудия дивизиона. Правда, попаданий во вражеские машины почти не было, снаряды рвались позади них, в гуще пехоты. Но и это было неплохо — пехота залегла, танки оторвались от нее. Теперь с ними справляться было легче.

Дивизион перенес огонь на другие участки, а на левом фланге вновь было поднявшуюся пехоту, отсеченную от танков, прижали к земле пулеметчики.

В бой вступили отодвинутые в тыл противотанковые батареи, роты противотанковых ружей. Одна за другой, точно споткнувшись о невидимый барьер, останавливались на поле вражеские машины. Некоторые из них вспыхивали факелом, извергая к небу клубы черного, сажистого дыма.

И все же бронированная армада продолжала двигаться вперед. Чувствовалась кадровая выучка: 2-я танковая армия гитлеровцев была сформирована давно. Для немецких танкистов это не первое сражение, для нашей бригады — боевое крещение. Посмотрим, кто кого...

На участке 1-го батальона танки достигли окопов. Три первые машины, взревев на форсаже, сразу же перевалили через них. Сердце у меня сжалось: остался ли кто-нибудь в окопах живой?

И вдруг в воздухе что-то мелькнуло. Почти одновременно три перепрыгнувших окопы танка объяло пламя. — Ну, молодцы! — вырвалось у меня.

И все же двум десяткам вражеских машин удалось прорваться в наш тыл на участке 1-го и 3-го батальонов. Но без пехоты они немногочисленно стоили.

Первая группа нарвалась на артиллеристов подполковника Баслыка и сразу лишилась шести машин. Остальные продолжали упорно идти вперед, но и они вскоре были сожжены броней бойцами резервной роты. Другая, меньшая группа сумела разбить несколько орудий и автомашин, однако тоже была уничтожена батареей истребительно-противотанкового дивизиона.

Время перевалило за полдень, а бой не утихал ни на минуту. Правда, немецкая пехота, лишившаяся танкового прикрытия, отошла на исходные позиции, но справа, на склоне высоты, километрах в двух от нас, уже выстроились до тридцати вражеских машин. «Им не удалось смять нас на левом фланге, они перенесли главный удар на правый, — рассуждал я про себя, наблюдая за танко-

вой колопной. — Но основные противотанковые средства у нас на левом фланге... Надо немедленно перекинуть их на участок 4-го батальона».

Позвонил Юдкевичу, изложил свои соображения.

— Почему вы думаете, что они пойдут на четвертый батальон? — услышал я утомленный голос комбрига.

— Тактика у немцев такая: получили по зубам в одном месте, лезут в другое, ищут слабинку... Любят бить по флангам, по стыкам.

— Хорошо, действуйте.

Я связался с майором Дорошенко и приказал ему немедленно, не теряя ни минуты, перебросить истребительно-противотанковый дивизион на правый фланг, батареям занять огневые позиции на склоне высоты.

Смотрел я на приближающиеся, стреляющие на ходу или с короткой остановки танки, и одна мысль точила меня: «Успеют ли истребители?»

Успели!..

На склоне высоты, обращенном к атакующим — я отчетливо видел это в бинокль, — разворачивался истребительно-противотанковый дивизион. Вскоре он открыл огонь. В первые же минуты загорелись два танка, потом еще три. Я уже считал атаку захлебнувшейся, но тут в небе показались зловещие точки. Бомбардировщики! Минуту спустя на том месте, где стоял дивизион, вздыбились фонтаны земли...

Танки прорвались, а за ними и пехота. В траншеях 4-го батальона завязался рукопашный бой...

Пока я занимался правым флангом, упустил из виду события на левом. Там после ожесточенной бомбардировки и артиллерийско-минометного обстрела немецкой пехоте при поддержке танков удалось потеснить 2-й батальон на стыке с 1-м и занять деревню Изюм. Об этом я узнал от Фельдмана, батальон которого оказался в полуокружении.

Соединился с Бардиным.

— Почему не доложили штабу об отходе?

— Потому что деревню я сейчас верну.

— Действуйте. Вас поддержат батареи Баслыка. Резервная рота третьего батальона ударит с тыла.

Комбриг уже был в курсе создавшегося положения. Я доложил ему о принятых решениях, он их одобрил.

В районе деревни разгорелся ожесточенный бой. Ар-

тиллерийская канонада, треск пулеметов, грохот разрывов слились в сплошной гул.

Вскоре из 3-го батальона сообщили, что при штурме деревни Изюм погиб комбат Онищенко. Оказавшись в окружении гитлеровцев, он отстреливался до последнего патрона, а последний оставил себе... Командовать батальоном стал комиссар Слюсаренко.

Вот как она дается, война. В первом же бою погиб командир батальона. Один из лучших комбатов.

День кончился, стемнело, а бой продолжался.

2-й батальон, заняв две траншеи противника на окраине деревни, дальше продвигаться не смог, потому что немцы вели убийственный огонь из подвалов.

Выручил старший политрук Слюсаренко. Неподалеку от деревни бойцы нашли чуть покореженный, но исправный фашистский грузовик. Слюсаренко знал, что командир минометного расчета сержант Кузнецов до войны был шофером. Попросил его завести машину — мотор работал. Тогда Слюсаренко посадил в кузов полроты бойцов во главе с командиром роты старшим лейтенантом Рубановым и приказал им гнать прямо в деревню. Расчет был построен на том, что в темноте немцы беспрепятственно пропустят свою машину.

Так оно и вышло. Добравшись на машине до деревни, бойцы заняли выгодную позицию, а утром ударили гитлеровцам в тыл. Оборона противника была смята, и вскоре деревня оказалась в наших руках. Затем при поддержке 1-го батальона положение на левом фланге было восстановлено.

Шел третий день непрерывного сражения. В центре и на левом фланге бригада удерживала занятые ранее позиции. Правда, досталось это дорогой ценой: 3-й батальон насчитывал лишь треть личного состава, 1-й и 2-й — примерно половину. На правом фланге немцы вчерашней атакой потеснили 4-й батальон и, продвигнувшись на километр, заняли не только свои старые позиции, но и западные склоны господствующей высоты.

С утра, как и вчера и позавчера, началась бомбежка. Теперь вражеская авиация главный удар наносила по огненным позициям артиллерии. Потеряв за два дня сорок с лишним танков, гитлеровцы поняли: пока у нас достаточное количество пушек и снарядов, их танки не пройдут. Бомбардировка длилась целый час. Потом снова двинулись танки. По ним ударили наши пушки. И хотя

огонь их стал менее интенсивным, вражеские машины и пехота, бежавшая следом, вынуждены были отойти. Затем опять налетели «лаптежники».

За три дня непрерывных бомбежек и артиллерийского обстрела местность вокруг изменилась до неузнаваемости. Какой-то лунный пейзаж простирался передо мною. Сплошные воронки, большие и малые, черная земля, нигде ни травинки, ни кустика. Там и тут остовы обгоревших немецких машин, танков, обломки разбитых орудий, повозок, вздувшиеся трупы лошадей...

Мне казалось, что сегодня противник уже не сможет нанести по бригаде удара такой силы, как в предыдущие два дня: потери наши были велики, но еще большие потери понесли гитлеровцы. Однако я ошибся. Видимо, немцы получили подкрепление, и во второй половине дня, после интенсивной бомбежки и артиллерийско-минометного обстрела, на нас двинулись до двух полков пехоты и танки. Концентрированные удары наносились сразу по обоим флангам. Замысел противника был ясен: прорваться на стыках, взять бригаду в кольцо, разгромить армейские резервы и главными силами выйти на оперативный простор. Особенно тревожил меня правый фланг, где немцы вчера, оттеснив 4-й батальон, сумели зацепиться за господствующую высоту.

Меня вызвал командир бригады. За эти два дня и внешность его, и манера поведения резко изменились. Передо мной был другой человек. Глаза его потускнели, ввалились, крепкое румяное лицо обрюзгло, налилось нездоровой желтизной. В движениях появилась болезненная вялость, голос звучал тихо и как-то безразлично.

Здесь же на КП находился Белянкин. На груди его висел немецкий автомат.

Я поздоровался с обоими и уже было раскрыл рот, чтобы попросить комбрига запретить Белянкину участвовать в боях в роли рядового, но Юдкевич опередил меня.

— Иван Никонович, немцы просочились на стыке с правым соседом. Прикрываясь высотой, они пытаются охватить нас с тыла. Четвертый батальон вынужден отходить. Отправляйтесь немедленно туда, надо сбросить противника с высоты, не допустить его продвижения в наш тыл и восстановить положение. — Он замолчал. Казалось, ему не хватало воздуха. Отдышавшись, продолжал: — Я еду в первый батальон, там тоже трудно...

— Я поеду с Мошляком, — сказал Белянкин.

Меня так и подмывало обрезать его: «Товарищ начальник политотдела, не подменяйте строевых командиров», но препираться сейчас было не время.

— Возьмите мой автомат, Иван Никонович, — сказал Юдкевич и взглядом указал на стену блиндажа, где на гвозде висел новенький ППШ.

Я поблагодарил, взял автомат, и мы с Белянкиным скорым шагом направились к штабному газнику, что стоял в укрытии. Уже сидя в машине, которая, подпрыгивая на ухабах, мчала нас на правый фланг, я, склонившись к уху Белянкина, спросил:

— Скажите, товарищ начальник политотдела бригады в звании майора, бойцом какого батальона прикажете вас числить?

Белянкин внимательно взглянул на меня, в глазах его запырпали веселые чертики.

— Что, боишься, как бы я два пайка не получил — за начальника политотдела и за рядового? Не беспокойся, не объем...

— Слушай, Михаил Васильевич, нельзя же так... Ты руководишь политработой в бригаде, под твоим началом...

— Ну, руковожу! — с внезапным раздражением перебил меня Белянкин. — Так что же, в то время когда бригада истекает кровью, когда такие же, как мы с тобой, коммунисты, только пониже званием, погибают в атаках, в борьбе с танками, когда молодые, необстрелянные бойцы, не поддержи их в нужный момент, могут дрогнуть, — так что же, в такое время, по-твоему, я должен сидеть в политотделе, организовывать выпуск боевых листов, митинговать? Не-ет, брат. Политработник должен личным примером воодушевлять бойцов, поднимать их боевой дух не только словом, но и делом. Вот так-то, товарищ начальник штаба бригады, которому...

Конца фразы я не расслышал — сзади и сбоку грохнуло два взрыва, по крыше газника забарабанили комья земли. Шофер свернул вправо, влево. Там, где мы были секунду назад, опять рвануло... Вражеские артиллеристы засекли нашу машину и попытались взять ее в вилку.

— Стоп! — скомандовал я шоферу. — Машину в укрытие!

Мы выскочили из газника и, пригибаясь, побежали вперед, а шофер тотчас развернулся и погнал к ближай-

шей лощине. Вокруг нас начали посвистывать пули. Тут, то там они взбивали фонтанчики земли.

Пробегая мимо большой воронки от авиабомбы, заметили в ней нескольких бойцов. Они стреляли из винтовок куда-то в сторону высоты. Увидев нас и узнав, вскочили, вытянулись.

— Почему вы здесь? Где командир? — строго спросил я.

— Отступаем, товарищ майор! — доложил молоденький сержант. — Немцы бьют с высоты.

— За мной! — скомандовал я, и мы с Белянкиным побежали вперед. Сзади слышался топот солдатских сапог.

Пробежав метров сто, встретили еще одну группу, потом еще... До подножия высоты оставалось метров двести. Завидев нашу организованную группу, к нам со всех сторон спешили бойцы. Набралось около взвода. У подножия высоты я приказал залечь. Сержанта с двумя бойцами выдвинул влево, с тем чтобы они направляли к нам отходящие группы.

Ко мне подполз Белянкин.

— Слушай, Иван Никонович, чтобы руководить этим воинством, достаточно одного младшего лейтенанта. А нас тут двое майоров. Не жирно ли? Беги к машине и кати назад...

Я хотел возразить, но Белянкин не дал мне и рта раскрыть:

— В такое горячее время бригада — сам должен понимать — не может остаться без начальника штаба. — И, лукаво подмигнув, не удержался от подковырки: — Тем более в звании майора.

Я и моргнуть не успел, как Белянкин, привстав, крикнул:

— Слушай мою команду! Короткими перебежками — вперед!

Мимо меня пробежали бойцы.

Ничего не скажешь — прав начальник политотдела, мне надо быть на своем месте. Побежал к лощине, в которой остановилась машина.

В небе надо мною парастал мощный гул самолетов. Взглянул вверх — «Юнкерсы-88». Эти не пикируют, зато груз бомб несут в два раза больший, чем «лаптежники».

— Товарищ майор, сюда! — услышал я.

Оглянулся. Неподдалеку из окопа по грудь высунулся

пожилой боец в каске с вмятиной на макушке, — видно, чиркнул осколок. Рядом куча свежавынутой земли. Спрыгнул в окоп чуть ли не на голову солдата. Присели оба, стенки окопчика сдавили нас, будто тисками. А тут еще мой автомат...

— Тесновато, — как бы извиняясь, сказал боец.

— Спасибо, друг. — Я нашел его руку, пожал. Когда успел окопаться?

— Нужда, она заставит...

Раздался свист... Серия мощных взрывов слилась в один; оглушила. Землю под нами сильно тряхнуло; я удивился; что нас не выбросило из окопчика. Больно ударило в поясницу, в плечо — это упали комья земли. Взрывы следовали один за другим, как короткие пулеметные очереди, только усиленные в тысячи раз. Нас совсем засыпало землей, она даже скрипела на зубах. Наконец взрывы стали удаляться, уходить куда-то правее.

Мы с солдатом выбрались из окопа, отряхнулись.

— Вы боец четвертого батальона?

— Так точно.

— Бегом туда! — Я указал направление. — Знаете майора Белянкина?

— Михайлу Васильевича? Так точно, знаю.

— Поступите в его распоряжение. Выполняйте.

Мы с солдатом козырнули друг другу, он уже хотел было сделать поворот «налево — кругом», но я задержал его за руку, заскору лую, в мозолях, крепко пожал ее:

— Счастливо, товарищ. Спасли вы меня.

— Да ну, что там... — Боец смущенно отвел глаза и, взяв винтовку «на ремень», побежал к подножью высоты.

Машину я нашел в лощине, среди кустарника. От бомбежки она не пострадала, если не считать двух осколочных пробоин в дверце. Велел шоферу гнать на левый фланг. По интенсивности стрельбы я определил, что дело там завязывается жаркое.

Через полчаса я был в расположении 1-го батальона. К этому времени стрельба поутихла. Капитан Фельдман встретил меня у входа в узкую траншею, которая служила ему командным пунктом. Лицо его осунулось, на щеках обозначились морщины, веки покраснели. Выглядел он гораздо старше своих двадцати девяти лет.

— Комбриг был? — спросил я.

— Да, только что уехал.

— Жмет немец?

— С утра отбили пять атак. Последнюю — минут пятнадцать назад. Бомбежкам счет потеряли...

— Слушайте, капитан, кто у вас вчера поджег три танка, те, что первыми прорвались через окопы?

— А... Это ребята из третьей роты. Сержанты Гуров и Гуляев, рядовые Рыбкин и Плотников.

Я улыбнулся. Вспомнилась казарма в городке Павлово, койки в два яруса, стриженные наголо и оттого ушастые ребята, застенчивые и немного растерянные. Особенно живо представился мне неуклюжий Плотников, прозвучал в ушах его курьезный ответ на мой вопрос, где у танка находится моторная часть: «Известно... в нем, значит, внутри...»

— Всех четверых представьте к медали «За отвагу».

Фельдман молча вынул из планшета несколько сложенных вчетверо листов бумаги, протянул мне.

— Тут представление на них и на других. На Гуляева и Рыбкина — посмертно.

У меня сжалось сердце.

— Рыбкин — это который десятилетку закончил, юнец такой... эрудированный?..

— Да, он... — Фельдман вздохнул. — Плотникова сегодня после первой атаки в медсанбат отправил. Он два танка подбил. Я его к Красному Знамени...

Я взял бумаги, сунул в свою сумку. Фельдман оглянулся на телефониста, сказал, понизив голос:

— Товарищ майор, откровенно говоря, приказ комбрига привел нас всех тут в недоумение...

— Какой приказ? — не понял я.

— Разве вы не знаете? — удивился в свою очередь Фельдман. — Я только что перед вашим приездом получил от комбрига приказ на отход батальона. Какая необходимость в этом? Мы отбиваем все атаки. Правда, мне пришлось бросить в бой резерв, но стоим же... И потом, почему отходить надо немедленно? Не лучше ли ночью?

То, что я услышал от Фельдмана, было для меня новостью.

— Пока пусть батальон не трогается с места, капитан. Я — к командпру бригады...

Вскочив в газик, крикнул шоферу:

— На НП комбрига! Быстро!

На наблюдательном пункте кроме Юдкевича находились майор Дорошенко и несколько других командиров.

По-уставному вытянувшись и отдав честь, я обратился к комбригу:

— Товарищ полковник, разрешите вопрос?

Юдкевич слабо улыбнулся:

— К чему такая официальность, Иван Никонович? Я вас слушаю.

— Правда, что вы отдали приказ первому батальону оставить занимаемые позиции и отойти?

— Не только первому батальону, но и всей бригаде,— медленно, словно размышляя, сказал Юдкевич.

— Чем вызвано такое решение?

— Угрожающей обстановкой. Правый фланг потеснен, и противник вот-вот окажется у нас в тылу. Вопреки нашим с вами предположениям немцы не ослабляют, а наращивают силу ударов. По данным разведки, против бригады развертывается свежая танковая дивизия. Мы же потеряли половину орудий, — комбриг кивнул в сторону Дорошенко, — половину, если не больше, личного состава, две трети приданных нам танков. Если бригаду не отвести сейчас, к вечеру она будет окружена и уничтожена.

— Товарищ полковник, как начальник штаба, я не согласен с вашим решением. — Голос мой звенел от напряжения. — Бригада держит фронт, отбивает атаки, на правом фланге подразделения четвертого батальона под командованием майора Белянкина пытаются не допустить проникновения гитлеровцев в наш тыл, и я уверен — не допустят. Штаб армии знает о вашем решении?

— Вероятно. Я передал шифровку по радио.

— Должен предупредить вас, товарищ полковник: если бригада начнет отход, я выпущен буду через вашу голову довести свое мнение до командующего армией.

Юдкевич пожал плечами.

— Это ваше право.

— Разрешите идти?

— Идите.

Я повернулся подчеркнуто четко и вышел. И только тут почувствовал, что весь мокрый, что рубашка так облепила тело, словно завернули меня в мокрую простыню. Впервые за тринадцать лет военной службы я высказал вслух официально, да еще в присутствии других командиров, несогласие с решением своего начальника. Непросто мне это далось — сразу усох, наверное, килограмм

ма на два. Но не раскаивался. Не мог я за здорово живешь отдать врагу землю, за которую сложили головы сотни бойцов и командиров, за которую погибли Онищенко, мои первые знакомцы по бригаде Гуляев и Рыбкин.

Однако некогда было заниматься переживаниями — на левом фланге опять поднялась стрельба, загремели пушки, забухали взрывы. Я поспешил в штаб.

Поле боя на левом фланге заволочло дымом. В короткие промежутки между грохотом орудий слышался треск пулеметов, далекое протяжное «...а-а-а!».

Видимо, Фельдман контратаковал. Молодец! На такого можно положиться. Минут через десять позвонил начальник штаба 1-го батальона.

— Товарищ майор, капитан Фельдман убит, командование батальоном принял на себя старший политрук Богорад.

Ну вот, и Фельдман сложил голову за эту перепаханную снарядами и бомбами землю. Скромный и мужественный человек. Очень он мне был по душе...

Захватив с собою двух старших лейтенантов — работников штаба, я вскочил в машину, и мы погнали в 1-й батальон. Богорада я знал как отличного политработника, но каков он в роли комбата? Однако увидеть Богорада в этой роли мне не пришлось. Начальник штаба батальона доложил:

— Товарищ майор, атака отбита, шестая по счету. Богорад в самом начале боя был тяжело ранен и отправлен в медсанбат. Командование батальоном принял командир третьей роты старший лейтенант Иринархов, но во время контратаки перед траншеей противника его окружили немцы. Патроны в диске автомата у старшего лейтенанта кончились, и он, подпустив гитлеровцев совсем близко, швырнул в них гранату. Десяток фрицев уложил, но и сам тоже...

Веселый румяный крепыш Иринархов... Значит, и тебя уже нет в живых...

— Траншею взяли?

— Да. Пока держим. Трудновато. Командиры рот кто убит, кто ранен. Взводные командуют...

— Как погиб Фельдман?

— Поднял людей в контратаку, а тут на него — танк. Он швырнул под гусеницу гранату, но его из танка пулемет срезал. Упал капитан, а танк на одной гусенице еще

вперед прокатился, наехал на него... Так он под танком...

Близкий разрыв снаряда заглушил его слова. Все инстинктивно пригнулись. Второй раз за этот день я получил земляным комком по спине. А оранжевые вспышки взрывов уже мелькали там и тут. Посмотрел в бинокль в сторону захваченной траншеи противника — на нее шли танки, за ними пехота.

— Товарищ майор, вас вызывает командир бригады, — протягивая мне трубку, крикнул телефонист.

— Майор Мошляк слушает!

— Приказываю срочно прибыть на мой НП.

— Нельзя ли повременить? Танки и пехота противника контратакуют первый батальон. Комбат Фельдман убит, комиссар ранен, буду принимать меры.

— Пусть командование примет начальник штаба батальона, а вы — немедленно ко мне.

Комбриг дал отбой. Я приказал принять командование батальоном начальнику штаба.

— Будьте достойны погибшего командира — стойте на смерть, — коротко сказал я. — Товарищи Капустин и Орлов, — я взглядом показал на прибывших со мною старших лейтенантов, — остаются в вашем распоряжении.

Через полчаса я был на НП, но Юдкевича там не застал. Встретил меня Белянкин. На груди его покоилась забинтованная левая рука. Немецкий автомат «шмайссер» болтался на правом плече.

На мой вопрос, куда девался командир бригады и зачем он меня срочно вызвал, Белянкин ответил, что в мое отсутствие прибыл уполномоченный Военного совета армии, чтобы выяснить, во-первых, почему бригада не сумела добраться к Болхову, а во-вторых, что побудило командира принять решение об отходе бригады. Ответы комбрига уполномоченного не удовлетворили, и он попросил пригласить начальника штаба. Но потом ему позвонили из штаба армии, и он вместе с Юдкевичем отбыл в своей машине.

— Взял высоту? — спросил я.

Белянкин шумно выдохнул воздух.

— Ясно, взял, а то бы не сидел тут с тобой. — Усмехнулся: — Это ты мне подослал Шмакова?

— Какого Шмакова? — Я ничего не понимал.

— Ну, боец, пожилой такой, в помятой каске...

— А! Он меня от «юнкеров» в своем окопчике спрятал. Правильно, я его к тебе послал.

— Он так и доложил: «Товарищ майор, по приказанию товарища майора красноармеец Шмаков прибыл в ваше распоряжение».

— И что же он?

— Шустрый оказался мужичок. Фашисты на склоне высоты между валунами пулемет поставили — ну, шагу не дает ступить. Гляжу, мой Шмаков берет булыжник повесистее — и швырь его далеко в сторону. Булыжник катится по траве, трава шевелится. Немцы как вдарят туда — земля фонтаном полетела. А Шмаков уже на полпути к пулемету и второй булыжник тем же манером кидает. Фрицы лупят по пустому месту почем зря. Шмаков уже около валунов. И так аккуратненько кинул за валуны гранатку, что от пулемета вместе с расчетом и мокрого места не осталось.

— А сам?..

— Ничего, дальше пошел, в рукопашной отлично орудовал. Потом потолковал я с ним — охотник, сибиряк. Я его к медали «За отвагу» представил. Слушай, — не переводя духа, продолжал Белянкин, — сверни мне сигарку, одной рукой еще не научился. — Он подал мне кисет, обрывок газеты. Я неумело — сам не курил — свернул ему сигарку, дал прикурить.

— Сильно ранило? — Я показал взглядом на забинтованную руку.

— Ну, какая это рана, — блаженствуя в клубах табачного дыма, усмехнулся Белянкин. — Вот в детстве я с разбегу на борону упал, а борона лежала кверху зубьями — вот это были раны, как будто в меня вот из этой штуки, — он тряхнул плечом, на котором висел немецкий автомат, — в упор очередь выпустили...

— Брось ты это оружие, Михаил Васильевич, — сказал я. — Толку от него чуть.

— Легко сказать «брось». А что получу взамен?

— Вот. — Я снял с плеча автомат ППШ. — И бой сильнее и очередь длиннее.

— Ну, спасибо, Иван Никонович, уважил. — Белянкин, улыбаясь, погладил блестящее цевье, приклад, диск.

В это время из соседнего помещения вышел сержант-радист.

— Товарищ майор, — обратился он ко мне, — вам шифровка из штаба армии.

Я взял расшифрованный текст: «Подполковнику Мошляку...»

— Товарищ сержант, — строго сказал я, — вы что-то напутали. Я майор, а здесь «подполковник».

Сержант заулыбался.

— Все точно, товарищ майор, то есть товарищ полковник... Что передали, то я и расшифровал...

Уже понимая, что сержант не ошибся, я быстро пробежал глазами текст.

Командующий армией приказывал мне с 18 часов вступить в командование 106-й стрелковой бригадой.

Не в силах что-либо сказать, я протянул радиogramму Белянкину.

Он прочитал и заулыбался точно так же, как сержант-радист.

— Поздравляю, Иван Никонович! — Он обнял меня, хлопнул по спине. — Тяжела, конечно, шапка Мономаха, но выдюжишь. — Он закинул на плечо ППШ. — Ладно, я пойду, у тебя сейчас работы сверх головы...

— Стоп! — Я загородил выход из блиндажа. — Властью командира бригады я вам, товарищ начальник политотдела, категорически запрещаю ходить в атаку без крайней на то необходимости.

— Ну, не ожидал от тебя, — проворчал Белянкин. — Две минуты без пяти секунд, как стал комбригом, и уже власть показываешь...

— Я серьезно, Михаил Васильевич. Не заставляй меня прибегать к крайним мерам. Кстати, политработа заущена, бойцы дня четыре газет не видели, не знают положение на фронтах...

— Ясно, товарищ подполковник. Вот это деловой разговор, все будет исправлено, — сказал Белянкин.

На КП поминутно звонили телефоны, комбаты докладывали о положении на своих участках. Отбил очередную, седьмую, атаку 1-й батальон. Постарался арtdивизион Васлыка, который я направил для поддержки левого фланга. Комбаты Слюсаренко и Бардин доложили, что на их участках атаки затихают.

Мне не давала покоя мысль о свежей танковой дивизии, которую противник якобы развертывает против нас. Вызвал заместителя начальника штаба по разведке.

— Из каких источников известно, что немцы выдвигают против бригады свежую танковую дивизию?

— Это данные агентурной разведки.

— Штаб армии в курсе?

— Да.

— Сегодня же ночью организуйте поиск. К утру доставьте «языка», чем раньше, тем лучше, и предпочтительно штабного офицера.

— Постараемся, товарищ подполковник.

Откуда он успел узнать, что мне присвоено очередное звание? На петлицах-то у меня все еще две шпалы. Впрочем, на то он и разведчик, чтобы все узнавать раньше других.

День был на исходе. Опускались сумерки. Ординарец включил электрическую лампочку, питавшуюся от аккумулятора. Пришел Дорошенко.

— Поздравляю, Иван Никонович, с повышением. От своего телефониста узнал. Солдатский телеграф работает безотказно. — Он сел на топчан, устало ссутулился, опустив тяжелые руки между колен. Ни дать ни взять — крестьянин, вдоволь намаевшийся на пахоте. — Можно вроде бы и отдохнуть, подвести итоги. У фрицев сейчас по расписанию ужин и сон...

Только он успел произнести эти слова, как залп необыкновенной силы потряс стены блиндажа. С Дорошенко всю усталость будто рукой сняло.

— Эх, сглазил! — с досадой сказал он.

Задребезжал телсфон. Докладывал Бисяриш — теперь он стал начальником штаба бригады.

— Иван Никонович, противник обстреливает наши боевые порядки. Огонь ведут не менее ста орудий. Наибольшая интенсивность огня на участке третьего батальона...

— Ясно! — Я положил трубку и обратился к Дорошенко: — Немедленно все уцелевшие орудия — на участок третьего батальона.

— Открою другие участки, — засомневался майор.

— Третий батальон ослаблен больше всех, без мощной артиллерийской поддержки не выстоит. Другие участки в случае чего прикроет дивизион Баслыка. Сейчас прошу поддержки у штаба армии.

— Хорошо. Разрешите выполнять?

— Действуйте. — Дорошенко вышел. — Соедините меня со штабом армии, — приказал я телефонисту.

Услышал в трубке знакомый рокочущий бас командарма:

— Слушаю, комбриг. Что у вас?

Я доложил обстановку.

— Эге, значит, немцы решили воевать и ночью.

По голосу командующего я чувствовал, что он говорит с улыбкой. С чего бы это? Меня обескуражил шуточный тон командарма. До шуток ли тут, когда вот-вот на бригаду ринется целая танковая дивизия, а это сотня танков!..

Я высказал командующему свои опасения и попросил пополнить нашу противотанковую артиллерию хотя бы еще одним дивизионом, а для поддержки контратак дать танковый батальон.

— Хитрец вы, Иван Никонович, — сказал генерал, — знаете, что молодым командирам не принято отказывать в помощи. Не будем нарушать традицию — к утру получите артиллерийскую поддержку и десять танков. А пока обходитесь маневрированием по фронту. И не нервничайте. Вряд ли противник на ночь глядя бросит в атаку танковую дивизию. Не выгодно ему. В темноте танки окажутся на положении слепых кутят. Ну, желаю успеха!

Только положил трубку, зазуммерил другой телефон. Дорошенко доложил, что пушки заняли огневые позиции на участке 3-го батальона. А еще через несколько минут комбат 3 старший политрук Слюсаренко сообщил: противник атакует. У меня словно гора свалилась с плеч — правильно определил направление главного удара, теперь есть чем встретить фашистов.

Совсем стемнело, когда я узнал, что атака отбита. На поле боя воцарилась тишина. Вышел из блиндажа. Ночь звездная, безлунная. Белесая лента Млечного Пути надвое разделила черный полог неба. Передний край противника обозначался, как всегда, взлетающими ракетами. Временами то там, то тут стучал пулемет и нити трассирующих пуль прошивали ничейное пространство.

На сегодня, кажется, выдохся противник, можно и отдохнуть. Оставив на НП дежурного, я отправился в свой блиндаж соснуть. Снял пропыленную верхнюю одежду, лег на топчан, но сон почему-то не шел. Сегодня я принял бригаду, получил очередное звание. Как тут не радоваться и не волноваться! Я человек военный, и для меня, как для всякого военного, присвоение очередного звания, назначение на более высокую должность есть знак доверия начальников, признание за тобой определенных заслуг. Но ответственность... Ее нелегкий груз, который я уже ощущал на своих плечах, сводил на нет все приятные эмоции, связанные с повышением.

Не шел из головы полковник Юдкевич. Я подумал, что так до сих пор и не понял этого человека. Много в нем было для меня загадкой. В тылу и потом, в первый день боя, когда бригада продвигалась вперед, пытаюсь прорваться к Болхову, он был энергичен, деятелен, требователен к подчиненным. Но наступление захлебнулось, бригада перешла к обороне, гитлеровцы навалились большими силами, потери в батальонах росли, с утра до вечера над боевыми порядками висели «юнкерсы». В этой обстановке прежде всего приходилось думать о том, чтобы как-то продержаться, не допустить прорыва противника. И тут Юдкевич неузнаваемо изменился. Появилась в нем какая-то вялость, будто он перенес тяжелую болезнь. Отчего это? Ведь в создавшейся обстановке важно было отбить все атаки противника, не допустить прорыва фронта. Но этого, видно, не смог понять командир бригады...

В шесть часов утра, как я просил, меня разбудил ординарец. Застегивая перед зеркалом гимнастерку, я заметил, что в петлицах прибавилось по шпале.

— Подхалим ты, Федор, стараешься угодить начальству, шпалы успел прикрепить, — пытаюсь сдержать улыбку, сказал я своему ординарцу, двадцатипятилетнему парню, до войны работавшему счетоводом в бухгалтерии одного из новосибирских заводов.

— Не имею такой привычки — подхалимствовать, — с достоинством отозвался Федор. — Только на военной службе меня учили соблюдать форму. А несоответствие знаков различия званию есть несоблюдение формы.

— А ты не пугай, не пугай, еще не старшина, — отшутился я. — Лучше дай умыться.

А все же было приятно, что петлицы «потяжелели» на одну шпалу.

На КП меня поджидал заместитель начальника штаба по разведке. Ничего утешительного он мне не сообщил. Пройти в тыл врага разведчикам не удалось, взяли ефрейтора из боевого охранения. На допросе тот показал, что, судя по шуму моторов, танков в тылу много, но, сколько их, к какой части принадлежат, ему было неизвестно. Оно и понятно: что может знать пехотный ефрейтор с передовой линии, кроме своего окопа?

Представились командиры артиллерийского дивизиона и танкового батальона, прибывшие, как и обещал командующий, к утру. Я направил их к Бисярину, он указал им место дислокации.

Ровно в восемь часов утра над позициями бригады появились «лаптежники», загремели выстрелы зениток, забухали разрывы бомб, затем, как и в предыдущие дни, двинулась в атаку лавина танков в сопровождении пехоты. Теперь главный удар приходился по центру, в стык 2-го и 3-го батальонов. Всего на нас шло около полусотни танков в сопровождении двух полков пехоты. Это были, по-видимому, ударные силы танковой дивизии. Но теперь на сердце не было той лихорадочной тревоги, какую я испытывал в первые дни сражения. Хотя подразделения бригады заметно поредели, зато каждый из оставшихся в строю бойцов стоил трех необстрелянных новичков. В подразделениях было достаточное количество гранат и бутылок с горючей смесью, пулеметов, минометов, боеприпасов к ним. Главное направление удара противника я прикрыл противотанковыми орудиями, дивизиону Баслыка поставил задачу отсечь пехоту от танков.

Первая атака оказалась самой яростной. Два десятка танков прорвались через боевые порядки 2-го и 3-го батальонов. Артиллеристы и петеэровцы расстреливали их в упор, но и сами погибали. Поднявшаяся в атаку немецкая пехота ворвалась в траншеи, завязался ожесточенный рукопашный бой.

Баслык выдвинул одну из батарей на прямую наводку. Она расстреляла шесть танков, но вскоре вражеские самолеты подавили ее. Гул танковых моторов слышался уже неподалеку от моего НП. Адъютант доложил, что два танка находятся в пятистах метрах от нас и на полной скорости мчатся по направлению к наблюдательному пункту. Все, кто был на НП, разобрали гранаты и заняли места в траншее, выкопанной неподалеку. Танки, стреляя на ходу, приближались к нам. Снаряды рвались в десяти — двадцати метрах. И вдруг — едва слышный хлопок противотанкового ружья. Один танк задымил и остановился. Второй хлопок — задымил другой танк. Из верхнего и нижнего люков стали выскакивать гитлеровцы. Пулеметчик из комендантского взвода срезал их меткими очередями. Из окопчика метрах в двухстах от нас поднялись двое бойцов с противотанковым ружьем и побежали к НП. Мы с адъютантом, лейтенантом Морозовым, остановили их.

— Вы подбили танки? — спросил я.

— Так точно, мы, товарищ подполковник.

— Молодцы! А почему оставили позицию?

Старший из бронбойщиков, боец лет тридцати, высокий и загорелый до черноты, переведя дыхание, сказал:
— Патроны кончились, товарищ подполковник. Мы ведь эти танки двумя последними подбили. Хотели вот пополниться, да разве сейчас пункт боепитания найдешь...

— Достаньте им два комплекта патронов, — приказал я Морозову, кивнул бойцам: — Марш за лейтенантом. — Но тотчас спохватился: — Фамилии?

— Малахов! — откликнулся старший.

Фамилию второго я не расслышал — неподалеку разорвался снаряд...

Поле боя было сплошь затянуто дымом. Что там происходило, я не знал. Вернулся на НП, позвонил Слюсаренко — не отвечает, Бардин — тоже. Послал связистов на линию. Но тут явился связной от Бардина, передал донесение: с помощью подоспевшей резервной роты и танков немцы выбиты из наших траншей. Через полчаса была восстановлена связь с 3-м батальоном. Слюсаренко сообщил, что атака отбита, перед фронтом батальона легло не меньше двух сотен фашистов.

До вечера гитлеровцы предприняли еще две атаки меньшими силами. По-видимому, немецкое командование предполагало, что их первая массированная атака, хотя она и была отбита, обескровила бригаду. Да, бригада понесла немалые потери и все же стояла как вкопанная. Когда над полем рассеялся дым, я насчитал до двадцати сгоревших танков. За один день потерять четвертую часть дивизии — такое должно охладить даже самые горячие генеральские головы.

В последующие дни атаки продолжались. Но преодолеть оборону бригады противнику так и не удалось.

До начала ноября бригада удерживала занимаемые позиции. В ноябре командование вывело ее в резерв Воронежского фронта для отдыха и пополнения.

БРОСОК ЧЕРЕЗ ДНЕПР

В тот ноябрьский день 1942 года, когда стало известно, что наступающие войска Донского и Сталинградского фронтов встретились в районе Калача, замкнув кольцо окружения, в котором очутились 22 немецкие дивизии во главе с фельдмаршалом Паулюсом, начальник политотдела бригады Белянкин организовал митинг.

— Труженики тыла и мы с вами, солдаты фронта, — говорил он, — сил своих не жалели, чтобы сделать Красную Армию сильнее армии Гитлера. И вот мы достигли своей цели: Красная Армия бьет фашистов. Товарищи! Приспело время гнать гитлеровскую нечисть с советской земли, освободить советских людей и народы Европы из-под ига оккупантов.

И вспомнился мне наш с Белянкиным разговор в начале июля. «Не приспело еще время для больших наступлений», — сказал он тогда. Теперь это время пришло. Наша армия научилась взламывать самую прочную оборону противника, вводить в прорыв подвижные соединения, бить врага и в хвост и в гриву, не давая ему опомниться. Да, настало время для грандиозных наступлений. И все мы чувствовали гордость за свою армию, за народ, который создал и вооружил ее.

Бригада пополнялась техникой, оружием, людьми. В основном это были молодые парни 1924—1925 годов рождения, прошедшие короткую подготовку в запасных полках и не нюхавшие пороху. Их еще предстояло учить да учить, а опытных младших командиров не хватало.

Как-то проезжали мы с Белянкиным мимо плаца, на котором рота новобранцев занималась отработкой приемов штыкового боя. Молодой боец, мальчишка лет восемна-

дцати, остановился перед соломенным чучелом и ткнул в него штыком. Да так неумело, слегка.

— М-да, орлы, — буркнул себе под нос Белянкин.

Я велел шоферу остановить машину, вышел.

— Смир-рно-о! — с усердием бывалого строевика командовал проводивший занятия старшина.

— Отставить! — сердито бросил я.

По личному опыту, приобретенному на Хасане, я знал, что в рукопашном бою понадобится прежде всего отличное владение штыком. Когда перед тобой вражеский солдат, готовый нанести удар, некогда раздумывать, как провести прием. Все приемы должны быть отработаны до автоматизма, проводиться решительно и напористо.

Я взял из рук бойца винтовку.

— Кто это научил вас так вежливо колоть? Где ваша ярость, ваш натиск? Перед вами же фашист! Пока вы дотягиваетесь до него штыком, он из вас успеет решето сделать. Вот смотрите.

Я встаю в позицию. Передо мною три чучела. Белянкин в сторонке с заинтересованной улыбкой наблюдает за мной. Не бойся, не осрамлюсь...

Раз, два, три!.. Мгновенно одно за другим пронзаю два чучела, бью прикладом по третьему.

— Поняли? — спрашиваю бойца.

Тот изумленно качает головой.

— Нет, товарищ полковник (недавно я получил звание полковника). Это же прямо... невозможно так...

Слова бойца рота встретила взрывом хохота.

— Отставить смех! — прикрикнул я и обратился к старшине: — Учить только так. Заниматься отработкой штыкового боя и в часы самоподготовки. Через неделю проверю лично.

— Да, Никонович, — сказал со смехом Белянкин, когда мы опять уселись в машину, — не позавидую я тем фрицам, которые угодят тебе под горячую руку.

Увидев, что я хмурюсь, утешил:

— А эти ребята научатся. Помнишь, какую застал бригаду в Павлове в сорок первом? А как показала себя в боях? Научатся и эти.

Прав был Белянкин. Через неделю я наведалься в ту же роту и не узнал своих новобранцев. Штыком и прикладом работали так, что залюбуешься.

...Наступил 1943 год. Красная Армия гнала немцев с Кубани, с Дона. 106-я стрелковая бригада в составе 6-й армии, которой командовал генерал-лейтенант Ф. М. Харитонов, была переброшена на Юго-Западный фронт, в район Кантемировки.

В середине января Воронежский и северное крыло Юго-Западного фронта в составе 6-й и 1-й гвардейской армий перешли в наступление.

В первый же день мы на широком фронте прорвали оборону противника. 8-я итальянская армия, стоявшая перед нами, уже потрепанная в боях на Среднем Дону, была разгромлена наголову — половина ее погибла, половина попала в плен, спастись удалось только отдельным частям корпуса альпийских стрелков. За десять дней мы продвинулись километров на 125 и заняли оборону севернее Сватова. Невиданные темпы наступления воодушевляли бойцов и командиров, настроение у всех было приподнятое, все рвались в бой. В освобожденных селах парни призывного возраста осаждали штабы частей, просили взять их в армию. Мы в таких просьбах не отказывали, поэтому через десять дней наступления бригада была такой же полнокровной, как и в его начале.

В обороне мы не засиделись. Еще не успели подтянуться тылы, как утром 29 января 6-я армия вновь нанесла удар по противнику и прорвала его фронт. Цель наступления — освобождение Донбасса.

На левом фланге у нас действовала введенная в прорыв подвижная группа фронта под командованием генерал-лейтенанта М. М. Попова. В группу входило четыре танковых корпуса, правда, боевых машин в них не набралось бы и на одну укомплектованную по штату дивизию. Тем не менее войска фронта стремительно продвигались вперед. Из-за начавшейся распутицы отстали тылы, но нас это мало тревожило. Всеми владело одно желание — вперед! Мы не встречали заранее подготовленных оборонительных рубежей, противник бежал. Казалось, он отойдет за Днепр. Однако мы ошиблись в своих расчетах. Немцы не собирались без боя уступать нам Левобережную Украину. Южнее, в районе Гуляйполя и Владимировки, и севернее, в районе Краснограда, гитлеровцы сосредоточили ударные группы из отборных эсэсовских танковых и моторизованных дивизий. Над 6-й, 1-й гвардейской армиями и подвижной группой генерал-лейтенанта М. М. Попова, устремившейся на юг, в самое сердце Донбасса, на-

висла угроза с флангов. Но узнали мы об этом слишком поздно.

За три недели наступления бригада продвинулась на 250 километров и достигла северных окраин Днепропетровска. Здесь она натолкнулась на прочную оборону противника и остановилась. Мы не могли наступать дальше, потому что полностью оторвались от баз снабжения.

А в тылу у нас уже шли ожесточенные бои. 19 февраля танковый корпус СС нанес удар из-под Краснограда по правому флангу 6-й армии. Через три дня из района Гуляйполя перешел в наступление 48-й танковый корпус, а из района Владимировки — ударная группа 1-й танковой армии противника. Основная часть войск фронта успела вовремя отойти, а 106-я бригада — около шести тысяч человек — оказалась в окружении.

Помню хату в селе Магдалиновка, неподалеку от северной окраины Днепропетровска. Собрались мы на совет: я, Белянкин, начальник штаба Бисярин, офицеры штаба. Вопрос стоял один: как выходить из окружения?

Разные высказывались мнения. Одни считали, что надо занять круговую оборону и дожидаться подхода наших войск, которые не сегодня-завтра расколотят противника и прорвут внешнее кольцо окружения. Другие предлагали разделить бригаду на мелкие группы, которым-де легче будет незамеченными выйти из окружения.

Белянкин сказал:

— А с чего это вы решили, товарищи, что мы должны прятаться от противника? Мы боевая, сильная воинская часть. Наша задача не прятаться от гитлеровцев, а бить их. Не мы их, а они нас должны бояться. Считаю, что бригада должна выходить из окружения целиком, со всею техникой и вооружением.

Я был полностью согласен с Михаилом Васильевичем. Так и решили — пробиваться к фронту всей бригадой.

Вечером, оставив прикрытие, мы начали отходить на северо-восток. Из-за распутицы двигались не так быстро, как хотелось бы, но плохая погода и помогала нам: низкая облачность сковала действия немецкой авиации. Целый месяц двигались мы по тылам врага, нанося внезапные удары по его гарнизонам в населенных пунктах, встречавшихся нам на пути. С боями бригада прошла через Перещепино, Сахновщину, Краснопольское, Кочичевку, Алексеевское. Конечно, навалились на нас фашисты крупными силами — пришлось бы нам туго. Но немецкому коман-

дованию было не до нас: все его усилия направлялись на то, чтобы стабилизировать фронт. К тому же основные ударные группировки противника рвались к Харькову с целью в дальнейшем развернуть наступление на Курск.

В марте бригада прорвалась через фронт южнее Чугуева, в районе сел Гнелицы и Коробочкино, где сосредоточились вышедшие из окружения под Мерефой части 62-й гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии. Бригада вышла в составе 5500 человек, к тому же у нас имелось 127 рапных (сам я также был ранен в одном из боев). Мы почти полностью сохранили материальную часть, технику и вооружение.

Командующий 6-й армией генерал-лейтенант Ф. М. Харитонов и командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник Н. Ф. Ватутин поблагодарили меня и Белякина за то, что мы вывели бригаду из окружения, полностью сохранив ее боеспособность и при этом нанеся противнику значительный урон. Затем 106-ю стрелковую бригаду отвели в район Купянска на отдых. И хотя теперь мы стояли в полусотне километров от фронта, солдаты и офицеры все еще находились под впечатлением недавних боев, вспоминали различные боевые эпизоды, относящиеся ко времени рейда по вражеским тылам.

На исходе был март 1943 года. Мы по-прежнему стояли в районе Купянска. Штаб бригады занимал здание школы.

Я работал в своем кабинете, когда вошел адъютант Морозов и доложил, что ко мне прибыл полковник Куликов. Я попросил пригласить его. Вошел среднего роста, подтянутый полковник лет сорока пяти, представился. Мы поздоровались.

— Я к вам с предписанием из отдела кадров армии, — сказал Куликов и подал конверт.

Я прочитал предписание и глазам своим не поверил. В нем говорилось, что полковник Куликов назначен командиром 106-й стрелковой бригады. Подпись: «Генерал-лейтенант Харитонов». Вот так номер! Со мною даже не нашли нужным предварительно поговорить.

Я тотчас позвонил начальнику отдела кадров армии и спросил, как понимать прибытие полковника Куликова. В ответ услышал:

— Вам надлежит в два дня сдать сто шестую стрелковую бригаду полковнику Куликову и прибыть в распоряжение командующего армией.

Все это как-то не укладывалось в голове. Сдать бригаду, которую я формировал, с которой сроднился в боях... В течение почти полутора лет она была не только местом моей службы, она была моим домом, моей семьей. Расстаться с Белянкиным, моим лучшим другом и наставником, человеком большой души, прекрасным политработником и бесстрашным бойцом...

Однако приказ есть приказ. В течение двух дней я познакомил нового командира с подразделениями бригады, распрощался с Михаилом Васильевичем Белянкиным, с офицерами и солдатами и в сопровождении адъютанта выехал в штаб армии.

Меня принял генерал-лейтенант Ф. М. Харитонов и объявил приказ, из которого я узнал, что назначаюсь командиром 62-й гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии. Это было повышение, и я должен, казалось бы, радоваться, но, увы, я не испытывал этого чувства. Трудно расставаться с людьми, к которым прикипел сердцем. Вернули бы меня в бригаду — на крыльях бы полетел. Но ехать мне предстояло совсем в другую сторону, в штаб 62-й гвардейской дивизии, той самой, части которой, как и 106-я бригада, вышли из окружения под Гнездицами и Коробочкином.

Мне дали легковую машину, и я поехал. Адъютант Морозов задержался в штабе армии, чтобы получить все данные о дивизии.

По нынешним временам расстояние, которое мне предстояло проехать, можно покрыть за полчаса. Но в марте 1943 года фронтовые дороги восточнее Харькова не были приспособлены для такой езды. Стояла весенняя распутица. Происходила перегруппировка войск. Двигались в тыл вышедшие из окружения части. Подтягивались к фронту свежие дивизии. На дорогах то и дело возникали пробки, как мне приходилось видеть только в первые месяцы войны.

Скоро моя машина безнадежно застряла в хвосте километровой колонны грузовиков, орудий, танков и повозок. Я смекнул, что если буду держаться за штабную машину, то и за неделю не доберусь до расположения вверенной мне дивизии. Оставив машину, прошел в голову колонны. Здесь в глубокой выбоине засел грузовик, и вокруг него хлопотали два десятка солдат. Под задние скакты они подкладывали жерди и доски, но это не помогало, и рассчитывать солдатам, видимо, приходилось только на

силу своих плеч. Под дружное «Раз... два... взяли» солдаты наконец выкатили грузовик на ровный участок дороги. Я подошел к водителю, убедил его подвезти меня хотя бы до штаба корпуса. Проехали километров пятнадцать и уткнулись в очередную пробку.

Я опять прошел в голову колонны. Проехал еще несколько километров до следующей пробки. Идти по обочине в голову длиннющей колонны, месить грязь с мокрым снегом уже не было сил. В стороне от дороги на опушке рощицы у костра сидели несколько солдат. Я подошел, остановился, прислонившись к стволу березы. Никто не обратил на меня внимания. Я стоял и прислушивался к неторопливому солдатскому разговору. А был он невеселый.

— Да-а, совсем плохо с харчами стало, — сказал пожилой худощавый солдат, шуруя палкой в костре. — Распутица, будь она неладна... Который день ни хлеба, ни сухарей.

— Вчерась подвезли кухню, — хмуро отозвался другой. — Я уж и ремень ослабил: ну, думаю, нахлебаюсь вволю. Смотрю в котелок, а там крупинка за крупинкой гоняется, догнать не может. Нахлебался... вареной водички. А нынче и этого нет.

Сержант, перематывавший портянки, успокоил:

— Ничего, скоро будет. Кухня на подходе, сухари тоже везут.

— Вот ведь оно как: и Москву отстояли, и немец вроде хвост поджал, — снова заговорил пожилой солдат, — так на тебе — распутица. А на голодный желудок воевать ох как несподручно...

Что верно, то верно, это истина старая. Значит, первоочередная задача, которую я, командир дивизии, обязан решить, — наладить бесперебойное снабжение личного состава продуктами питания.

Опустились сумерки. Я начал подумывать о том, чтобы где-нибудь устроиться на ночлег. Да и поужинать не мешало бы — живот совсем подвело.

Вдоль дороги прохаживался подполковник, время от времени он внимательно поглядывал в мою сторону. Мне подумалось, что ведет он себя так, словно хочет заговорить со мною. Я не ошибся. Подполковник подошел, отдал честь.

— Прошу прощения, товарищ полковник. Ваша фамилия не Мошляк?

— Да, Мошляк.

Подполковник вытянулся по стойке «смирно», представился:

— Заместитель командира шестьдесят второй гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии по тылу подполковник Егоров.

Мы обменялись рукопожатием.

— Вы что же, искали меня?

— Я остановился здесь неподалеку, в деревне, проталкиваю транспорт. Из штаба сообщили, что новый командир дивизии, то есть вы, выехали к нам еще днем. А на дорогах сами видите, что делается... Я прошел вдоль колонны, решил: может, застряли в этой пробке. Так оно и оказалось.

Егоров предложил мне пойти вместе с ним в деревню и переночевать у него. В теплой хате я разулся, повесил к печке подмокшие шерстяные носки, поужинал, напился горячего чая. «Видно, и в 62-й дивизии хороший народ, — подумал я. — Не поленился же Егоров поискать своего командира, которого раньше в глаза не видел. И вовремя нашел...»

Пока мы сидели за столом, подполковник многое рассказал мне о дивизии, о ее боевом пути. Звание гвардейской 62-я стрелковая получила в ходе наступления на Среднем Дону в составе Воронежского фронта, орден Красного Знамени — за взятие Харькова. Но в февральском наступлении дивизии крепко не повезло. Она оказалась в окружении, был тяжело ранен и попал в плен ее командир генерал-майор Г. М. Зайцев. И сейчас еще некоторые части дивизии находились в окружении в Ахтырских лесах и продолжали с боями прорываться через фронт.

— Все, что вы рассказали, очень интересно и важно, — сказал я, когда мы уже легли спать, — но сейчас меня более всего беспокоит доставка продовольствия...

Я передал Георгию Николаевичу Егорову услышанный мною разговор солдат и поинтересовался, как в дивизии обстоит дело с обеспечением личного состава продовольствием.

— Пока имеются перебои, — вздохнул подполковник. — Принимаем все меры, но что поделаешь, если дороги раскисли, забиты войсками, машины идут черепашьям шагом. Отсюда нехватка транспорта. Я, товарищ командир дивизии, прекрасно понимаю, как важно сейчас накормить

солдат. Приложу все силы, чтобы личный состав был обеспечен продовольствием.

— Да уж, товарищ Егоров, постарайтесь, спрашивать за голодных солдат буду строго.

Он рассмеялся:

— Вот этого могли бы и не говорить, товарищ полковник. Я на фронте с первых дней войны, и, кроме как строго, с меня никто не спрашивал.

«И правда, — подумалось мне, — что это я в первый же день знакомства словно бы даю подчиненному накачку... Он, надо полагать, знает свое дело, и нечего его учить».

— Ладно, давайте спать, — сказал я. — Утро вечера мудренее.

Утром Егоров выделил мне двух лошадей, и в сопровождении сержанта я верхом добрался до штаба 62-й дивизии.

В доме, в котором расположился штаб, меня встретил высокий человек со скуластым, грубоватым лицом.

— Начальник оперативного отделения подполковник Могилевцев, — представился он.

Я снял шинель, мы присели к столу. Могилевцев разостлал карту, доложил обстановку. Части дивизии, вышедшие из окружения, уже занимали оборону на фронте в десять километров. Солдаты рыли траншеи, оборудовали позиции. Одновременно происходило доукомплектование подразделений из состава маршевых рот и батальонов, прибывавших из тыла.

Подполковник Могилевцев временно замещал тяжело раненного начальника штаба дивизии. Вскоре на должность начальника штаба был назначен майор В. З. Бисарин.

Управившись с неотложными штабными делами, наладив с помощью подполковника Г. Н. Егорова снабжение личного состава продовольствием, я отправился в части. Пора было познакомиться с командным составом, осмотреть оборону, ее инженерные сооружения.

В дивизию входили три гвардейских стрелковых полка — 182, 184 и 186-й.

Начал я знакомство со 182-го полка. Его командир полковник Григорий Сергеевич Антонов, круглолицый, крепкого сложения человек, понравился мне спокойной и уверенной манерой вести разговор. Он знал по именам и фамилиям всех офицеров и многих солдат полка и, чувствовалось, гордился своими гвардейцами.

— Хорошо воюют ребята, умело, — говорил он. — Можете быть уверены, товарищ командир, мой полк не подведет. Советую вам познакомиться с комбатами — капитанами Данько и Сентюриным. Орлы! Когда брали Харьков, Сентюрин со своим батальоном первым ворвался в город, прославил шестьдесят вторую гвардейскую. Центральная пресса о нас писала. Сам он за Харьков орден Красного Знамени получил.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что в полку служат мои знакомцы по сорок первому году. Некоторых из них я встретил тут же, в штабе. Они обступили меня, рассказали о боях под Москвой, вспомнили погибших товарищей.

Затем с командиром полка мы направились в 3-й батальон, которым командовал капитан Владимир Иванович Сентюрин. Я попросил Антонова не предупреждать комбата о нашем прибытии — хотелось посмотреть жизнь подразделения в ее повседневности, без того торопливо наведенного лоска, каким стараются иногда блеснуть перед начальством.

Батальон стоял в первом эшелоне полка. Чтобы сократить путь, мы двинулись напрямик через перелесок, пересекли неглубокий овраг и попали в густой кустарник. Я высказал опасение, не заблудились ли мы, но командир полка успокоил:

— Батальон расположен вон за той рощицей.

Миновав рощицу, увидели зигзагообразную траншею, пересекающую поле. Из нее кое-где виднелись каски солдат. На бруствере, в начале траншеи, стоял ручной пулемет.

Дежуривший у пулемета солдат, заметив нас, вытянулся и уже хотел было скомандовать «Смирно!» и отдать рапорт, но я жестом остановил его.

Пошли по траншее. Отрыта она была на совесть. Но еще не в полный профиль. Землянки для личного состава перекрыты бревнами в два наката и тщательно замаскированы. Мне понравилась основательность сооружений. Немало сюда вложено солдатского труда.

Иначе и быть не должно. Война — это не только мужество, храбрость, боевая выучка, творческая мысль военачальников, но и грандиозный труд. Миллиарды кубометров земли были переброшены солдатскими руками за время войны. И оплачивался этот грандиозный труд сохраненными жизнями. Существует ли плата выше? Каждый

командир, если он настоящий командир, чувствующий ответственность за жизнь своих подчиненных, никогда не проявит ложного милосердия по отношению к солдату и, как бы тот ни устал, заставит его зарыться в землю.

Видимо, комбат 3 был из таких.

Мы с Антоновым остановились около ближайшей землянки, вход в которую был завешен плащ-палаткой. Из землянки доносились громкие веселые голоса.

— Ну как дела, Васек? Получил от своей Маши письмо? — слышался сочный молодой баритон. — Что пишет? Смехи, брат, как бы она не того... — Слова эти были встречены дружным хохотом. Когда он затих, послышался другой голос, чуть хриловатый, возможно от простуды:

— Да что вы, товарищ капитан, она у меня не из таких. Пишет, что ждет не дождется, когда фашистов расколотим, когда домой вернусь.

— Да я шучу, Васек, шучу... Чтобы такого гвардейца-молодца да променять на какую-нибудь тыловую крысу — да ни в жизнь! Получила она мое послание о том, как ты при взятии Харькова геройствовал?

— Так точно, товарищ капитан. Вот и привет вам передает.

— Ну, спасибо. Будешь писать, передай и от меня.

Антонов кивком указал на вход в землянку, приглашая войти. Шепнул:

— Сентюрин... Он всегда с солдатами.

Мы вошли. Со света в землянке показалось темновато. В ней было накурено и тесно. Человек десять бойцов расположились на нарах, в центре сидел молодой капитан, большелобый и широкогрудый, светлый шатен с удлинеными синими глазами, которые он чуть щурил, будто прицеливался. «Красавец парень», — невольно подумал я.

Увидев нас, капитан вскочил (ростом он оказался под потолок, и ему пришлось ссутулиться, чтобы не упереться головой в бревна наката), вслед за ним поднялись и солдаты. Прозвучала команда «Смирно!».

— Товарищ командир дивизии, — обратился капитан ко мне, — командир третьего батальона капитан Сентюрин. Разрешите обратиться к командиру полка?

— Обращайтесь.

Сентюрин отдал Антонову рапорт и, четко повернувшись, стал в сторону, как бы приглашая нас пройти в глубину землянки, к нарам.

Мы сели, я знаком показал, чтобы сели и остальные. Стоять остался один комбат. Я оглядел солдат и, желая снять напряженность, которая всегда возникает в присутствии начальства, спросил:

— Кто же тут Васек?

Лицо Сентюрина порозовело: понял капитан, что мы слышали его шуточный разговор с солдатами.

Встал среднего роста боец лет двадцати пяти. На груди медаль «За отвагу», орден Славы III степени, желтая нашивка за ранение.

— Я, товарищ полковник. Рядовой Петров Василий Васильевич.

— Да вы сядьте, сядьте. Может, расскажете, Василий Васильевич, как действовали при взятии Харькова?

Боец замялся.

— Да я... не знаю... Пустяки, товарищ полковник.

— Он у нас, товарищ полковник, скромный, — послышался из темного угла чей-то бойкий голос. — Он только перед фрицами нахальный...

Бойцы заулыбались. Выручил Петрова комбат.

— Товарищ командир дивизии, рядовой Петров лично уничтожил десять гитлеровцев, взял в плен офицера.

— Рад иметь в дивизии таких бойцов, — сказал я.

Посидев, поговорив с солдатами, теперь уже в сопровождении командира батальона, отправились дальше.

В тот же день мы с Антоновым побывали во 2-м батальоне, которым командовал капитан Данько. Черноволосый украинец с бархатными выразительными глазами и соболиными бровями вразлет, Данько был из тех, кто приковывает взгляды девушек.

— Где вы набрали таких красавцев комбатов — один к одному? — шуточно заметил я Антонову. — Их к медсанбату близко подпускать нельзя.

— Насчет этого они, товарищ командир дивизии, скромники. Ну а насчет остального хваты. Оба вояки храбрые, командиры отличные. Мне с обоими действительно повезло.

В последующие дни я посетил 184-й полк, которым командовал подполковник Петр Степанович Луценко, и 186-й полк подполковника Петра Алексеевича Диденко. То, что дивизия была потрепана в окружении, потеряла командира, позволяло предположить некоторый упадок духа у личного состава, но мои беседы с рядовыми и

сержантами показали обратное. Настроение у всех было боевое, бодрое, солдаты сознавали свою силу и готовились громить фашистов. Хорошее настроение сказывалось и в той домовитости, с какою был оборудован передний край. Большой умелец наш солдат. Из ничего он сделает умывальник, печурку, баню, сушилку для портянок. Обязательно выберет подходящее место, где можно собраться с товарищами, покурить, поговорить о доме, близких людях, рассказать смешную байку.

Совершенствуя оборону, мы не забывали и о политико-воспитательной работе. Начальник политотдела дивизии подполковник Алексей Максимович Санин и коллектив агитаторов все время находились в гуще солдат, неустанно разъясняли стоявшие перед дивизией задачи. Дивизионная газета, которой руководил редактор майор Баранов, а также боевые листки воспитывали воинов на примерах мужества и отваги.

Вместе с тем на ежедневных занятиях солдаты совершенствовались свое воинское мастерство. Одну из главных задач, как и при формировании 106-й стрелковой бригады, я видел в том, чтобы устранить танкобоязнь, особенно у молодых солдат.

Мы уже знали, что в предстоящих боях придется встретиться с новыми тяжелыми немецкими танками «тигр» и «пантера». Требовалось убедить бойцов в том, что «тигры» и «пантеры» не страшны для умелых и отважных.

Еще в ходе Сталинградской битвы нашим воинам удалось захватить один из образцов этого танка. В соответствии с его тактико-техническими данными и готовились мы к борьбе с ним.

Полковник Антонов приступил к проведению батальонных тактических учений. Одна из главных тем — отражение танковой контратаки противника. Для отработки методики борьбы с танками нам выделили несколько боевых машин Т-34. Они стояли, замаскированные, на опушке леса, неподалеку от поляны, на которой Антонов проводил учения. Пока занятия шли без их участия.

После того как бойцы 3-го батальона отразили очередную контратаку «противника» и командир полка произвел разбор, слово взял я. Вышел перед шеренгой бойцов, сказал:

— На занятиях сегодня вы действовали в основном правильно. Но при встрече с настоящим танком мало уме-

ния, нужна и психологическая подготовка, уверенность в том, что траншея спасет от гусениц. Сумеете вы, например, укрыться вот здесь? — Я указал на траншею, вырытую неподалеку.

Солдаты молчали. Чувствовалось: не очень уверены, что можно уцелеть, если через траншею пройдет танк. Мною овладел задор.

— А ну, кто хочет побороться с настоящим танком?

— Разрешите мне, товарищ полковник. Рядовой Петров.

Из строя сделал шаг вперед знакомый мне солдат Васек.

— Скажите, что будете делать, когда танк пройдет над вами через траншею?

Петров доложил правильно. Я послал адъютанта к танкистам, а Петров, взяв пару учебных гранат, спрыгнул в траншею. От опушки донесся рев мотора, и один из танков, разбрасывая маскировавшие его ветви, двинулся вперед. «Да, это не фанерные макеты на полозьях», — подумалось мне. Я был уверен, что рядовой Петров сделает все, как надо, и цель моя состояла не в том, чтобы испытать бойца Петрова, а в том, чтобы его пример помог молодым, необстрелянным солдатам.

Развив хорошую скорость, танк мчался на траншею. Под ногами подрагивала земля. Петров присел. Танк надвинулся на траншею всей своей многотонной тяжестью, качнулся... Солдаты затаили дыхание. Перевалив через траншею, танк взревел, будто торжествовал победу. Но в это время поднялся целый и невредимый, хотя и осыпанный землей, Петров с гранатами в руках, метнул их одну за другой вслед удаляющейся машине. «Молодец, — подумал я, — надо поощрить. Пусть повидается со своей Машей — потом когда еще доведется...»

Петров выбрался из траншеи и занял свое место в строю. Я поблагодарил его за смелость и правильные действия и объявил, что предоставляю ему отпуск на родину.

Полковник Антонов тотчас спросил, кто еще желает пойти в траншею, — вся шеренга сделала шаг вперед.

В течение мая — июня на харьковском направлении было спокойно. Война словно бы отдалилась от нас. Лишь время от времени кое-где завязывалась ружейно-пулемет-

ная перестрелка. Изредка артиллеристы выпускали несколько снарядов, пристреливали ориентиры.

В начале июля произошла перегруппировка войск. Стало ясно — готовится большое наступление. 62-я гвардейская стрелковая дивизия, сдав свою полосу обороны частям 48-й армии, была отведена в тыл и включена в состав 37-й армии Степного фронта, которая находилась в резерве Ставки. Командовал армией генерал-лейтенант М. Н. Шарохин.

В то время как бойцы 62-й дивизии и других соединений армии приобретали навыки борьбы с танками противника, учились стремительно форсировать реки (видимо, 37-й армии предстояло вскоре преодолеть широкий водный рубеж), развернулось ожесточенное оборонительное сражение на Курской дуге, в ходе которого изматывались и обескровливались отборные пехотные и танковые дивизии гитлеровцев. После того как немецкое наступление захлебнулось, увязло в нашей глубоко эшелонированной обороне, войска Брянского, Центрального, Воронежского и Степного фронтов перешли в наступление, опрокинули врага и освободили города Харьков, Белгород, Орел, Карачев. В конце августа — начале сентября войска пяти фронтов, в том числе и Степного, нанесли по противнику ряд новых мощных ударов и, преодолевая его ожесточенное сопротивление, двинулись к Днепру. Освобождались города и села Левобережной Украины, народ которой в течение двух лет страдал под игом оккупантов.

По железной дороге 37-я армия была переброшена в Чугуев, а оттуда пешим порядком двинулась следом за частями 69-й армии, теснившей фашистов к Днепру. Двигалась 37-я армия двумя эшелонами. 62-я гвардейская стрелковая дивизия находилась в первом эшелоне. Таких стремительных маршей мне, пожалуй, ни до того, ни после не доводилось совершать. В иные дни проходили по 50—60 километров. Стояла изнуряющая жара, пыль не оседала на дорогах. Солдаты, черные то ли от загара, то ли от грязи, то ли от того и другого, походили на негров. Особенно когда улыбались. Только редко видел я улыбки. Солдаты с ног валялись от усталости. Набивали мозоли. Встречал я ребят, у которых ступни превратились в сплошной водянистый пузырь. Таких отправляли в медсанбаты. Неподалеку от Днепра дивизия начала входить в соприкосновение с заслонами противника. Мы опрокидывали эти заслоны, не замедляя темпов марша.

На марше был получен приказ командующего войсками Степного фронта И. С. Конева. Этот приказ, основываясь на опыте наступательных боев, вводил новшества в тактику. Речь шла о более гибком маневрировании огнем и пехотой, обходе высот и опорных пунктов и выходе в тыл коммуникаций врага, об организации его преследования.

Для лучшей организации преследования отходящего противника предлагалось иметь в полку, в дивизии (в зависимости от численного состава) передовые отряды из батареи пушек на механической тяге (автотягачи), батареи реактивной артиллерии, батальона пехоты на автомашинах и взвода саперов.

Всем нам, и командирам дивизий, и командирам полков, приходилось перестраиваться на ходу, отказываться от привычных методов ведения боя, уяснять выгоду, которую давали наступающим новые тактические приемы.

На совещании у командующего 37-й армией генерал-лейтенанта М. Н. Шарохина 62-я дивизия получила задачу: подойдя к Днепру, сменить части 69-й армии и с ходу форсировать реку в районе островов, западнее деревни Солошино. На время форсирования и боев за плацдарм на правом берегу дивизия получила усиление: два истребительно-противотанковых артиллерийских полка, минометный полк и два дивизиона «катюш». Главным силам дивизии предстояло переправиться через Днепр вслед за передовыми отрядами и овладеть плацдармом в районе деревни Куцеваловка и села Мишурин Рог.

Я разделил дивизию на два эшелона. Первый составляли 182-й и 184-й полки, второй — 186-й полк. Основной удар наносился правым флангом, силами 182-го полка при поддержке пяти артиллерийских дивизионов. В полках первого эшелона было решено создать передовые отряды, обеспеченные автотранспортом.

26 сентября соединения первого эшелона 37-й армии, в том числе и 62-я гвардейская стрелковая дивизия, сменили войска 69-й армии и продолжали преследование противника. В середине дня 27 сентября передовые отряды дивизии вышли к Днепру. Закончился почти двухсоткилометровый марш через степи Левобережья, уже знакомые мне по февральскому выходу из окружения.

Я тотчас выехал в передовые отряды, чтобы уточнить боевые задачи и места форсирования.

Солдаты уже обосновались на берегу Днепра. Копали щели, чистили оружие. Касками черпали из Днепра воду и пили с таким удовольствием, будто вкуснее напитка и не пробовали.

Главный редактор нашей «дивизионки» уже выпустил и распространил среди бойцов краткие лозунги-призывы. Вот один из них:

«Дело нашей гвардейской чести — первыми форсировать Днепр!»

Гвардеец!

Ненависть к фашисту в кровь твою вьелась,
И за Днепром не быть ему живу.
Проявляй при форсировании
тройную смелость,
упорство, сообразительность, инициативу!»

Командиры передовых отрядов раздавали солдатам из штурмовых групп флажки с надписью: «Вперед, за Днепр!»

Правый берег молчал. Там затаились остатки 39-й пехотной дивизии немцев, едва-едва успевшие отойти за Днепр. Гитлеровцы надеялись отсидеться за так называемым Восточным валом. «Ничего, выкурим», — говорили бойцы.

На берегу Днепра, в окопе, сверху и с боков прикрытом плащ-палатками, для меня был оборудован командный пункт. С вечера 27 сентября я находился там неотлучно. На душе было тревожно.

Мы рассчитывали на внезапность удара. Ведь гитлеровцы предполагали, что перед ними стоят войска 69-й армии, измотанные тяжелыми наступательными боями на Левобережье и, следовательно, неспособные с ходу форсировать Днепр. О том, что наша 37-я армия вчера сменила 69-ю, они не могли знать: смена была произведена очень скрытно. Чтобы не возбудить у противника подозрений, 69-я армия оставила нам даже свои средства связи.

62-й гвардейской дивизии предстояло действовать на направлении главного удара 37-й армии. Что будет, если противник, узнав о прибытии к Днепру свежих сил, подготовится к отпору? Строя расчеты на внезапности удара, мы отказались даже от артиллерийской подготовки. А это значило, что неподдавленные огневые средства гитлеровцев

могут смести наши штурмовые группы еще на подходе к берегу...

Раздумья мой прервал звук быстрых решительных шагов. Край плащ-палатки резко откинулся, и на КП вошел командующий армией. Плотный сбитый, энергичный в движениях, генерал-лейтенант Шарохин шагнул к столу, поздоровался за руку, присел на топчан. Оглядел «фотолок» и «стены» из плащ-палаток, улыбнулся:

— Не очень-то капитально устроились, полковник.

— Задерживаться здесь не собираюсь, товарищ генерал-лейтенант.

Он испытующе взглянул на меня и сказал:

— Доложите обстановку.

Я стал докладывать. Командующий армией выслушал меня наперебивая, но, после того как я закончил доклад, забросал вопросами. Его интересовало все, что касалось предстоящего форсирования Днепра, вплоть до мелочей. Он спросил меня, например, каков способ вязки плотов, будет ли обеспечена их достаточная прочность, какой груз они смогут выдержать. Я знал эту черту генерала Шарохина — вникать в мелочи, чтобы не упустить главного. И в самом деле, в операции такого масштаба не может быть мелочей. Каждое мелкое, на первый взгляд, упущение в бою непременно обернется тяжелыми потерями.

Выяснив все, что ему требовалось, командующий познакомил меня в общих чертах с планом форсирования Днепра в масштабах фронта.

По данным разведки, немецкое командование готовилось к отражению массивного удара в каком-то одном месте, разумеется наиболее пригодном для форсирования водной преграды. На этот случай у противника имелись мобильные резервы, которые он мог быстро перебросить в район главного удара.

Советское командование решило перечеркнуть расчеты гитлеровских генералов. План наступления предусматривал нанесение удара одновременно на протяжении сотен километров, причем в местах, наименее пригодных для наведения переправ. Небольшие штурмовые группы должны были завязать бои одновременно во многих пунктах, захватить пятачки и удержать их, чтобы дать возможность навести понтонные переправы для переброски на правый берег основных сил. Перед 62-й гвардейской стояла задача форсировать Днепр в районе деревни Кудева-ловка и села Мишуриян Рог на фронте 12 километров и

захватить плацдарм на глубину до пяти километров. Несколько правее готовилась к броску через Днепр 92-я гвардейская стрелковая дивизия.

Словом, задача сводилась к тому, чтобы распылить силы противника, связать их боями, не дать немцам маневрировать резервами, пользуясь растерянностью врага, перебросить за Днепр ударные силы, танки и другую боевую технику и прорвать оборону гитлеровцев на широком фронте.

План этот был хорош, но лишь при условии полной неожиданности нашего удара для противника.

Командарм взглянул на ручные часы — было около четырех ночи.

— Начнем, пожалуй, Иван Никонович, — твердо сказал он.

— Разрешите отдать приказ?

— Действуйте.

После того как приказ о начале форсирования был передан штурмовым группам, Шарохин поднялся.

— Ну что ж, пройдем на берег. Как говорится, свой глаз — алмаз.

Мы с командармом поднялись из окопа и направились к берегу. Стояла глухая сентябрьская ночь. Под ногами сочно чавкало — мы шли по влажному лугу. Затем начались пески. Стали слышны всплески воды, приглушенные голоса, негромко отдаваемые команды. Из ночного мрака на воде начали вырисовываться темные длинные силуэты — понтоны, лодки и плоты с людьми, отходившие от берега. Начали форсирование штурмовые группы 182-го полка: 2-го батальона под командованием капитана В. И. Данько и 3-го батальона под командованием капитана В. И. Сентюрипа, — а также штурмовые группы 184-го полка: 1-го батальона под командованием капитана Б. С. Борисова и 3-го батальона под командованием майора Ф. А. Зубалова. Первая группа в количестве девяти человек взяла направление на северную оконечность островка у правого берега, вторая и четвертая — на соседний остров, третья в составе ста человек — на село Мишурин Рог.

— Молодцы, — сказал Шарохин. — При такой массе людей — и такая бесшумность.

Похвала командарма была приятна. Я почувствовал гордость за своих гвардейцев. Крепла уверенность в успехе — 62-я не подведет.

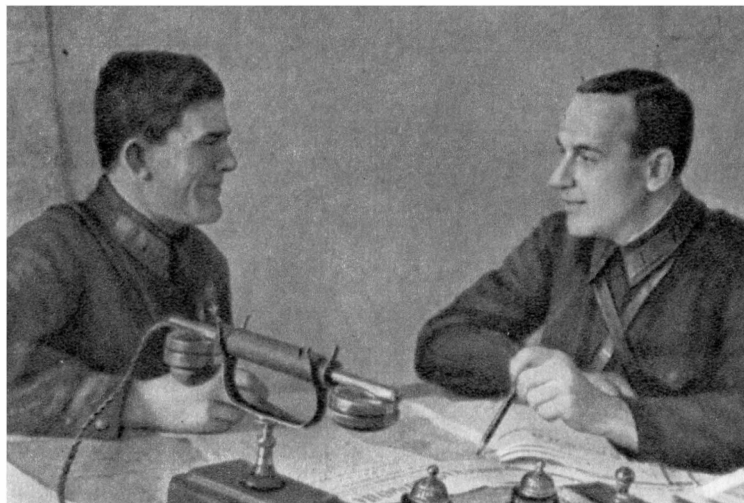

На сопке Заозерной у озера Хасан, 1938 год

П. Г. Соленов

М. И. Калинин
среди участни-
ков боев у озе-
ра Хасан

И. Н. Мошляк и М. В. Белянкин

В. И. Данько

В. И. Сентюрин
(фото послевоенных лет)

Ф. А. Зубалов

Е. Ф. Асташин

М. Д. Новиков

Г. М. Лавка

Г. Н. Егоров

П. И. Фоменко прикрепляет боевой орден на Знамя 62-й гвардейской стрелковой дивизии

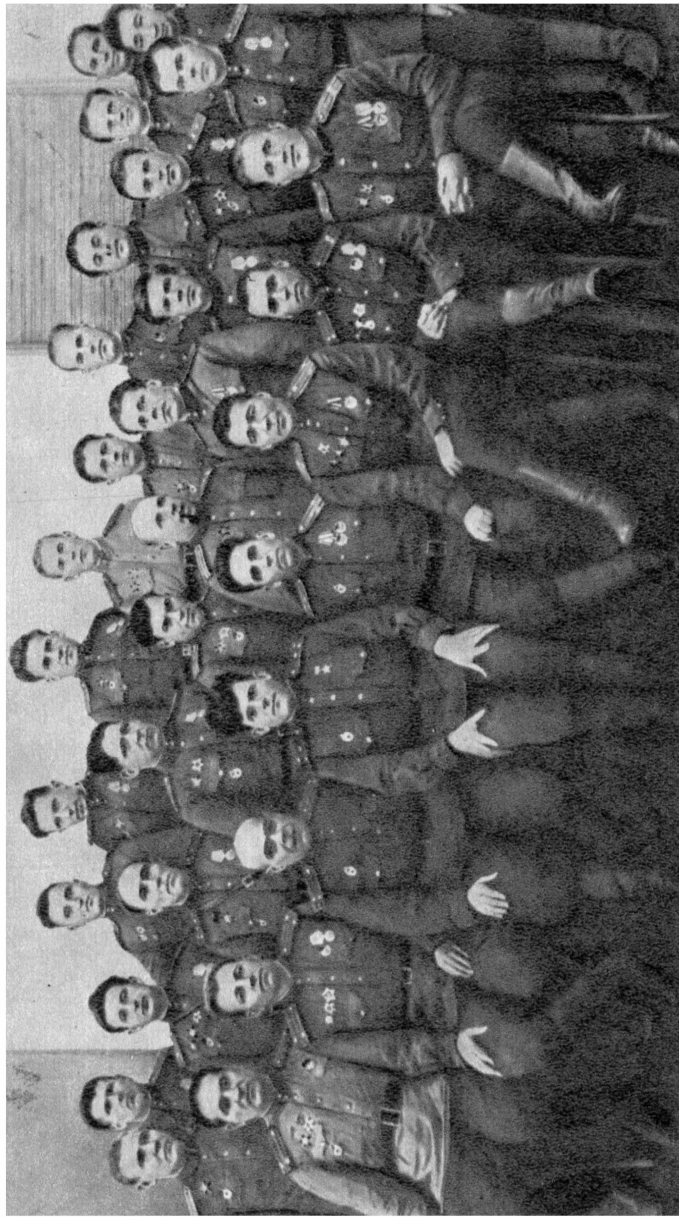

Вручение орденов и медалей личному составу дивизии

Встреча фронтовых друзей. В годы войны все они служили во 2-м стрелковом батальоне 184-го гвардейского полка. В первом ряду (слева направо): С. Е. Машин, Е. Ф. Асташин, М. А. Пупков. Во втором ряду: А. А. Мосеенков, А. Р. Емельянов

Группа командиров и политработников 62-й гвардейской стрелковой дивизии

Мы с генерал-лейтенантом подошли почти к самому урезу воды, встали под прикрытием тальниковых зарослей. У берега раз за разом всплеснулась рыба — щука, что ли, спозаранку начала охоту? В лугах плакали кулики, под кустами мопотошно шуршала днепровская вода.

Мы стояли молча, всматриваясь в смутно темневшие вдаль высокие увалы Правобережья. Место для захвата пятачков было выбрано довольно удачно — здесь правый берег изрезан оврагами, которые выходят к реке, по ним можно скрытно пробраться в глубину вражеской обороны.

Томительно тянулось время. Более всего мне сейчас хотелось быть там, на понтонах, с солдатами. Действовать, если это даже связано с опасностью для жизни, всегда легче, казалось мне, чем ждать, наблюдать за боевыми делами других. Но я командовал дивизией, а не штурмовой группой, и мой удел — пока ожидание.

Напряжение нарастало с каждой минутой. Заметит противник наши плавсредства на воде или нет? Позволит гвардейцам высадиться на правый берег без выстрела или встретит массированным огнем?

Я видел, что и командующий армией за внешней невозмутимостью прячет нарастающее волнение.

Прошло около получаса. Вдруг черпота небосклона за рекой взрезал белый след ракеты. Вторая ракета, третья... И вот уже сотни ракет взвились и повисли над рекой, осветив широкий водный простор. Блеснули красные вспышки, слышались пулеметные очереди, хлопки минометов, взрывы... Началось!

— Началось! — как бы отвечая моим мыслям, сказал Шарохин. Если судить по времени, десантам удалось подойти к берегу. Продолжайте переправу штурмовых групп, держитесь за правый берег зубами. Желаю успеха, Иван Никонович.

— Спасибо, товарищ генерал-лейтенант. Успеха и вам. Он улыбнулся.

— Ваш успех — это и есть мой успех. Вернее, наш общий успех. В семь доложите мне обстановку. Встретимся за Днпром.

Командарм подошел к вездеходу, стоявшему неподалеку от моего КП, сел в него и уехал.

Занимался рассвет. С правого берега доносился нарастающий грохот боя. Поверхность реки вздыбливалась

водяными столбами, кипела, будто подогреваемая на гигантском костре. Переправа между тем продолжалась. Первые лучи солнца осветили клубящийся взрывами правый берег. В стереотрубу мне было видно, как от прямого попадания погибла лодка с людьми, затем плот, на котором переправляли пушку-сорокапятку.

Наша дивизионная артиллерия и гвардейские минометы вели стрельбу по правому берегу, пытаясь подавить огонь противника.

— Воздух! — послышался снаружи голос наблюдателя.

Я вылез из окопа, огляделся. С низовий Днепра к месту переправы шли немецкие бомбардировщики. Насчитал двенадцать «юнкерсов». Черт возьми, где же наши истребители? Мало нам наземного огня противника, теперь посыплются бомбы. А прерывать переправу нельзя. Из-за реки поступило первое донесение: штурмовая группа Феофилакта Андреевича Зубалова выбила гитлеровцев из первой траншеи и закрепилась на берегу. Необходимо поддержать ее. И не только людьми, но и легкой артиллерией, и боеприпасами. Нельзя позволить немцам бомбить переправу. Я хотел было вернуться на КП, чтобы попросить у штаба армии воздушное прикрытие, как увидел спешащего ко мне начальника штаба армии полковника Блажей. Он торопливо поздоровался и сделал предупреждающий жест.

— Подождите с докладом, полковник. — Он взглянул в небо над переправой. Я тоже поднял голову. Ревя моторами, навстречу «юнкерсам» шла шестерка наших истребителей.

— Спасибо, Арефа Константинович! — вырвалась у меня благодарность.

— Не за что.

Над переправой разгорелся воздушный бой. Строй «юнкерсов» рассыпался. Два вражеских бомбардировщика уже падали, густо дымя.

— Вот теперь легче дышать будет, — повеселел Блажей. — Докладывайте обстановку, полковник.

Я коротко рассказал о ходе переправы и действиях штурмовых групп. Выслушав меня, Блажей прикинул в стереотрубу и долго не отрывался от нее. Вдруг земля под ногами содрогнулась от серии близких разрывов. Мы упали на дно окопа. Над нами с визгом пролетели осколки.

— Не засекали ли ваш КП? — вставая и отряхиваясь, сказал Блажей.

— Не думаю, случайность. Вы не ранены?

— Спасибо, нет.

Я подумал, что настал подходящий момент, чтобы обратиться с просьбой, которую вынашивал в душе с самого начала переправы.

— Арефа Константинович! Прошу вас, разрешите на тот берег.

— Сейчас? — удивленно поднял брови Блажей. — Ни в коем случае. Дивизия переправилась еще далеко не полностью, и присутствие комдива необходимо здесь. Ваша задача — обеспечить скорейший ввод в бой за плацдарм частей дивизии. Желаю успеха.

Полковник Блажей отбыл. Я был не согласен с его мнением, но высокому начальству возражать не приходилось.

На правом фланге, где на прибрежном острове закрепились штурмовая группа Данько, огонь заметно ослабел. Данько доносил, что выбил противника с острова, переправился через протоку и продвинулся вперед. На левом же фланге, в районе села Мишуриин Рог, гитлеровцы, видимо, усилили давление, стремясь сбросить десант в Днепр. Нет, надо срочно переправляться на правый берег. Там сейчас главный участок боя, там решается успех операции. Я должен быть на том берегу!

Но прежде следовало доложить положение дел командующему армией. Я попросил соединить меня с ним.

— Михайлов слушает, — донесся голос Шарохина. Фамилией Михайлов был закодирован командарм, я же принял кодовую фамилию Быстров.

— Товарищ Михайлов, по вашему приказанию докладывает Быстров. К шести ноль-ноль захвачен плацдарм в глубину до двух километров, по фронту — четыре километра. — Я замолчал, с волнением ожидая, какова будет реакция на мои слова.

— Отлично, товарищ Быстров, отлично! — прозвучало в трубке. — Рады успеху. Вы ведь еще что-то хотите сказать?

— Боевую задачу на данном этапе наше хозяйство выполнило.

— Но вам, конечно, ясно, что удержать плацдарм будет труднее, чем захватить его.

— Так точно. Поэтому считаю необходимым лично переправиться на пятачок.

— Ну что ж, действуйте по обстановке, вам виднее. Есть просьбы?

— Есть. Дайте еще истребителей. Противник непрерывно бомбит.

— Хорошо, что-нибудь придумаем.

В сопровождении адъютанта я направился к берегу. На лодке, что доставляла на пятачок боеприпасы, мы переплыли Днепр. Едва я выпрыгнул из лодки, навстречу мне шагнул высокий подтянутый капитан, взял под козырек:

— Товарищ командир дивизии, гвардии капитан Борисов, командир первого батальона...

— Потом, капитан. По дороге доложите, — прервал я его рапорт, поскольку время не ждало. — Ведите меня в расположение батальона.

Поднялись по крутому откосу. Над головами засвистели пули. Где перебежками, где ползком добрались до траншеи. Здесь располагался взвод, которым командовал сержант В. А. Бахарев. От капитана Борисова я узнал, что сержант принял командование на себя после того, как тяжело ранило командира взвода.

Передо мной по стойке «смирно» вытянулся парепек лет восемнадцати-девятнадцати в пропыленной гимнастерке с сержантскими погонами.

— Оп? — обернулся я к Борисову.

— Так точно, товарищ гвардии полковник.

— Вы что же, товарищ гвардии сержант, языка лишились? — сказал я, стараясь приободрить юного командира взвода. — Давай-ка, брат, присаживайся и докладывай все по порядку.

— Слушаюсь, товарищ гвардии полковник, — наконец выдал он из себя.

Тесно уселись на ящике из-под гранат, и сержант стал рассказывать...

Ночью взвод, который составлял отдельную штурмовую группу, начал форсирование Днепра. Когда плот с семнадцатью гвардейцами почти подошел к противоположному берегу, гитлеровцы осветили ракетами большой участок реки и открыли стрельбу. В считанные минуты, ведя ответный огонь, солдаты достигли берега и оказались в мертвом пространстве, недостижимые для вражеских пуль. Вскарбакались по откосу, гранатами закидали пер-

вую трапшею противника, с криком «Ура!» ринулись в нее. Гитлеровцы не выдержали стремительного натиска — побежали, а взвод занял траншею. Выбив из первой траншеи численно превосходящего противника, гвардейцы стали вести непрерывный огонь по второй траншее, давая тем самым возможность высадиться переправляющимся следом другим штурмовым группам. В это время и был ранен командир взвода.

Гитлеровцы поняли, что против них действуют малые силы, и решили вернуть траншею. Они начали скапливаться в лощине, что примыкала к траншее справа. В предрассветных сумерках были видны каски вражеских солдат, из лощины то и дело доносились автоматные очереди, пули, вздымая пыль, впивались в бруствер траншеи. В этот трудный момент сержант Бахарев и принял на себя командование взводом.

Не медля ни минуты, сержант созвал командиров отделений, изложил свой план: с одним отделением он зайдет во фланг гитлеровцам, что засели в лощине, а потом, по сигналу зеленой ракеты, будет предпринята одновременная атака всего взвода с фронта и с фланга.

Отделению удалось подобраться к противнику почти вплотную. Как только немцы начали, пригнувшись, выходить из лощины, чтобы атаковать траншею, Бахарев приказал открыть огонь. Ошеломленные гитлеровцы — большая часть их была скошена пулями — бросились прочь от лощины и залегли.

Сержант выстрелил из ракетницы. Со стороны берега послышалось нарастающее «Ура!». Немцы стали отходить. Пулеметчик с фланга продолжал вести по ним огонь. Бил с близкого расстояния, в упор. Фашисты не выдержали и беспорядочно, даже не отстреливаясь, побежали в сторону Мишурина Рога.

Взвод начал преследование. Вдруг немцы пропали из поля зрения. Стало ясно — впереди вторая траншея. Если вовремя не отойти, бойцов встретит ливень свинца. Бахарев приказал солдатам залечь, а затем, используя складки местности, отойти в первую траншею. Здесь привели себя в порядок, почистили винтовки. У многих заело затворы — кругом песок.

Гитлеровцы не оставили надежды сбросить советских солдат в Днепр и опять перешли в контратаку. Их цепи быстро накатывались на траншею. Гвардейцы встретили

контратакующих огнем. Они замедлили движение, стали продвигаться короткими перебежками, но не залегли.

Рассвело, и можно было уже различить лица вражеских солдат. Казалось, вот-вот они ворвутся в траншею. Немцам оставалось преодолеть каких-нибудь пятьдесят метров, как вдруг со стороны берега ударило сразу два ручных пулемета. Это подоспела на выручку вся рота. Плотный пулеметный огонь прижал гитлеровцев к земле, заставил отступить.

Преследуя отходившего противника, рота ворвалась во вторую траншею. Завязалась рукопашная. Длилась она считанные минуты. Враг не выдержал и побежал. Гвардейцы захватили целый склад боеприпасов, а также автоматы Т-38.

Неожиданно сзади послышалась стрельба. Оказалось, гитлеровцы, рассеянные атакой роты, опять заняли первую траншею и теперь кто-то выбивал их оттуда. Как выяснилось позже, это была группа под командованием младшего лейтенанта Соснина. Будучи контужен, младший лейтенант отказался возвращаться на левый берег. Немного оправившись, он собрал солдат с разбитых плотов и повел их наверх, к месту боя. Они-то снова и выбили немцев из первой траншеи.

Обстановка между тем продолжала оставаться напряженной. Роте приходилось удерживать плацдарм на левом фланге 184-го полка, не имея соседа слева. Таким образом, левый фланг ее оставался открытым, а это грозило неприятностями.

Через некоторое время под прикрытием артиллерийско-минометного огня немцы двинулись в очередную контратаку. Теперь они контратаковали на широком фронте. Цепи их видны были и далеко справа, где занимали позиции рота старшего лейтенанта Соболевского и штурмовая группа 3-го батальона, возглавляемая майором Зубаловым.

Около роты гитлеровцев двигались к тому участку траншеи, который оборонял взвод Бахарева. Выждав удобный момент, сержант поднял взвод в контратаку. Сошлись врукопашную. Бились штыками, прикладами. Немцы стреляли в упор из автоматов, иные дрались автоматами, как дубинками. Схватка была ожесточенной. Гитлеровцы не выдержали русской ярости, гвардейского напора — побежали. На их плечах взвод ворвался в третью

траншею. Ес-то он и удерживал теперь, находясь более чем в километре от берега.

Я вдруг почувствовал какую-то отеческую нежность к этому мужественному юнцу. Обнял его за плечи, не- сильно встряхнул.

— Благодарю, товарищ сержант, за службу!

Он вскочил, словно в нем сработала сильная пружина, вытянулся, отчеканил:

— Служу Советскому Союзу!

Сержант В. А. Бахарев показал себя в этих трудных боях не только смелым и мужественным бойцом, но и тактически грамотным командиром. За бои на плацдарме он был награжден орденом Ленина.

В боях за плацдарм на правом берегу Днепра гвардейцы 62-й стрелковой дивизии проявили массовый героизм. На следующий день я узнал о подвиге командира роты противотанковых ружей капитана С. И. Голодницкого.

В районе села Мишуриц Рог гитлеровцы предприняли сильную контратаку, поддержанную танками и самоходками. Гвардейцы 184-го полка встретили врага огнем из противотанковых пушек и ружей. Четыре танка и две самоходки запылали перед окопами обороняющихся, но нескольким танкам все же удалось ворваться в боевые порядки 3-го батальона. Тогда капитан Голодницкий со связкой гранат бросился под фашистский танк. Стальная махина содрогнулась от взрыва и замерла на месте. Бойцы роты с криком «Отомстим за смерть командира!» ринулись в контратаку, ворвались во вражеские окопы и в рукопашной схватке уничтожили до полусотни гитлеровцев.

О подвигах отдельных солдат и офицеров, о массовом героизме гвардейцев я узнал позднее. А сейчас, когда я уходил из батальона Борисова, мне предстояло выбрать на правом берегу Днепра место для наблюдательного пункта и организовать управление полками дивизии, так сказать, с близкой дистанции. Задача эта была не из легких, потому что сплошной линии фронта создать пока не удалось и во многих местах плацдарм простреливался на всю глубину.

Вернувшись на берег, я связался с комбатом Зубаловым и приказал ему оттеснить немцев от реки, чтобы образовать сплошной фронт. Ударом во фланг он заставил противника отойти.

А через час началась контратака. Против батальона Зубалова немцы бросили до полка пехоты с тяжелыми танками. Гитлеровцы решили во что бы то ни стало сбросить наши подразделения в Днепр и ликвидировать плацдарм. Положение создалось критическое. Связавшись с командующим артиллерией дивизии полковником Василием Матвеевичем Палладием, я приказал подготовить оба артиллерийских полка и две реактивные установки к тому, чтобы сосредоточить огонь перед фронтом батальона Зубалова.

Я еще разговаривал с Палладием, а мой адъютант Морозов уже теребил меня за плечо:

— Товарищ гвардии полковник, скорее в щель! Самолеты пад нами!

Я взглянул вверх — на боевой курс выходили «юнкеры». Из люков головного посыпались продолговатые, похожие на черные палочки бомбы. Едва успели нырнуть в щель — вокруг загрохотало так, что голову сдавило, будто обручем. А тут еще открыли огонь оба наших артполка и «катюши». Зубалов доложил, что снаряды накрыли цель и рассеяли контратакующих, батальону удалось стремительной атакой овладеть северной окраиной села Мишуриин Рог.

Смело и находчиво действовала штурмовая группа во главе с капитаном Сентюриным. Она переправилась на остров и завязала бой с противником, занимавшим здесь оборону. Гитлеровцы начали отходить. Гвардейцы надеялись отбить у немцев лодки. Но на широкой протоке лодок с неприятельскими солдатами не оказалось. Куда девались фашисты? Внимательно оглядев поверхность воды, в рассветном полумраке комбат различил фигуры гитлеровцев, бредущих через протоку. Находившиеся рядом бойцы уже собирались открыть огонь, но Сентюрин запретил. Для него важнее было узнать брод, которым пользовались немцы. Когда фашисты перешли протоку и скрылись за складками берега, капитан скомандовал:

— За мной!

Минут через десять гвардейцы были на правом берегу Днепра и дружным ударом вышибли противника из первой траншеи. Вскоре подошли основные силы батальона с противотанковыми пушками. Продолжая наступление, гвардейцы освободили деревню Куцеваловка. Пять раз немецкие танки ходили в контратаку, пытаясь выбить

отважных воинов 182-го полка из деревни, но, неся большие потери от умело организованного огня, откатывались назад. Отразив все контратаки, батальон Септюрина смелым броском овладел высотой, которая имела важное значение в системе обороны противника. Однако гитлеровцам при поддержке большой группы танков удалось обойти батальон с тыла. Гвардейцы не растерялись, повернули пушки и пулеметы, массированным огнем отсекали пехоту от танков и не дали ей возможности подойти к боевым порядкам батальона. Танки же были остановлены огнем пушек и гранатами.

Во второй половине дня прибытие подкреплений с левого берега замедлилось из-за того, что противник засек наши переправы и теперь вел по ним сильный артиллерийский огонь, бомбил с воздуха. Большая часть переправочных средств была разбита или потоплена. Я распорядился перенести переправы в пункты, которые не просматривались гитлеровцами. Старые места переправ остались как ложные. Немцы продолжали обстреливать и бомбить их.

Вскоре вся пехота 182-го и 184-го полков, а также шестнадцать орудий полковой артиллерии были переброшены на правый берег.

Побывав в обоих полках, выслушав мнение командиров — полковника Антонова и подполковника Луценко, — я пришел к выводу, что с утра, подтянув резервы, противник может нанести удар большими силами. Следовало к этому подготовиться. Я приказал командиру 186-го полка подполковнику Диденко за ночь переправить полк на правый берег и овладеть высотой 1770, господствовавшей над большей частью плацдарма. К утру полк был на правом берегу и повел наступление на высоту. Бои шли весь день 29 сентября. Сильных контратак немцы не предпринимали. Зато 30 сентября, подтянув резервы, противник развернул против нас пехотную и танковую дивизии и бросил их в решительную контратаку с целью опрокинуть три наших полка, уничтожить их или загнать в Днепр.

Контратака началась с восходом солнца. В дымно-багряном небе появились эскадрильи «юнкерсов». Посыпались бомбы. Налаженная телефонная связь моего ИП с полками оборвалась. Трудно стало отличить день от ночи. Бомбы и снаряды рвались беспрерывно и густо,

тучи земли не успевали оседать, висели в воздухе, затмевая солнце. От запаха взрывчатки и гари першило в горле, одолевал кашель. Осколки прижимали людей к земле. Росли потери... «Да, прав был генерал Шарохин, — подумалось мне, — удержать плацдарм куда труднее, чем захватить его».

Целый час продолжался этот ад. Потом на позиции дивизии двинулись пятьдесят «тигров» и самоходные орудия. Главный удар был направлен против 184-го полка и пришелся по боевым порядкам батальонов Ф. А. Зубалова, Е. Ф. Асташина и Б. С. Борисова.

И по сей день стоят у меня перед глазами эти три комбата такими, какими я знал их в молодости, — три рослых сильных молодых парня с осунувшимися загорелыми лицами, умные, энергичные командиры. Ни шагу назад не сделали их батальоны, не попятились перед бронированной армадой, словно вросли в землю.

...До атакующих оставалось с полкилометра, когда расчет гвардии сержанта Веселова открыл огонь. Наводчик рядовой Мирсанов поймал в перекрестие панорамы вражескую машину. Грянул выстрел. Снаряд перебил гусеницу, и танк, завертевшись на месте, остановился. Но к орудью на предельной скорости уже мчались три «тигра». От недалекого взрыва авиабомбы орудие встряхнуло, однако Мирсанов не оторвался от панорамы. Полуоглохшие от страшного грохота и скрежета металла, наводчик, заряжающий, подносчик снарядов и командир орудия продолжали слаженно и точно выполнять свое дело. До головного танка оставалось не более двухсот метров, когда Веселов подал команду:

— Бронебойным, наводить в центр! Огонь!

Заряжающий Удалов дослал снаряд. Орудие подпрыгнуло от выстрела. «Тигр» задымил, а потом его охватило пламя.

— Молодцы, братцы! — перекрывая грохот, крикнул Веселов.

Два других танка замедлили ход, видимо, гибель головной машины вызвала у экипажей замешательство. В этот момент появились фашистские самолеты. Бомба разорвалась совсем рядом с орудием. Командира орудия и заряжающего сбilo с ног взрывной волной. Веселов с трудом поднялся, огляделся. Мирсанов стоял на своем месте, прильнув к панораме. Только руки его были как-то странно опущены. Веселов окликнул его — тот не отозвался.

Сержант подбежал, тряхнул Мирсанова за плечо. Он застонал и повалился на землю. Веселов оттащил раненого в сторону и сам стал к панораме. Между тем вражеские танкисты пришли в себя — и оба «тигра» снова двинулись на орудие. Выстрел. Один танк круто повернул и на полном ходу остановился. Второй «тигр» успел сделать выстрел в упор. Осколки ударили в щит орудия. Заряжающий Удалов упал, едва успев заложить в ствол снаряд. Действуя почти автоматически, Веселов выстрелил. Снаряд попал в цель. «Тигр» загорелся.

А следом за танками накатывались бронемашины в сопровождении пехоты... Весь расчет, кроме Веселова, вышел из строя. Пришлось ему одному работать и за наводчика, и за заряжающего, и за подносчика снарядов. Первым же выстрелом Веселов подбил бронемашину... И тут появились «илы». Взрывы бомб разметали фашистов.

С наблюдательного пункта я видел, как один за другим загорелись несколько фашистских танков. Но противотанковых орудий у полка было явно недостаточно, а танков слишком много...

Не мешкая, я приказал командующему артиллерией полковнику Палладию перебросить на участок 184-го полка дивизион противотанковых пушек. И вот уже, рассыпавшись по склону холма, полезли вверх, будто муравьи, «виллисы» с прицепленными к ним орудиями. Велих командир дивизиона майор Петренко. Вскоре над моим НП низко промчались «илы». Бомбы полетели на головы фашистов.

Тем временем Петренко вырвался на своей машине вперед, на вершину холма, и перед ним открылась панорама сражения. В центре — танки. Многие горели от прямых попаданий бомб, остальные неуклонно шли вперед.

Петренко в считанные минуты развернул дивизион. Танки мчались прямо на батареи. Когда до вражеских машин оставалось каких-нибудь 100—150 метров, пушки ударили прямой наводкой. После первого же залпа загорелись шесть танков и две самоходки. Еще залп — еще несколько танков превратились в костры. Такой отпор ошеломил гитлеровцев. Некоторые машины начали отходить, отстреливаясь. Другие останавливались и тут же попадали под снаряды наших пушек.

Коптратака была отбита. Однако потери оказались большими не только у немцев, но и у нас. Некоторым

подразделениям 184-го полка пришлось отойти с занимаемых рубежей.

182-й полк отбил все контратаки и оставался на своем участке. 186-й полк выполнил свою задачу — овладел господствующей высотой.

К исходу 30 сентября 62-я гвардейская стрелковая дивизия занимала плацдарм 15 километров по фронту и 5—6 километров в глубину.

В последующие дни продвижение почти приостановилось ввиду быстро нарастающего сопротивления гитлеровцев. К вечеру 3 октября против нас уже стояли три дивизии противника — две пехотные и одна танковая. Как наступать против втрое превосходящих сил врага, если по канонам военного искусства не обороняющаяся, а наступающая сторона должна иметь тройное превосходство в силах, чтобы добиться успеха?

Мы продолжали отбивать контратаки, маневрируя огнем, но командование требовало расширить плацдарм, чтобы перебросить на него другие соединения 37-й армии. В таких условиях от командиров подразделений требовались тактическая зрелость, мастерство. Это был тот случай, когда, как говорил Суворов, «воюют не числом, а умением».

И за умением дело не стало. 1-й батальон 184-го полка получил задачу захватить высоту 177,3, на которой засели гитлеровские автоматчики. Прежде чем начать атаку, комбат Борисов выслал сильную разведку. Она установила расположение вражеских крупнокалиберных пулеметов, минометов и пушек.

От лобовой атаки Борисов отказался. Мощный огонь противника сразу бы прижал батальон к земле. И комбат пошел на хитрость. На склоне противостоящей высоты, как раз перед немецкими позициями, он расположил два отделения автоматчиков, четыре противотанковых ружья и противотанковую пушку. В задачу этого подразделения входило отвлечь на себя огонь врага и в случае контратаки встретить фашистские танки.

Когда с гитлеровцами завязалась ожесточенная перестрелка, Борисов двинул роты в обход высоты — одну справа, другую слева. После того как они вышли на исходные рубежи атаки, по высоте дали залп «катюши». И роты сразу ударили по правому и левому флангам фашистов. Враг бежал, оставив на высоте около сотни убитых.

Комбат Борисов немедленно закрепился на высоте, подтянул броней бойщиков, пушки. И как раз вовремя. Вскоре немцы пошли в контратаку. Она была отбита. Но противник не отказался от мысли вернуть высоту. Одинадцать раз гитлеровцы контратаковали батальон. И все безрезультатно. Потеряв много живой силы, десять танков и несколько бронемашин, фашисты отошли. Площадь плацдарма раздалась еще на добрых два квадратных километра. Это позволило к исходу 4 октября перебросить на правый берег Днепра 10-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию, 188-ю стрелковую дивизию и другие соединения.

До 11 октября 37-я армия вела боевые действия по форсированию Днепра, захвату и расширению плацдарма. В ходе боев во взаимодействии с 7-й гвардейской армией мы разгромили две пехотные дивизии гитлеровцев и кавалерийскую дивизию СС, четыре танковым и одной пехотной дивизии нанесли серьезное поражение.

Захваченный нами плацдарм имел не только тактическое, но и оперативное значение. С него началась наступательная операция нескольких наших армий по разгрому криворожской группировки противника.

За мужество и отвагу, проявленные при форсировании Днепра и в боях за плацдарм на его правом берегу, 1050 солдат, сержантов и офицеров 62-й гвардейской стрелковой дивизии были награждены орденами и медалями. Тридцать семь воинов дивизии удостоены высокого звания Героя Советского Союза. В их числе: командир 182-го гвардейского стрелкового полка полковник Г. С. Антонов, командир 184-го гвардейского стрелкового полка подполковник П. С. Луценко, командиры батальонов капитаны В. И. Данько, В. И. Сентюриц, Б. С. Борисов, Е. Ф. Асташин, майор Ф. А. Зубалов.

В дивизионной газете «Вперед, к победе» в эти дни появилась поэма, написанная ее редактором майором Бараховым. Вот отрывок из этой поэмы:

Уменье с отвагой победу берут,
Пред смелым расступится даже гора.
От бомб и снарядов сегодня вокруг
Вскипают спокойные воды Днепра.
Сегодня у всех небывалый порыв:
Киргиз, украинец, грузин и узбек,
О смерти, о ранах своих позабыв,
Рванулись вперед, как один человек.

Земля от разрывов гудит и ревет
На сто километров в окружье...
На «тигров» в смертельную схватку идет
Простой бронебойщик Мокрушин.
Пусть бой мы ведем в бездорожье —
Высоты забрать нелегко,
Но всюду дорогу проложат
Бойцы офицера Данько.
Зубалов! В бушующем пламени
Всегда ты идешь впереди,
Два ордена Красного Знамени
Недаром горят на груди.

На протяжении многих сот километров советские войска прочно обосновались на правом берегу Днепра.

Во второй половине октября 1943 года Ставка переименовала многие фронты в связи с их изменившимся территориальным расположением. Центральный фронт стал Белорусским, Воронежский — 1-м Украинским, Степной — 2-м Украинским, Юго-Западный — 3-м Украинским.

62-я гвардейская готовилась к дальнейшим наступательным действиям. Теперь она входила в состав 2-го Украинского фронта. Боевой дух ее частей был высок, как никогда.

Встречая праздник 26-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, все мы с гордостью оглядывались на пройденный дивизией путь. А сколько еще предстояло пройти!..

ПО СНЕГАМ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ

В конце 1943 года снова произошла перегруппировка войск, что предвещало очередное большое наступление. 62-я гвардейская стрелковая дивизия вошла в состав 20-го гвардейского стрелкового корпуса 4-й гвардейской армии.

В дивизии поменялись командиры полков. Григорий Сергеевич Антонов был тяжело ранен и отправлен в госпиталь, Петр Алексеевич Диденко погиб в одном из последних боев за расширение плацдарма, Петра Степановича Луценко отозвали в отдел кадров 37-й армии.

Командиром 182-го гвардейского полка стал подполковник Михаил Трофимович Грозов, командиром 186-го — подполковник Трофим Алексеевич Колимбет, а командиром 184-го я назначил бывшего начальника оперативного отделения подполковника Василия Семеновича Могилевца.

К началу 1944 года 1-й Украинский фронт после освобождения Киева продвинулся далеко на запад, до Житомира. Наш 2-й Украинский фронт также оставил Днепр далеко позади. Но между южным крылом 1-го Украинского и северо-западным крылом 2-го Украинского фронтов противник все еще удерживал обширный плацдарм на восточном берегу Днепра. Образовался клин, острием своим нацеленный на столицу Украины. Здесь держала оборону сильная вражеская группировка в количестве десяти дивизий и одной бригады.

Сохраняя выход к Днепру, немцы рассчитывали при случае ударить на Киев. Командование 2-го Украинского фронта намеревалось использовать выгодную конфигурацию фронта, подрубить клин у основания, окружить находившиеся в его пределах войска противника.

Подробности наступления я узнал на командном пункте 20-го стрелкового корпуса, разместившемся в Томашев-

ке. Сюда приехал командующий 2-м Украинским фронтом генерал армии И. С. Конев. В помещении местной школы собрались прибывшие по вызову командиры дивизий. Конев выслушал наши доклады о состоянии частей, затем подробно рассказал, кому и что нужно сделать в ходе предстоящей операции. На подготовку отводилось всего четыре дня.

Войскам двух соседних фронтов предстояло решить сложную задачу. Они должны были прорвать оборону противника и, развивая наступление навстречу друг другу (1-й Украинский на юго-восток, 2-й Украинский на северо-запад), соединиться в районе восточнее Звенигородки и западнее Корсунь-Шевченковского.

Зима 1943/44 года была на редкость неустойчивой. Метели и заморозки сменялись частыми оттепелями. Это сделало грунтовые дороги труднопроходимыми. К тому же сильно пересеченная в районе наступления местность — гряды высот, овраги, крутые берега рек — давала обороняющимся значительное преимущество. История войны не знала еще примера наступления такой огромной массы войск в условиях бездорожья. Противник, несмотря на то что над его флангами и тылами нависла угроза, чувствовал себя уверенно, неустанно укреплял оборону.

Перед фронтом 4-й гвардейской армии по реке Сухой Ташлык гитлеровцы соорудили несколько линий траншей, связали их между собою ходами сообщения, создали систему огневых точек.

Нашей 62-й гвардейской предстояло прорвать оборону врага на фронте протяженностью три километра (Камепка, Баладино), нанести главный удар в направлении села Сердюковка и, овладев им, наступать на Матусово.

Кончалась вторая декада января 1944 года. Четыре дня, данные нам для подготовки к наступлению такого масштаба, да еще в условиях бездорожья, — мизерный срок. Нельзя было терять ни часа. Полковые разведчики уточняли расположение минных полей противника, артиллерийские — его огневые точки, создавались подвижные отряды, подразделениям ставились задачи, уточнялись маршруты движения, готовились подвижные средства. Налаживалась связь. Политработники разъясняли войнам цели наступления, рассказывали о том, с каким нетерпением народ Украины ждет нас, своих освободителей. Партийные организации полков проводили собрания, на которых принимали в партию солдат и офицеров.

Мы с командующим артиллерией полковником Палладием отправились в 182-й полк, чтобы проверить планирование огня полковой артиллерийской группы.

Порядок в расположении полка был образцовый. Такой чистоты, аккуратности, точности во всех мелочах фронтального быта, как у Грозова, я не видел ни в одном другом полку. Телефонные провода уложены будто по линейке, где требуется, закреплены. У развилок ходов сообщения прибиты стрелки-указатели, на них написаны фамилии командиров рот и батарей. В стенах траншей, обращенных к противнику, сделаны глубокие ниши-землянки и «лисий норы», в которых солдаты могут укрыться от бомбежки или артобстрела.

Мы вошли в траншею и, руководствуясь стрелкой-указателем, свернули налево. Заметили землянку. Над ней торчала хорошо замаскированная стереотруба. Из землянки доносился говор и звяканье ложек о котелки — тут обедали. Прошли чуть дальше. Перед нами вырос пожилой, с чисто выбритым худощавым лицом сержант. Доложил:

— Командир второго отделения сержант Ивапов.

— Сколько вам лет, сержант? — заинтересовался я.

— Скоро будет пятьдесят годков, товарищ гвардии полковник. Восемь из них воюю: на империалистической два, на гражданской около трех да на этой, считайте, три. Четыре раза ранен... Пора бы, товарищ гвардии полковник, кончать с фашистами. Прямо сказать — осточертело по фронтам мотаться...

Мы переглянулись с Палладием: по фронтам мотаться и нам надоело.

— А вот и ротный идет, — шепнул сержант и отступил в сторону.

Подшел высокий молоденький лейтенант. Девичий румянец на щеках, пушок на верхней губе, какая-то поддетски застенчивая улыбка... Сколько же ему лет? Вид этого юнца никак не вязался с моим представлением о ротном командире. Тем более если в подчинении у него находятся бывалые солдаты вроде сержанта Иванова.

Лейтенант доложил о состоянии роты, объяснил, что идет к командиру батальона по срочному вызову, и попросил разрешения следовать дальше. Получив его, он ушел.

Мы с Палладием присели в нише на выступ, нам надо было дожидаться командира полка Грозова, с которым до-

говорились здесь встретиться. Я пригласил сержанта сесть рядом. Попросив разрешения закурить, он скрутил сигарку, затянулся, выпустил дым деликатно в сторону, спросил:

— А вы, товарищ гвардии полковник, в царской армии, надо полагать, не служили?

— Не пришлось.

— Оно и видно — молоды, — удовлетворенно сказал сержант Иванов.

Чувствуя свое превосходство в смысле житейского опыта, он завел разговор о прежней службе, начал сравнивать старую армию с теперешней...

— Взять, к примеру, офицеров. Боялись они нас и не любили. Ну, врать не стану, не все, конечно, были такие, попадались и хорошие. Только редко. А мы офицеров, прямо сказать, ненавидели. Иному стервецу, бывало, во время атаки и пулю в спину пустят, кто — найди попробуй... Я вот сержант, по прежнему времени нижний чин, вы два полковника... А я сижу, покуриваю да разговариваю с вами запросто. В царской армии, бывало, нашему брату это и в голову прийти не могло. А видали нашего ротного, товарища Крапивинского? Хоть и молод — двадцать один год парню, — а рассудительный, дисциплину требует. К солдатам уважительный, заботливый — не уснет, ежели в роту пища опоздает. Вот в бою только больно горяч — сдерживать приходится.

Боец, сидевший неподалеку, улыбнулся, видимо, вспомнил что-то.

— А ты, Семеныч, расскажи, как он сегодня утром кричал на тебя.

— Так это сторяча, — усмехнулся Иванов. — А что случилось? На рассвете уснул наш товарищ Крапивинский и — вижу — никак согреться не может... Рост у него — слава богу, а полшубок-то коротенький, зада не прикроешь. Ну, я снял свой, накрыл его, а сам лег промежду солдат, ничего, пригрелся. Просыпаюсь, а он кричит: «Что за безобразие, маленький я, что ли?» Обижается, значит, что за взрослого его не почитают. «Чей, — шумит, — это полшубок?» «Мой», — говорю. Тут и пошел он меня пушить, я уж не рад, что и сознался... — Сержант Иванов помолчал, в раздумье качнул головой. — Что и говорить, другие стали командиры, свои, можно сказать. Тот же наш ротный... Я ведь его за сына родного считаю... — Он еще несколько раз торопливо затянулся, бросил сигар-

ку, притоптал ее. — А взять дисциплину... С каждым годом лучше да лучше. Я пять месяцев пролежал в госпитале. Вернулся — полка своего прямо-таки не узнал. Такой дисциплины, как у нас, царской армии и не снилось. А все потому, что дисциплина у нас не на принуждении держится, а на сознательности...

В это время подошел подполковник Грозов. Был Михаил Трофимович Грозов невысокого роста, худощавый. Отличала его необыкновенная точность, требовательность к себе. Вообще он любил порядок. И казалось, навести его где бы то ни было для него не составляет труда. Он не кричал на подчиненных, не отчитывал. На них действовала его спокойная, вежливая, но неуклонно целеустремленная требовательность. «Порядок и точность — с этого начинается военный человек, — говорил он провинившемуся. — Только пачинается, а вы сколько времени в армии?» При этом он назидательно поднимал вверх указательный палец. А в голосе не было ни металла, ни строгости. Была лишь убежденность педагога.

Он нравился мне своей тактичностью и внутренней собранностью. Мы скоро накоротке сошлись с ним, подружился, во внеслужебное время обращались друг к другу на «ты».

Грозов показал нам с Палладием график артподготовки. В нем решены были все задачи по сосредоточению огня с таким расчетом, чтобы нанести наибольшее поражение основной группировке противостоящих нам войск врага.

Как я и предполагал, сверяя график с местностью, полковник Палладий ни к чему не смог придаться.

— Как у тебя воюет сержант Иванов? — спросил я Грозова, когда мы возвращались на КП полка.

— Алексей Семенович? Хорошо воюет. Два ордена Славы, три медали. Говорил с тобой? Солдаты его любят, да и Крапивинский, командир роты, души в нем не чают.

И мне пришелся по душе сержант Иванов. Чем-то он напомнил моего отца, такого же старого солдата. Свободой и трезвостью суждений, что ли? Признаться, любил я слушать солдатские разговоры. Из них я немало черпал для себя. Многое открывалось мне как бы заново, с неожиданной стороны.

На следующий день пришел я с проверкой в расположение 184-го полка подполковника Могилевцева. И в одной из землянок услышал солдатскую дискуссию.

Солдат, по-видимому из нового пополнения, пришедший в полк после боев на Днестре, говорил:

— Кому хорошо на войне, так это командиру дивизии. Винтовку он не чистит, вещмешок не таскает, пешком не ходит, под обстрел, может, и попадает, да не каждый день... Адьютанты у него, ординарцы...

Говорившего тут же осадили, поднялся шум, кто-то, перекрывая все голоса, забасил:

— Ты еще в боях не бывал, а судить берешься. Командиру дивизии, если хочешь знать, на войне в сто раз труднее, чем солдату. Ты с вечера забьешься в землянку и дрыхнешь до утра, а ему не до сна, он за тысячи отвечает, за то, чтобы все мы сыты были, обуты, одеты, за то, чтобы фриц нас враспloh не застал. Это, брат, потяжелее, чем одному все винтовки нашего взвода вычислить или прошагать по грязи верст двадцать с полной выкладкой...

— Верно, — рассудительно поддержал другой солдат. — У каждого на войне своя ноша... И сильны мы тем, что каждый на войне свое тяжелое дело с одинаковым старанием выполняет: и командир, и боец, и пехотинец, и артиллерист, и танкист, и летчик. Вот побываешь в бою, тогда сам увидишь, что к чему...

Шел я потом по траншее и удивлялся: ведь мне как-то и в голову не приходило, что солдат знает объем своей работы, вернее, задумывается о ней. Солдат понимает, ценит тебя, если ты о нем хорошо заботишься, стараешься, чтобы он был накормлен, обут, одет, не подвергался опасности без необходимости. В таком случае солдат твой труд воспринимает не как обязанность, а как душевную заботу о нем. И сам готов ответить душевным расположением. Вот и наука тебе, командир дивизии: душевности больше к труженнику войны — солдату, душевности...

Вечером 23 января командиры полков доложили о готовности к наступлению. Я, впрочем, сам все проверил и был вполне удовлетворен. Постарались саперы. Минные поля сняли так тихо, проходы в проволочных заграждениях проделали и замаскировали так искусно, что противник ничего не заметил.

В первый эшелон, как и при форсировании Днестра, я назначил 182-й и 184-й полки. Командир 20-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор Н. И. Бирюков предупредил, чтобы мы внимательно следили за пехотой врага, сидевшей в первой траншее.

Ночь на 24 января выдалась темной. Над заснеженными холмами низко нависли черные облака, видимости никакой. Передовые батальоны в белых маскахалатах без выстрелов двинулись к вражеским позициям. Прежде всего они должны были уточнить, на месте ли противник.

Я находился на своем НП, ждал допесений. Вот зазумерил телефон. Докладывал подполковник Грозов.

— Второй батальон сто восемьдесят второго гвардейского полка ворвался в первую траншею. Гитлеровцы после короткой рукопашной бежали. Ввожу в дело третий батальон для развития успеха в направлении деревни Рубановка.

Только успел положить трубку, позвонил подполковник Могилевцев.

— Третий батальон сто восемьдесят второго гвардейского полка ворвался в траншею противника. Немцы отходят!

Итак, батальоны Героев Советского Союза В. И. Данько и Ф. А. Зубалова прорвались через первую траншею. Враг бежал, но в глубине обороны он встретит наши передовые подразделения организованным огнем. Теперь, не теряя ни минуты, надо подавить огневые точки противника, ударить по запасным позициям.

Я связался с Палладием.

— Первая траншея взята. Начинайте, бог войны!

Грохот пушек расколол ночную тишину. Это послужило сигналом к началу общей атаки. Два полка первого эшелона были введены в бой. В резерве остался лишь батальон Героя Советского Союза Б. С. Борисова.

Миновали первые, вторые, третьи сутки наступления. Сопrotивление противника усиливалось. Он подтягивал резервы. Приходилось с боем брать каждый из многочисленных опорных пунктов. За день удавалось продвинуться всего на один-два километра.

Первая тревожная весть пришла от подполковника Грозова. Он передал по радию, что ведет встречный бой с крупными силами вражеской пехоты и артиллерии.

— Противник выдвинул из района Рубановки до двух пехотных полков, усиленных артиллерией. Его цель — не допустить нашего продвижения в обход деревни, — сообщил Грозов. — Мы заняли круговую оборону, деремся в полуокружении. Положение тяжелое.

Уж если Грозов говорит, что положение тяжелое, значит, действительно тяжелое. В своих оценках он был точен, как и во всем остальном.

— Держитесь, — сказал я командиру полка, — высылаю к вам батальон.

Телефонист связал меня с комбатом Борисовым. Я кратко обрисовал ему положение, в каком очутился 182-й полк.

— Приказываю батальону выступить в район Рубановки и совместно со сто восемьдесят вторым полком разгромить противника. Вы ведь у нас мастер обходных маневров, капитан... Помните плацдарм?

— Так точно, все понял, товарищ гвардии полковник.

— Действуйте.

Герой Советского Союза капитан Борисов оправдал мои надежды. Двигаясь форсированным маршем, да еще с пушками, по непролазной грязи, смешанной с мокрым снегом, он сумел вывести батальон в тыл немецких частей, блокировавших полк Грозова.

На рассвете 6 февраля подразделения батальона внезапным ударом атаковали с тыла артиллерийский дивизион, который находился на огневых позициях и вел обстрел боевых порядков 182-го полка. Схватка была короткой. Наши автоматчики огнем в упор перебили почти всех вражеских артиллеристов и захватили пушки. Лишившись артиллерийской поддержки, гитлеровцы начали поспешно отходить. За истекший год они научились бояться котлов...

Грозов, поняв, что пришла помощь, подвнял полк в атаку.

Поздно ночью я вызвал по радиации командиров полков, чтобы уточнить обстановку. Грозов доложил: его полк овладел деревней Рубановка, продвигаясь дальше, правым флангом вышел к поселку Матусово, передовые подразделения встретили организованное сопротивление противника и вынуждены занять оборону. Из доклада подполковника Могилевцева я узнал, что 184-й полк захватил несколько опорных пунктов гитлеровцев и продвигается в направлении поселка Матусово.

Между тем начальник разведки дивизии майор И. Т. Кустов сообщил, что перед фронтом наших двух полков противник развернул 72-ю пехотную дивизию. Немцы хорошо укрепили Матусово и сосредоточили там более полка пехоты с артиллерией.

Я посоветовал Могилевцеву не распылять силы полка и нанести по гарнизону поселка концентрированный удар совместно с правофланговым батальоном 182-го полка.

Было ясно: немцы знают, что цель встречного наступления двух наших фронтов — окружение корсунь-шевченковской группировки, и пойдут на все, чтобы не допустить выхода наших главных сил на оперативный простор.

7 февраля во второй половине дня 72-я немецкая дивизия двинулась в контратаку на 182-й полк. Я был уверен: Грозов выстоит. Он перешел к обороне в конце прошлой ночи, значит, к середине дня его подразделения успели зарыться в землю. Лишь бы хватило боеприпасов. Доставляли их с перебоями. Машины и даже сани застревали в глубоком снегу и в жидкой грязи, особенно в низинах и на подъемах...

Грозов держал меня в курсе событий. Сначала на боевые порядки полка ринулись несколько десятков танков и самоходок. Противотанковый дивизион вступил в бой. На исходные позиции вышли приданные полку танки...

Через полчаса новое сообщение. На левом фланге и в центре контратака отбита. Горят шесть вражеских машин. На правом фланге одиннадцать танков с двумя батальонами пехоты выбили 1-й батальон с окраин Матусова.

Обстановка накалялась. Гитлеровцы, конечно, не замедлят развить успех на правом фланге. Я вызвал Могилевцева. Его 184-й полк уже вышел к Матусову и завязал бой. Немцы не любили ночных боев, старались избегать их, но на сей раз все атаки полка противник сумел отбить. Днем гитлеровцы контратаковали, кое-где вклинились в нашу оборону и начали охватывать полк Могилевцева с флангов. А главная беда — у полка кончались боеприпасы.

Могилевцев понимал, что отходить нельзя, что, отступив, он подставит под удар врага движущиеся вслед за его полком по единственной мало-мальски сносной дороге второй эшелон нашей дивизии и другие части корпуса, а также обозы.

У Грозова между тем обстановка разрядилась. Не сумев сбить полк с позиций и понеся ощутимые потери, гитлеровцы прекратили контратаки. Я приказал Михаилу Трофимовичу помочь 184-му полку.

— Поможем, — заверил подполковник. — Выдвигаю для удара во фланг второй батальон.

Я сидел на своем НП как на иголках. Отвечаешь за боевые действия всей дивизии, а поля боя не видишь, а если и видишь, так с наблюдательного пункта. Конкретные тактические решения, связанные с действиями полка, батальона, роты, от которых в конечном счете и зависит исход локального боя, принять не можешь. Тут уж приходится доверять решениям подчиненных, потому что на месте им виднее.

На улице уже стемнело, когда наконец Могилевцев доложил:

— Совместным ударом батальона Данько и сто семьдесят четвертого полка противник отброшен. Полк ворвался в Матусово, но понес большие потери. Ввожу в бой взвод охраны штаба и разведвзвод.

Весь следующий день 182-й полк, развивая успех 2-го батальона Героя Советского Союза капитана Данько, продолжал громить противника. Днем Матусово было полностью очищено от врага.

Продолжать наступление 184-му полку мешала хорошо укрепленная высота. За нею по берегу речушки раскинулась деревня. Могилевцев решил провести разведку боем, чтобы узнать силы противника, установить расположение его огневых средств.

Война многому научила командный состав. Усовершенствовалась тактика, повысились требования к командирам. Теперь в чести были лишь те из них, которые стремились победить малой кровью, в соответствии с конкретной обстановкой проявляли собственную инициативу. Такими были большинство комбатов 62-й гвардейской стрелковой дивизии.

Разведку боем Могилевцев поручил провести 2-му батальону Героя Советского Союза капитана Асташина.

Прежде чем начать бой, Асташин выслал ночью разведку. Прощупав передний край обороны противника, разведчики доложили, что левый фланг гитлеровцев слабо насыщен огневыми средствами. Асташин решил дерзнуть: не просто провести разведку боем, а захватить высоту.

Одну роту командир батальона перебросил на левый фланг гитлеровцев и при поддержке артиллерии двинул ее в атаку, приказав создавать как можно больше шума.

Решив, что русские обнаружили слабость левого флан-

га и двинулись на прорыв, гитлеровцы перебросили туда основную часть пехоты, минометные и артиллерийские батареи. Бой на левом фланге разгорался все сильнее. А главные силы батальона между тем без единого выстрела подошли к высоте и неожиданно для врага ворвались в его траншею. Схватка длилась считанные минуты. Правофланговые подразделения немцев скатились с высоты. На левом фланге фашистские солдаты, увидев русских у себя в тылу, побросали пушки, минометы и в панике бежали. Высоту батальон взял почти без потерь.

Но Асташин не удовлетворился этим. Вражеские солдаты бежали с горы к деревне, не пытаясь залечь, окопаться, даже не отстреливаясь, и комбат решил продолжить наступление.

— Вперед, за мной! — скомапдовал он и, строча из автомата по бегущим немцам, бросился вниз по склону.

Перемахнув речку, на плечах противника батальон Асташина ворвался в деревню.

Мы прорвали первую полосу обороны противника на южном крыле корсунь-шевчепковского выступа. Дальше дело пошло веселее. Дивизия продвигалась на северо-запад, сбивая заслоны врага, блокируя и уничтожая отдельные очаги сопротивления. Несмотря на распутицу, мы проходили в сутки по десять — пятнадцать километров.

Перед второй полосой обороны противника 62-й дивизии предстояло захватить крупный опорный пункт гитлеровцев — село Бурты. Оно раскинулось на небольшой высоте, с трех сторон опоясанной болотистой низиной. В бинокль на склонах высоты просматривались три траншеи, соединенные ходами сообщения.

По данным разведки, в Буртах стоял батальон пехоты немцев, а весь участок оборонялся полком.

Ведя бой за Бурты, мы решали второстепенную задачу — оттягивали силы противника с направления главного удара, который войска 4-й гвардейской армии наносили в пяти-шести километрах западнее.

Вечером к Буртам подтянулись подразделения 184-го полка и заняли исходные позиции. Штаб дивизии расположился в небольшой деревушке, в трех-четыре километрах от передовой.

Я отправился в отведенную мне хату в центре деревни. Тьма — хоть глаз выколи. Адъютант Смирнов (моего прежнего адъютанта Морозова ранило) освещал дорогу фонариком, но я все же ухитрился дважды провалиться

в глубокую колдобину и весь вымок. В хате нас встретила женщина лет сорока пяти. Звали ее Анной Максимовной. Она захлопотала около патошленной печки. Есть я не хотел, попросил лишь кипятку. Адъютант заварил в котелке чаю, выложил сахар, банку варенья, хлеб, тушенку. Пригласили к столу и хозяйку.

Она застеснялась и как-то скорбно потупила взгляд.

— Садитесь, пожалуйста, — поддержал меня Смирнов. — И сынка своего приглашайте.

Женщина промолчала, но, налив себе стакан чаю, присела к столу на красшек стула.

Адъютант поднялся, приоткрыл дверь в соседнюю комнату:

— А ты что, Костя? Иди чай пить.

Я не расслышал ответа Кости. Вернувшись к столу, Смирнов усмехнулся:

— Гордый парень...

Смирнов уже побывал в этой хате сегодня. Дорогой он мне рассказал, что у хозяйки есть сын лет восемнадцати.

— Хозяин-то где? На фронте, наверное? — спросил я женщину.

Она замаялась, глаза наполнились слезами.

Вдруг дверь соседней комнаты распахнулась, и на пороге вырос юноша с бледным скуластым лицом. Гневный взгляд парня будто прожигал насквозь:

— Полицай вин — вот хто... С хрицами тикал... и на батько вин мне, запомнитэ, мамо... Нэма в мини батьки! — Голос Кости дрожал от волнения, обиды и гнева.

По щекам Анны Максимовны текли слезы, она не вытирала их, сидела, ссутулившись, перед нетронутым стаканом чаю.

Много всякого повидал я за три без малого года войны, но такого... Я понимал трагедию, разбившую эту семью, истерзавшую души представших передо мной людей. Мне вдруг до физической боли стало жалко юного Костю. Ведь он считал, что жизнь его сломана из-за отца, что удел его отныне — всеобщее презрение.

— Ты, Костя, вот что, присядь-ка к столу, — сказал я и придвинул стул.

После некоторого колебания он сел. Я налил ему чаю, подал сахар.

— Спасибо, — буркнул он, — не мне радяньский хлиб-цукор исты.

— Ты комсомолец?

— А як же? С сорок первого року.

— Как же твой батько в полицаи угодил? Кулак, что ли, бывший?

— Та ни, колхозники мы, Воронцы хфамилия, — торопливо заговорила вдруг Анна Максимовна. — В сорок первом роки, в июле, узяли Петро у Червону Армию. Через мисяц — нимцы прийшлы. А неделька минула — и мий чоловик явився. Одежа гражданска, сам босый, говорить, выходил из окружения... А Ваську Остапенку з Буртов нимцы главным полицаем назначили. Воны у молодости парубковалы з Петром. Явивси с самогоном, выпилы. Васька и говорить: «Пийдешь до мени у полицию. А ни пийдешь, кажу, що байстрюк твой — комса, а ты червоноармиець. Коську — к стенке, тебя — у концлагерь. Идешь до мيني?» Ну мий и согласився. Уж и натерпелась я, товарищ командир, — вмереть легче... — Анна Максимовна расплакалась в голос и выбежала из комнаты, прижимая к лицу платок.

Пока она рассказывала, Костя сидел с каменным лицом, и лишь мертвенная бледность выдавала его состояние.

— Ничего, парень, сын за отца не ответчик, — попробовал успокоить его Смирнов. — В гражданскую, знаешь, как было? Вон у Шолохова...

Костя взглянул на него невидящими глазами, затем обернулся ко мне.

— Товарищ полковник... — Голос его сел от волнения. Он перевел дух, я ждал. — Товарищ полковник... возьми-те меня в армию. Раз сын за батьку не ответчик...

— А что ты знаешь из солдатского ремесла? — улыбнулся я.

Костя сорвался с места, выбежал в соседнюю комнату и выложил на стол значок ворошиловского стрелка и удостоверение к нему.

— Ну, положим, винтовку ты знаешь, стреляешь из нее хорошо, да ведь теперь у нас автоматы.

И опять Костя сорвался с места, только теперь он выскочил на улицу и вернулся не сразу.

— Вот посмотрите, товарищ гвардии полковник, сейчас пушку прикатит, — сказал Смирнов. — Шустряга парень...

Костя вернулся, держа в руках немецкий пулемет МГ.

— Магазин в ем полный, не сомневайтесь.

— Ну, ты мужик отчаянный, — рассмеялся Смирнов.

— Что ж, спасибо за трофей, товарищ Воронеж. — Я пожал Косте руку, встал. — А насчет армии что-нибудь придумаем. — Склонился к уху Кости, шепнул: — Иди успокой мать, поговори душевно, не видишь — замучилась она...

Долго не мог я заснуть в ту ночь, размышляя о неведомом мне Петре Воронце, ставшем пособником врага, о страдающей его жене, о комсомольце Косте, у которого за два с половиной года оккупации не погас комсомольский огонек...

Утром пришел подполковник Грозов. Он был явно чем-то взволнован.

— Ну, раздевайся, садись завтракать, рассказывай, что случилось, — спросил я.

Грозов снял и повесил на гвоздь шинель, фуражку, причесал и без того аккуратно зачесанные назад, открывающие высокий лоб волосы, сел к столу. Смирнов налил ему чаю.

— Так ты, Иван Иванович, в самом деле ничего не знаешь о моей переброске под Бурты? — спросил Грозов.

— Узнал только сегодня.

— Видал, какие дела! Начальство что-то замышляет, делает перегруппировку, и все молчком. Перебрасывают с участка на участок, а зачем — неизвестно.

Я понимал недовольство Михаила Трофимовича. Ему, человеку точному и основательному, не терпящему скоропалительности при решении боевых задач, претил такой подход к делу.

— Вот и сейчас, — продолжал он, — перебросили меня, чувствую, Бурты брать предстоит, но пока ничего не говорят. А ведь надо бы спланировать все заранее... Ты не знаешь, когда наступать начнем?

— Пока нет. Был здесь вчера начальник штаба армии, порасспросил меня, над картой что-то размышлял. Но определенного ничего не сказал.

— А все говорим о взаимодействии, — покачал головой Грозов.

— Не горячись, Михаил Трофимович, думаю, что скоро все прояснится.

Я поинтересовался, как Грозов расценивает силы своего полка.

— Хвалиться особенно нечем, — вздохнул он. — Людей мало. Плоховато дело и со снарядами.

— Слушай, — я заулыбался, предвкушая реакцию подполковника, — хочешь, я тебе пополнение дам? Правда, всего в количестве одного человека, зато с пулеметом.

Грозов снова вздохнул: напел, мол, командир дивизии время шутки шутить.

Я рассказал ему историю Кости Воронца, по лицу подполковника понял — сочувствует парню.

— А главное, — добавил я. — Бурты он знает как свою хату. В школе там учился.

Я велел Смирнову позвать Костю. Он вошел в горницу, поздоровался и остался стоять у двери, переводя взгляд с меня на Грозова.

— Почему в партизаны не ушел? — спросил его подполковник.

— Не было близко партизан. Та и кто б сына полицая узял?

Вошла со двора Анна Максимовна и тоже остановилась у двери, чуть поодаль от сына.

— Ну что ж, прощайся с матерью, забирай свой пулемет и едем в мою часть. Ставлю тебя на пищевое и вещевое довольствие. А строевой, штыковому бою и другим солдатским премудростям тебя помкомвзвода научит.

Я увидел на лице Кости улыбку, счастливую мальчишескую улыбку. Глаза матери наполнились слезами, но она сдержала их. В пояс поклонилась Грозову. Тот замахал руками:

— Что вы, что вы...

— Спасибочки, товарищу начальнику... Уж вы с ним... Уж вин у меня старательный... Уж вин за батькин грех отслужит... Уж вин хрицев проклятущих побъсть...

«Черт возьми, — подумалось мне, — сколько в этой вошной заварухе людей с искалеченными судьбами! Мы проходим порою, не замечая их... А стоит подать человеку руку — смотришь, он уже выпрямился...»

Вернувшись после отъезда Грозова в штаб дивизии, я получил приказ командира 20-го стрелкового корпуса: утром следующего дня атаковать противника, прорвать его оборону и овладеть опорным пунктом Бурты. Сил первого эшелона для этого было недостаточно, и я подтянул из второго эшелона 186-й полк подполковника Колимбета. Он занял исходный рубеж на правом фланге дивизии.

Побывав у Грозова и Могилевцева, я ночью приехал на командный пункт Колимбета. Подполковник Колимбет по возрасту — мой ровесник, круглолицый, рослый, косая

сажень в плечах. Он не расставался с черной кубанкой, которая делала его похожим на лихого запорожца. Характер у Колимбета был напористый, командирский, но не мешало бы ему, пожалуй, иметь побольше выдержки. Грозов — тот отличался расчетливой осторожностью, терпением, был хорошим воспитателем. А Колимбету и Могилевцеву мешала иногда нетерпеливость. Они всегда стремились лично возглавить атаку, хотя прекрасно понимали, что оставлять ИП, передоверять управление боем заместителю или пачальнику штаба имеют право лишь в исключительных обстоятельствах. Приходилось постоянно напоминать им об этом.

После одного из таких разговоров Могилевцев с простодушной улыбкой признался:

— Эх, Иван Никонович! Да ведь вы сами знаете: легче идти в цепях атакующих, видеть все своими глазами, быстро принимать решения, чем ждать от комбатов донесений...

Я-то Могилевцева хорошо понимал, но интересы дела требовали другого.

Мы с Колимбетом уточнили задачи подразделений и график огня. Прощаясь, подполковник с казацкой лихостью заявил:

— Будьте уверены, товарищ гвардии полковник, сто восемьдесят шестой полк первым прорвет оборону противника и насыплет фрицам перцу под хвост.

Собственно, так оно и должно бы быть. Полк Колимбета — самый полнокровный в дивизии. Находясь во втором эшелоне, он еще не участвовал в серьезных боях.

Утром подошли «катюши». Громовые раскаты их залпов сотрясли землю и небо. Серый дым затянул окрестности опорного пункта врага. Потом над моим наблюдательным пунктом, выдвинутым вперед, пронеслась группа «илов». Она сбросила бомбы на боевые порядки гитлеровцев и скопления их техники.

Полки поднялись в атаку. Казалось, все предвещало быстрый успех. Мощный залп гвардейских минометов и бомбовый удар «илов» должны были бы подавить не только огневые средства врага, но и сломить его сопротивление. Однако, как говорил погибший в сорок втором году комбат 106-й стрелковой бригады капитан Фельдман, на войне — как на войне. На деле далеко не всегда получается так, как спланируешь на штабной карте.

Вскоре одно за другим получил донесения: флаанго-

вые 184-й и 186-й полки дивизии залегли, остановленные концентрированным огнем противника.

Только 182-й полк Грозова, находившийся в центре, продолжал продвигаться. Людей в нем было меньше, чем в других полках, поэтому для поддержки атаки я придал ему батальон танков. Под их прикрытием пехота быстро преодолела болотистую низину.

В моем распоряжении находился резервный артиллерийский дивизион подполковника Михаила Дмитриевича Новикова. Возникла дилемма: либо поддержать огнем дивизиона один из фланговых полков (опять вопрос—какой), либо всю огневую мощь использовать против противника в центре, помочь Грозову как можно быстрее прорвать оборону врага и тем самым принудить его отвести свои фланговые части, которым грозило бы окружение. Требовалось крепко подумать. Но времени для этого у меня было очень мало. Батальоны 182-го полка уже ворвались в первую траншею. Несколько наших танков загорелись. Остальные в сопровождении пехоты продолжали продвигаться в глубину немецкой обороны.

Если помочь огнем одному из фланговых полков, может захлебнуться атака в центре, а продвинутся ли фланги — неизвестно. В центре же успех налицо. К тому же там танки. Если не поддержать атаку огнем, их может уничтожить вражеская артиллерия. И я решил бросить артдивизион на помощь Грозову.

— Окаймляйте атаку сто восемьдесят второго полка, по мере его продвижения переносите огонь вглубь, не допускайте контратак противника, — приказал я подполковнику Новикову.

Через минуту заговорили орудия дивизиона.

Я связался с Колимбетом.

— Все еще лежите, товарищ Колимбет? — ударил я по его самолюбию.

— Противник ведет сильный огонь, маневрируя, пытаюсь подавить...

— Выходит, грозилась синица море поджечь, так, что ли?

В трубке тяжелое молчание. Я просто слышу это молчание, вижу насупленное лицо Колимбета.

— А вот ваш левый сосед, основательно потрепанный в предыдущих боях, уже прорвался через первую траншею, развивает успех в глубину и сыплет фрицам под хвост тот самый перец, который собирались насыпать вы.

Я положил трубку. Теперь закрутится подполковник Колимбет и всех командиров заставит выложиться.

Бой длился весь день, не прекратился он и ночью. Наконец Грозов доложил, что оборона немцев прорвана. К тому времени 184-й и 186-й полки также потеснили противника, который начал оглядываться на фланги. Вечером поступило сообщение, что Бурты очищены от неприятеля и передовые батальоны дивизии продвинулись вперед на пять километров.

Я приказал командирам полков дать личному составу отдохнуть и привести себя в порядок, а я тем временем решил переместить КП дивизии поближе к передовой.

Когда прощался с Анной Максимовной, она, вытирая платком глаза, попросила:

— Я вот чего, товарищу пачальнику... Просьба у меня до вас. Узнали б там: чи жив мой сынку, чи нема його вже на свити...

— Хорошо, Анна Максимовна, узнаю, — сказал я. — Может, и сообщить найду возможность.

Еще в пути ровно в полночь я связался по радию с Грозовым и Колимбетом и приказал через сорок минут доложить о готовности их полков к дальнейшему наступлению. Конечно, я понимал, что после такого тяжелого боя требуются по крайней мере сутки, чтобы привести войска в порядок и подготовить их к новому броску вперед. Но где взять эти сутки? Промедлить — значит дать возможность противнику закрепиться на новом рубеже и подтянуть силы для контратаки.

Ровно через сорок минут подполковник Грозов доложил: после артподготовки 182-й полк перешел в наступление, но гитлеровцы встретили нашу пехоту организованным огнем, в том числе и огнем танков, которые находятся в боевых порядках обороняющихся.

Это меня удивило. Неужели после такого длительного боя, закончившегося полным поражением, у немцев еще есть силы обороняться? Что-то тут не так. Скорее всего, сопротивление оказывает сильное прикрытие, а основные силы тем временем отходят на заранее подготовленный рубеж обороны. Следовательно, главная задача сейчас не дать врагу оторваться от передовых частей дивизии.

Поделился с Грозовым своими соображениями и приказал после двадцатиминутного огневого палета повторить атаку.

Только закончил разговор с Грозовым, как по радию

меня вызвал Колимбет. В приподнятом тоне (не умел казачина скрыть торжества, если добивался успеха) доложил, что 186-й полк, сломив сопротивление противника, овладел населенным пунктом Млеев и быстро продвигается вперед.

— Продолжайте преследование, желаю успеха, — сказал я.

Ай да Колимбет! Этого казака, видно, только завести — луну с неба достанет.

Связался с Могилевцевым. Он сообщил, что 184-й полк успешно наступают.

— Не оголился ли у вас левый фланг?

— Нет, имеем локтевую связь с частями соседней дивизии.

Вызвал по радиации Грозова.

— Как дела, Михаил Трофимович?

— Все то же. Противник встречает роты бешеным огнем, не дает поднять головы.

Я рассказал Грозову о продвижении фланговых полков и посоветовал ему, используя их успех, обойти гитлеровский заслоп.

«Странно, — подумал я. — Фланговые заслопы сбиты, центральный стоит. Почему?»

В землянку вошел пачальник разведки дивизии майор Кустов. Доложил: находящиеся в тылу врага разведчики, возглавляемые старшим сержантом Москаленко, сообщили, что на участке 182-го полка немцы отводят свои танки в тыл.

Картина стала ясна. Сравнительно легкий успех Могилевцева и Колимбета объяснялся тем, что заслопы начали отход, поскольку главные силы на флангах уже заняли новый оборонительный рубеж. В центре же противник не успел отвести свои главные силы. Вероятнее всего, танки остались без горючего. Недаром они использовались в боевых порядках как обыкновенные огневые точки. Когда же подвезли горючее, танки начали отход.

Теперь все зависит от расторопности Грозова, только от него.

— Подполковник! — кричал я в трубку, испытывая лихорадочное нетерпение. — Обход начат?!

— Так точно. Перед фронтом оставил батальон, двумя другими выхожу на фланги противника...

— Главные силы немцев на вашем участке, в том числе танки, отходят на новый оборонительный рубеж. При-

казываю: нагнать их и атаковать, не дать занять оборону. Пехоту посадить на танки, на автомашины, на сани — на что угодно, только догнать. Перед вражеским заслоном оставьте роту, остальные — вперед! — приказал я Грозову.

Потом Михаил Трофимович рассказывал, что сам на ходу вскочил на подножку «виллиса», набитого солдатами, и на ухабе чуть не вылетел из машины — такова была скорость.

Рано утром все три полка дивизии совместно с нагнавшими нас частями 4-й гвардейской танковой армии с ходу преодолели вторую полосу обороны противника в центре и овладели узлом сопротивления Ольшана. Немцы поспешно откатывались к городу Шандаровка.

Штаб дивизии опять снялся с места и двинулся вслед за наступающими частями. Я заснул сразу, как только сел в машину. Меня мотало на рытвинах и ухабах, но я ничего не чувствовал, спал, как спят, наверное, только на войне, — без сновидений, хоть на голову ставь...

Проснулся от рева моторов над головой. Это были наши штурмовики. Они шли на запад обрабатывать боевые порядки гитлеровцев.

Штаб остановился в небольшой деревушке. Почти все дома в ней были сожжены. Начальник штаба доложил мне сведения о потерях. 182-й полк, три недели не вылезавший из боев, растаял наполовину. Мы с начштаба пришли к единому мнению: вывести полк во второй эшелон.

Я сообщил о нашем решении Грозову и попросил его явиться в штаб.

В комнате полуразрушенного дома, которая служила мне и КП и жилищем, мы посидели за чаем, поговорили о последних боях. За те три дня, что я не видел Грозова, он осунулся, щеки ввалились.

— А что, твой новобранец, Костя Воропец, воюет? — спросил я между прочим.

— Зачем же, он необученный. Все эти дни состоит во взводе охраны штаба. Проходит науку. Правда, план Буртов он мне начертил подробнейший, со всеми оврагами и подходами.

— Ты его долго при штабе не держи — ведь он к пемцам свой особый счет имеет.

— На день лишний не задержу. А пока — куда ему... И так много людей гибнет, хороших людей...

— А что сержант Иванов? — Я улыбнулся, вспомнив рассуждения бывалого солдата.

Грозов вздохнул, задумался, тяжело опершись щекою на ладонь:

— Убит сержант Иванов Алексей Семенович.

Я подался вперед... Не укладывалось в голове: две войны прошел — цел остался, на третьей почти три года — и убит...

— Под Буртами, в первой атаке, — начал рассказывать подполковник, — ротный, лейтенант Крапивинский, молоденький такой, мальчишка в сущности (я кивнул — знаю, мол), первым ворвался в траншею. Дал очередь, свалил троих фашистов, и патроны в диске кончились. Тут бы ему и каюк, если бы не сержант Иванов. Успел загородить он Крапивинского собой. Всю очередь немецкого автомата в грудь себе принял...

Посидели молча, словно у гроба покойника.

«Вот это человек был, — подумал я. — Сперва мальчишку-ротного своим полшубком от холода прикрыл, потом собою — от смерти...»

— Михаил Трофимович, представьте сержанта Иванова к ордену Славы первой степени посмертно. Пусть в памяти детей и внуков останется он полным кавалером ордена Славы.

— Представлю, Иван Никонович, — согласился Грозов. — А вот ротного Крапивинского на губу посадил бы.

— Да за что же? Лейтенант первым в траншею ворвался...

— Первым врываться в траншею — дело солдата. А дело ротного командира — ротой руководить. Этот же все геройствует перед бойцами, все боится, что мужества его никто не заметит...

— Ничего, Михаил Трофимович. Лейтенант Крапивинский отважен, храбр, солдат уважает, справедлив к ним. А петушиный задор скоро пройдет. Уцелеет — отличным офицером станет, еще нас с тобой за пояс заткнет...

Мы рассмеялись, и горечь, навеянная смертью Иванова, несколько улеглась. На войне нельзя долго скорбеть об убитых, иначе скорбь твоя, упадок духа обернутся ценовыми потерями...

184-й и 186-й полки преследовали противника в направлении городка Городище. Штаб дивизии следовал за частями.

Утро 15 февраля выдалось погожее. Лицо пощипывал легкий морозец. Наша штабная колонна углубилась в лес. Это было кстати — где-то сзади дорогу бомбили немецкие самолеты. Машины едва тащились по глубоким колеям, прорезанным танками и грузовиками. Лес внезапно кончился, и перед нами открылось поле недавнего боя. Все оно было буквально завалено трупами гитлеровцев. Там и тут еще курились дымом искореженные «тигры» и «пантеры». Всего мы насчитали 34 танка. В броне многих из них зияли огромные пробоины. Миновали еще лесок и въехали в деревню Олышана. Здесь между полуразрушенных и сгоревших хат стояли еще двадцать восемь разбитых боевых машин врага. Да, неплохо поработали наши артиллеристы, танкисты и пехотинцы.

За деревней колонне пришлось остановиться: дорога была изрыта воронками от снарядов и авиабомб, ее пересекали траншеи, ходы сообщения. Пока саперы прокладывали нам путь, мы с адъютантом Смирновым и начальником разведки Кустовым решили пройти по улицам деревни, вернее, по тем местам, которые раньше именовались улицами. Из донесения подполковника Могилевцева я знал, что первым ворвался в деревню и принял здесь бой 3-й батальон Героя Советского Союза майора Зубалова. Вражеские танки несколько раз прорывались через боевые порядки батальона, но каждый раз наши бойцы отсекали от них пехоту и уничтожали ее, а танки в упор расстреливали артиллеристы. Вот они, эти некогда грозные стальные машины, стоят мертвые, с задранными или упыло опущенными длинными хоботами пушек.

Позавчера здесь подбил гранатами два танка и уложил из автомата пятнадцать гитлеровцев командир роты старший лейтенант Сергиенко. Но сам он погиб в этом бою.

Когда наконец дорогу привели в порядок, наша штабная колонна двинулась дальше. Вечером мне донесли, что 184-й и 186-й полки, разметав заслопы противника, вышли к Городищу и совместно с частями 69-й гвардейской стрелковой дивизии завязали за него бой. Утром следующего дня город был освобожден.

А чуть позже начальник штаба сообщил мне, что передовые части 4-й гвардейской армии встретились с частями 27-й армии 1-го Украинского фронта. Десять дивизий и одна бригада противника оказались в мешке.

В первом часу ночи радист вручил мне шифрованную

радиограмму, которая обрадовала и взволновала меня. Вот ее текст:

«Командиру 62 гв. сд. гвардии полковнику Мошляку И. Н.

Поздравляю красноармейский, сержантский и офицерский состав частей дивизии с высокой сталинской оценкой боевых действий 62 гв. сд. по окружению группировки противника севернее Шпола — Звенигородка и присвоением дивизии наименования Звенигородской.

Уверен, что гвардейцы-звенигородцы в боях за уничтожение окруженной группировки противника покажут образцы доблести, мужества, отваги и воинского умения.

Вперед, за полное уничтожение окруженного противника!

Командующий 2-м Укр. фронтом генерал армии Конев.
Февраль 1944 года».

Текст радиограммы я тотчас распорядился доставить в полки дивизии, отныне уже Звенигородской.

4-я гвардейская и 27-я армии образовали внутренний фронт кольца и начали сжимать его. Плотность немецких войск в районе окружения возросла до такой степени, что почти каждый наш снаряд попадал в цель. Весь день 16 февраля наши войска вели артиллерийский и минометный обстрел окруженной группировки противника. Залпы «катюш» сметали целые роты и батальоны.

Еще во время боев за Городище большой группе немецких танков удалось прорваться на юго-запад, в район Лисянки. Там гитлеровцы начали накапливать силы для деблокирования своих окруженных дивизий. Командующий окруженными войсками генерал Штеммерман создал ударную группировку, которая атаковала боевые порядки 4-й гвардейской армии, стремясь соединиться с немецкими танковыми частями в районе Лисянки. Но наступающие пехота и танки противника попали под огонь нашей артиллерии и удары авиации и были остановлены.

В ночь на 17 февраля погода испортилась, подул резкий ветер, пагнал низкие тучи, началась метель. Крупные хлопья снега залепляли лица, глаза, видимость почти пропала. Генерал Штеммерман решил предпринять еще одну попытку выйти из окружения. Он отдал своим войскам приказ тремя колоннами с обозами и артиллерией прорваться через кольцо советских войск.

И вот под утро 17 февраля на отдельные узкие участки обороны 62-й и 7-й гвардейских стрелковых дивизий устремились многотысячные толпы гитлеровцев.

Впереди двигались танки эсэсовской дивизии «Викинг» и две пехотные дивизии, штабы и старшие офицеры. За этой группой в сплошной снежной пелене следовали остальные подразделения и обозы.

Части 62-й гвардейской стрелковой дивизии оказались на главном направлении выхода гитлеровцев из окружения. Как только наблюдатели заметили приближавшуюся лавину танков и пехоты, открыли огонь наши пушки и гвардейские минометы. Грохот рвущихся снарядов, рев моторов, лязг гусениц — все слилось в неистовый вой. Фашисты побросали технику, обозы, каждый думал лишь о себе, о том, чтобы под прикрытием метели выйти из этого ада. Но тщетно — куда бы гитлеровцы ни сунулись, всюду их встречал огонь...

Гвардейцы 186-го полка отбили за день двенадцать атак, перед их позициями нашли свой конец более восьмисот немецких солдат и офицеров.

К началу следующего дня все было кончено. Остатки окруженной группировки прекратили сопротивление.

То, что я увидел, проезжая по недавнему полю боя, поразило меня: разбитые и совершенно целые, но брошенные экипажами танки (их сотни), пушки, автомашины. И всюду — трупы гитлеровцев. Вот уж действительно: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет».

В корсунь-шевченковском котле немцы потеряли убитыми и ранеными 55 тысяч солдат и офицеров, свыше 18 000 гитлеровцев было взято в плен.

Значение этой победы трудно переоценить. Почти на месяц в районе Корсунь-Шевченковского наши войска сковали огромные силы противника — около двадцати пяти дивизий, в том числе девять танковых. Это облегчило нам решение боевых задач в Луцко-Ровенской, а потом и в Никопольско-Криворожской операциях, помогло скорее полностью очистить от оккупантов Правобережную Украину.

ЗДРАВСТВУЙ, МОЛДАВИЯ!

После ликвидации корсунь-шевченковской группировки противника линия фронта на Украине сократилась почти вдвое. Это позволило высвободить значительные силы для новых операций. Однако следовало помнить, что сокращение фронта и врагу дало те же преимущества.

Пешим порядком в составе 4-й гвардейской армии мы были перебросены в район южнее Звенигородки и заняли оборону. В эти дни на нашем гвардейском Знамени прибавился еще один орден. Указом Президиума Верховного Совета СССР дивизия была награждена орденом Богдана Хмельницкого. Теперь полное ее наименование звучало так: 62-я гвардейская Краснознаменная, ордена Богдана Хмельницкого Звенигородская стрелковая дивизия.

Многие солдаты, сержанты и офицеры за бои в районе Корсунь-Шевченковского получили ордена и медали, я был награжден орденом Красного Знамени.

Нам предстояла очень небольшая передышка, так как готовилось новое наступление, цель которого состояла в том, чтобы полностью освободить Украину от немецко-фашистских оккупантов и выйти к Государственной границе Советского Союза.

Немцы, стабилизировав фронт, стремились привести в порядок свои части, подтянуть резервы, создать новые ударные группировки. Враг надеялся, что мы не рискнем наступать в условиях весенней распутицы, которая на Украине была в самом разгаре. Дороги стали совершенно непроходимыми. Не только машины и повозки застревали в раскисшем, липком черноземе, но и пешком нельзя было сделать двух шагов без риска оставить в грязи сапоги. Однако именно отсутствие погодных условий и давало нам в руки лишний шанс для нанесения внезапного удара.

В один из последних дней февраля я сидел в хате, где разместился командный пункт, и размышлял над картой. Дивизия занимала полосу обороны всего в два километра по фронту. Небывалая плотность! Летом 1942 года 106-я стрелковая бригада, по численности почти в два раза меньшая, чем дивизия, оборонялась в полосе более пяти километров.

Перед нашей дивизией была поставлена задача: прорвать оборону противника, в течение дня овладеть деревнями Поповка, Тамное, Запяково, захватить переправы через реку Горный Тикач и наступать на городок Тальное.

Дивизия, сосредоточенная на таком узком участке, — большая сила. Не растопыренные пальцы, а мощный кулак. Но ведь и немцы способны противопоставить нам столь же мощный кулак, узнай они о готовящемся ударе.

Я опять взглянул на карту. Два километра фронта. Масса войск. Насыщенные тылы. Любому ясно — готовится наступление.

Вызвал начальника штаба, посоветовались. Он полностью согласился со мной, что надо усыпить бдительность врага. Я тотчас отправился в штаб 4-й гвардейской армии, доложил свой план командующему генерал-лейтенанту И. К. Смирнову. Он его одобрил.

И вот подразделения 184-го и 186-го полков стали покидать свои траншеи и отходить в тыл. Большая часть артиллерии также потянулась прочь от линии фронта. Батальоны 182-го полка рассредоточивались по траншеям, прикрывая на себя двухкилометровую полосу дивизии.

Теперь я мечтал о том, чтобы на участке дивизии побывали разведчики противника.

— Уж не пропустить ли нам в свой тыл, Иван Никонович, немецкую разведгруппу? — усмехнулся начальник штаба Бисярин.

Это говорилось, конечно, в порядке шутки, а вот зенитчикам я всерьез приказал стараться не попадать в немецкие разведывательные самолеты «рамы», стрелять только для видимости.

Между тем подготовка к наступлению шла полным ходом. В 182-м полку, занимавшем оборону, и в 184-м, отведенном в тыл, сколачивались штурмовые батальоны — оба полка в наступлении составят первый эшелон. Задача этих батальонов заключалась в том, чтобы стремительным броском захватить первую траншею гитлеровцев, расст-

роить их боевые порядки и дать возможность главным силам нанести удар в глубину.

На прежние позиции 184-й и 186-й полки я подтянул лишь за сутки до начала наступления. Теперь, даже если бы вражеская разведка узнала о готовящейся атаке, у немецкого командования не осталось бы времени для создания на нашем участке достаточно сильной обороны.

Накануне наступления разведчики на флангах потревожили противника, завязали бой, чтобы точнее установить передний край вражеской обороны и систему огня.

Весь день я провел в полках первого эшелона и в арtdивизионах, еще и еще раз проверял их готовность. Вечером лег пораньше спать, чтобы завтра иметь свежую голову.

Поднялся я затемно и отправился на наблюдательный пункт. Снова и снова все продумал до мелочей. Кажется, сделано все, что пужно. Штурмовые батальоны возглавляют Герои Советского Союза капитан Данько и майор Зубалов — офицеры надежные, бывалые. На направлении главного удара — километр по фронту — сосредоточено 260 стволов артиллерии и минометов.

Светало. День 5 марта 1944 года обещал быть ясным. Раньше мы не любили ясные дни — они давали возможность авиации противника бомбить нас. Теперь такие дни нам на руку: в воздухе господствовала наша авиация.

Часовая стрелка двигалась к семи. Я попросил адъютанта Смирнова вызвать моего заместителя полковника Пырялина и начальника разведки майора Кустова.

Без одной минуты семь. Снимаю трубку полевого телефона и приказываю открыть огонь.

Землянка заходила ходуном, зазвенел стакан на столе, с потолка и стен посыпалась земля. Все четверо — Пырялин, Кустов, мой адъютант и я — стояли и, улыбаясь, слушали этот давящий на барабанные перепонки грохот — для нас он звучал музыкой, гимном, воспевающим мощь Красной Армии. Впервые довелось нашей дивизии перед наступлением обрабатывать позиции противника огнем такой плотности. Не привыкли еще.

С НП было видно, как немецкие позиции вздыблились черной стеной, подсвеченной оранжевыми сполохами. Стена эта стояла все время, пока длилась артподготовка. Когда до окончания ее осталось две-три минуты, я кивнул Смирнову:

— Давай.

Тот взял со стола ракетницу и вышел. Хлопка выстрела я не слышал, но тотчас увидел, как из нашей передовой траншеи выскочили солдаты и бегом устремились к позициям противника.

Орудия смолкли. Черная стена начала оседать. Утренний ветер сносил дым в нашу сторону, и наступающие штурмовые батальоны вскоре словно бы растворились в нем. Только слышалось издалека:

— ...а-а-а!!!

Первое донесение: противник, подавленный нашим минометно-артиллерийским огнем, потерял способность к организованному сопротивлению и откатывается ко второй полосе обороны. Я связался с правым и левым соседями. Они также прорвали первую полосу обороны. Позвонил Грозову, затем Могилевцеву:

— Вводите в прорыв главные силы, а то соседи наступят на пятки.

— Не беспокойтесь, ноги у нас длинные, а кругом степь привольная, — отшутился Могилевцев.

Весел был подполковник. Еще бы — штурмовой батальон его полка прошел через передовые позиции гитлеровцев, как нож сквозь масло.

Через два часа Грозов сообщил, что штурмовой батальон Данько занял господствующую высоту и глубоко вклинился в оборону противника. Остальные батальоны встретили упорное сопротивление и ведут бои. В целом полк продвинулся на три километра.

На НП появился подполковник Новиков. Недавно он был назначен командиром артиллерийского полка. Поздоровавшись, спросил:

— Ну как сработали мои пушкарки?

— Как боги, — улыбнулся Кустов.

— Продвигайтесь за частями, подполковник, — приказал я Новикову. — Грозов на правом фланге завяз, помогите ему огнем.

Новиков по телефону передал мое распоряжение на свой КП и ушел.

Могилевцев доносил: штурмовой батальон Зубалова отразил несколько контратак и овладел высотой. Полк, преодолев минное поле и инженерные заграждения, продвигается по шоссе. Впереди деревня Поповка...

К исходу дня Поповка была в наших руках. Батальоны Борисова и Зубалова завязали бой за следующий населенный пункт — Гусаково.

182-й полк при поддержке артдивизиона, который бросил ему на помощь Новиков, сломил сопротивление противника и устремился к реке Горный Тикач. Батальоны 184-го полка ночью овладели Гусаковым и форсированным маршем двинулись к Горному Тикачу. За первые сутки наступления дивизия в условиях распутицы продвинулась на 10—15 километров — темпы невиданные.

Еще вечером я со своим штабом двинулся вслед за наступающими войсками. Свой НП я организовал на склоне высоты, с которой просматривалась долина реки Горный Тикач и левее, в дымке, крошечные домики городка Тальное.

По пути из штаба на НП мы с адъютантом зашли на пункт сбора раненых. Медсанбаты из-за бездорожья отставали, и тяжелораненых пока разместили в палатках, легкораненых — прямо под открытым небом, благо было тепло. Они сидели на кирпичках, на досках и обгоревших бревнах, курили, вели неторопливые беседы.

Я шел, вглядываясь в бледные, с серым налетом, будто дорожной пылью присыпанные, лица. Завидев меня, некоторые пытались встать, но я приказывал сидеть.

Один из бойцов, глядя на меня, почему-то улыбался. У него была до пояса распорота гимнастерка, грудь забинтована, левая рука держалась на перевязи. Лицо бойца показалось мне очень знакомым. Я остановился.

— Мы с вами, товарищ боец, не встречались?

— Так точно, встречались, товарищ гвардии полковник. Рядовой Петров Василий Васильевич.

— Васек! — обрадованно воскликнул я.

И сразу вспомнилось, как год назад, в первые дни моего вступления в командование 62-й гвардейской стрелковой дивизией, мы с полковником Антоновым пришли в расположение 3-го батальона 182-го полка и услышали в землянке шуточный разговор комбата капитана (теперь он уже майор) Сентюрина с бойцами... Вспомнились тактические учения и рядовой Петров, вызвавшийся первым сесть в трапшею, через которую должен пройти настоящий танк. За это я предоставил Петрову отпуск на родину.

— Здравствуйте, товарищ Петров. — Я пожал бойцу руку, присел рядом на бревно. — Были тогда дома? Видели свою Машу?

— Так точно, товарищ гвардии полковник. Неделю дома жил, можно сказать, на гражданке. Теперь, выходит,

мальчишка у нас родился... Да вот... — Здоровой рукой поправив растерзанную гимнастерку, Петров достал из нагрудного кармана фотографию, протянул мне. С карточки смотрела на меня милостивая молодая женщина с грудным ребенком на руках, у которого во рту торчала соска.

— Поздравляю, Василий Васильевич. — Мы опять обменялись рукопожатиями. — Хороший парень. Как пазвали?

— Ивапом — в вашу честь, товарищ гвардии полковник.

— Спасибо. Только за что мне такой почет?

— А как же? Не предоставь вы мне тогда отпуск — и Ванюшки не было бы. Так что вам большое спасибо...

Меня смутила и почему-то больно отозвалась в душе искренняя благодарность бойца. Идет жестокая война. Командуешь тысячами людей. У каждого своя жизнь... И у скольких Петровых, которым я не предоставлял отпуска, она отнята, и они никогда не имели, или не видели, или больше не увидят своих детей. Ах, проклятая воица, проклятый фашизм...

На гимнастерке Петрова, повыше кармана, я заметил все ту же желтую полоску за ранение, которую видел год назад.

— Повезло тебе, Василий Васильевич, — за год первое ранение.

— Никак нет, товарищ гвардии полковник, второе.

— А чего ж пашивку не посишь?

Петров замялся... А нас уже постепенно окружали раненые, прислушивались к разговору, и лица их теплели.

— Тут, товарищ гвардии полковник, такая штука получилась... За Днепром уже, когда вперед пошли, чиркнуло меня осколком вот сюда. — Петров погладил ладонью голову над правым виском, шапка чуть сдвинулась, и я увидел белый шрам. — Ну, меня, ясно, в медсанбат, полежал два дня, в тыл собираются отправлять, в госпиталь. Значит, со своей частью распрощайся... Ну-у... — Петров помедлил и сказал, как в холодную воду прыгнул: — Я и смылся из медсанбата в свой батальон.

— Как смылся?

— Ребята принесли форму, я пошел вроде бы по пужиде, переделался — и деру.

Раненые рассмеялись, не удержался от улыбки и я.

— И что же дальше?

— Пришел, значит, доложился взводному. А голова, ясно, в битах, и биты из-под каски, как я их ни поправлял, вылезают. Взводный — к ротному. Тот, конечно, к комбату, товарищу гвардии капитану Сентюрину. Вызвал меня товарищ гвардии капитан, говорит: «За то, что нарушил воинскую дисциплину, утек из санбата, даю тебе двадцать суток гауптвахты, но, поскольку ты ранен, пролил кровь за Родину, взыскание отменяю. Будешь, Васек, у меня ординарцем взамен Кольки — его в тот же день, что и тебя, ранило. А за моей широкой спиной спрячешься — никакая медицина не сыщет. Только уж я раненым тебя считать не буду, и, значит, пашивка тебе не положена».

Дружный смех раненых развеселил и меня.

— Так-так, вон, значит, какие номера выкидывает гвардии майор Сентюрин...

Петров испуганно посмотрел на меня, приложил руку к сердцу, просительно заговорил:

— Товарищ гвардии полковник... Вы уж... Прошу вас... Я ведь во всем виноват... Не взыскивайте с него... Эх, вот проклятый язык...

— Успокойся, Василий Васильевич. — Я положил руку ему на здоровое плечо. — Дело прошлое. Да и за что взыскивать, посуди? Рана-то воевать не мешала?

— Быстренько затянулась, я ее и не чувствую, — заулыбался Петров.

— Ну, а это как тебя угораздило? — Я взглядом показал на биты.

— Это нынче на рассвете в рукопашной. Спрыгнул я с товарищем гвардии майором в немецкую траншею. Он по фрицам из автомата — в одну сторону, я — в другую. А тут один гад увернулся — и головой мне в живот. Вместе упали. Я его за шею, а он ножом как полоснет — плечо чуть не до локтя распахал. Спасибо товарищу майору. Он его автоматом по кумполу — тот и копыта откинул.

— Спас, значит, тебя гвардии майор Сентюрин?

— Так точно.

— А как дальше жить думаешь, Василий Васильевич? Опять из медсанбата удерешь?

Петров потупил взгляд.

— Никак нет, товарищ гвардии полковник, не удеру... Второй раз не получится.

Убежденности в его тоне я, однако, не почувствовал.

Во взаимодействии с 7-й гвардейской стрелковой дивизией части 62-й дивизии вышли к реке Горный Тикач, не мешкая, переправились через нее и с ходу овладели городком Тальное. Над гитлеровцами нависла угроза окружения в районе Тальное, и они, побросав технику, начали откатываться к Южному Бугу. Отходя, немцы непрерывно контратаковали, стремясь оторваться от наших передовых частей. Но сделать это им не удалось. Преследуя гитлеровцев, дивизия за пять дней продвинулась вперед на восемьдесят километров и на плечах противника ворвалась в город Гайворон. Передовые батальоны, совершив обходной маневр, вышли к Южному Бугу. Немцы в панике бежали за реку, даже не успев взорвать мосты. Этим воспользовался командир 2-го батальона 184-го полка Герой Советского Союза капитан Асташин. Он сразу же перебросил батальон на правый берег Южного Буга и занял на плацдарме оборону. В течение нескольких часов подразделения батальона отражали ожесточенные контратаки противника, пока через реку не переправились основные силы полка.

Могилевцев уже из-за реки сообщил мне по радию о своем успехе и похвалил Асташина.

Я спросил, не ранен ли капитан. За год, что я командовал 62-й гвардейской, Асташин уже три раза побывал в медсанбате.

— Цел и невредим, — ответил Могилевцев. — Сам удивляется, говорит: «Наконец-то осколки и пули начали обходить меня».

— Посоветовали бы ему трижды плюнуть через левое плечо, — сказал я. — А вообще — молодец Асташин. Передайте ему и его бойцам мою благодарность. Бить врага — похвально, при этом остаться невредимым самому — похвально трижды.

По-видимому, командир 184-го полка запомнил эти мои слова и передал их своим комбатам. Потому что, когда в одном из последних боев в Германии, буквально накануне Победы, командира 1-го батальона Бориса Степановича Борисова тяжело ранило, он, лежа на носилках, сказал, словно бы извиняясь:

— Плохо, видно, запомнил ваш наказ, товарищ гвардии полковник.

Оптимизм подполковника Могилевцева, который, переправившись через Южный Буг, уже видел себя на берегу Днестра, оказался преждевременным. За Бугом немцы

стали оказывать нам отчаянное сопротивление, дрались за каждую деревушку, за каждый дом.

Десять бойцов 2-го батальона 182-го полка во главе с младшим сержантом Александром Третьяковым, ветераном дивизии, закаленным в боях воином, далеко опередив свою роту, ворвались в небольшой хутор. Немцы поняли, что против них действует всего одно отделение, и окружили бойцов. Те укрылись в каменных хозяйственных постройках, заняли круговую оборону. Как только гитлеровцы поднялись в атаку, Третьяков приказал пулеметчику Крюкову открыть огонь. Атакующие были прижаты им к земле. Тогда немцы начали обстреливать ту часть хутора, где укрылись наши бойцы, из орудий. Загорелись скотный двор и жилой дом.

Неподалеку от Третьякова разорвался снаряд. Когда едкий дым рассеялся, оглушенный командир отделения увидел рядом стонущего пулеметчика, лицо которого было залито кровью. Перевязав Крюкова, младший сержант лег за пулемет.

Из-за пригорка опять показались гитлеровцы. Они шли густой цепью, пригибаясь, полукольцом охватывая хутор. Артострел прекратился. Третьяков приказал бойцам без команды огня не открывать. Наступила тишина. Слышно было, как мирно позванивает капель. Только злоеющие фигуры приближавшихся врагов да стоны Крюкова напоминали о том, что идет бой и тишина вот-вот взорвется грохотом выстрелов. Немцы осмелели, перешли на скорый шаг, потом побежали к хутору. Возможно, они решили, что там никого из наших бойцов не осталось в живых. Уже были слышны команды фашистского офицера:

— Лос!.. Лос!.. Шнеллер!..

Уже можно было различить лица вражеских солдат..

— Пора, Саша, — не выдержал кто-то из бойцов.

«Да, пожалуй, пора», — подумал Третьяков. Скомандовал себе и другим:

— Огонь!

Из окон каменных построек навстречу атакующим грянули пулеметные и автоматные очереди. В первые же секунды десятка два гитлеровцев были срезаны ими. Остальные залегли. Попытки фашистского офицера поднять солдат ни к чему не привели. Вновь обстрелять хутор из орудий немцы не решались, боясь поразить своих. И тут на правом фланге грянуло дружное «Ура!». Это на

выручку бойцам Третьякова подошла вся рота. Гитлеровцы бежали...

Чтобы не снизить темпов наступления, пришлось ввести в бой второй эшелон дивизии — 186-й полк Колиμβета.

Утром, после получасовой артподготовки, полк атаковал противника и за день продвинулся на несколько километров. Однако ночью гитлеровцы успели подтянуть свежие силы и перешли в контратаку. Чувствовалось: немецкое командование прилагает все силы, чтобы не допустить выхода наших войск к Днестру.

Но бойцы и командиры 62-й гвардейской неудержимо рвались вперед. Немецкая оборона, создаваемая наспех, трещала по всем швам. То там, то здесь наши батальоны заходили гитлеровцам в тыл, отрезали им пути отхода.

Батальон майора Зубалова, опередив остальные подразделения 184-го полка, занял деревню Осиевка. Немцы, бросив против батальона пехотный полк с танками, окружили его.

Целые сутки батальон сражался в окружении, отражая многочисленные атаки танков и пехоты противника, пока на помощь не подоспели подразделения 182-го и 186-го полков. Все мы знали Героя Советского Союза майора Зубалова как опытного командира, человека большого мужества. Его батальон был всегда впереди.

В боях за населенный пункт Ольшанка, прикрывавший подступы к Днестру, отличился батальон Героя Советского Союза капитана Борисова. В каменных домах немцы расположили много огневых точек. Они не давали возможности нашим подразделениям подойти к Ольшанке. Борисов приказал 1-й роте старшего лейтенанта Ковалова уничтожить огневые точки, расположенные в двух крайних домах и особенно мешавшие продвижению батальона. Эта задача была возложена на сержанта Ермакова. Запасшись гранатами, Ермаков вместе с несколькими бойцами скатился в канаву, которая шла вдоль улицы. Ползти по ней было очень тяжело, но сравнительно безопасно. Локти увязали в жидкой грязи, шинели и гимнастерки тотчас промокли. Подобравшись к первому дому, ребята прямо из канавы забросали его гранатами. Двинулись дальше. Немцы что-то заподозрили, над канавой засвистели пули. Но Ермаков и его товарищи продолжали ползти, вжимаясь в холодную грязь.

Вот и второй каменный дом. И опять в окпа полетели

гранаты. Вражеские пулеметы замолчали. Рота сразу же поднялась в атаку и заняла восточную окраину Ольшанки.

Гитлеровцы, однако, не собирались уступать Ольшанку без боя. Их танки двинулись в контратаку. За танками шла пехота. Рота Коновалова оказалась отрезанной от основных сил батальона. Бойцы засели в развалинах домов. Огнем они отсекали пехоту от танков. Две вражеские машины удалось подбить гранатами. Но танки били по развалинам из пушек, и ряды обороняющихся таяли.

До вечера длился этот неравный бой. Многие войны погибли, многие получили ранения, но те, кто мог держаться в руках оружие, продолжали сражаться. Основные силы батальона подошли сюда, когда уже начало смеркаться. К утру Ольшанка была полностью в наших руках.

В тот же день мы с командующим артиллерией полковником Палладием побывали в Ольшанке. Там я решил расположить штаб и командный пункт. Дорогу так развезло, что двигались мы очень медленно, а вскоре и вовсе пришлось остановиться — машина увязла в жидкой грязи.

— Пойдемте пешком, — предложил я Василию Матвеевичу.

Как только мы вылезли из машины, сапоги мои тотчас на две трети голенища погрузились в грязь. Двинулись обочиной к окраинным домикам. Где-то в стороне, примерно в километре, слышались пулеметные и автоматные очереди.

— Добивают фрицев, — сказал Палладий.

В это время из-за домов показалась большая группа бойцов, около роты. Впереди с автоматом в руках бежал подполковник Новиков.

— Куда это вы? — окликнул его Палладий.

Подполковник приостановился, махнул рукой в поле:

— Там, в балке, на дивизион двести пятьдесят второго артиллерийского полка напали немецкие автоматчики. Надо помочь!

— А роту где взял?

— Да это не рота — тут и обозники, и повара, и легкораненые, — торопливо объяснил Новиков.

Мы задержались около одного из крайних домов, решили узнать результат боя. Вскоре стрельба усилилась, потом стала удаляться и затихать. Через некоторое время из балки начали выползать машины с прицепленными

к ним орудиями. Поравнявшись с нами, первая машина остановилась. Из кабины вылез капитан, командир батареи, подошел ко мне, отрапортовал. Его левая рука висела на перевязи, сквозь грязный биэт просачивалась кровь.

— Сильно ранен? — спросил я.

— Пустяки, царапина, — ответил капитан. — Спасибо подполковнику. Вовремя подоспел...

— А где сам подполковник? — спросил Палладий.

— Ранен в ногу.

Вскоре подошли артиллеристы с носилками, на которых лежал Новиков. Его скуластое, широкое лицо, еще недавно румяное и оживленное, потемнело, глаза лихорадочно блестели.

Полковник Палладий наклонился к Новикову:

— Поправляйся, дорогой мой.

— Я скоро вернусь, товарищ гвардии полковник. Март месяц у меня всегда невезучий. В прошлом году тоже в марте стукнуло...

Новикова унесли.

— Жаль, что попал под пулю, — отличный артиллерист, — вздохнул Василий Матвеевич.

Начинало смеркаться. Издалека доносились редкие пулеметные очереди. Подошла машина, и мы с Палладием поехали в Ольшанку.

Март перевалил за середипу. С юга, с Черного моря, влажный теплый ветер гнал тучи, быстро подметал снега. Серые горбыли его — остатки бывших сугробов — уцелели только в лощинах и лесных оврагах. Мне вспомнились мои родные края. Март в Кулундипских степях ничем не папоминал здешний. Там в эту пору всюю гуляют метели и люди ходят в шубах. А здесь легкая шинель просит с плеч долой — жарко в ней.

На командном пункте собрались офицеры штаба и политотдела. Все радостные, все улыбаются: 182-й и 184-й полки дивизии юго-восточнее города Ямполь вышли к Днестру. Теперь надо было обсудить вопрос, как с ходу форсировать Днестр и развивать наступление в глубь Молдавии. Опять мешала распутица. Она преследовала нас с самой зимы. А теперь и вовсе земля плыла под ногами. Бойцы наступали буквально по пояс в грязи, с трудом вытаскивая боевую технику и транспорт. Чтобы

форсировать Днестр, требовалась уверенность, что пушки, танки, машины с боеприпасами вовремя будут переброшены через реку вслед за передовыми частями.

Совещание было коротким. После того как я рассказал о положении частей, о существующих трудностях, слово взял начальник политотдела дивизии подполковник Санин:

— Наступательный порыв бойцов очень высок, — сказал он. — Они настроены форсировать Днестр сегодня ночью. Думаю, что для этого у нас есть все возможности.

Начальник политотдела выразил наше общее мнение. Оставалось немедленно заняться подтягиванием техники и транспорта. На это дело я направил всех офицеров, не занятых непосредственно на передовой.

Тотчас же я приказал командирам полков ночью перебросить штурмовые батальоны через Днестр.

У подполковника Грозова первым шел на правый берег 2-й батальон Героя Советского Союза капитана Данько. На его участке разведчики обнаружили брод.

Как только сгустились сумерки, реку закрыл туман. Бойцы без шума, соблюдая полную тишину, держа оружие над головой, рота за ротой переправились через Днестр и под носом у врага, всего в каких-нибудь тридцати метрах от его переднего края, заняли исходное положение для атаки. Лежать в мокрой одежде на холодной земле было, конечно, тяжело. Но атаку намечалось провести только после артиллерийской подготовки, которая начнется, когда на правый берег переправится штурмовой батальон 184-го полка под командованием Героя Советского Союза майора Зубалова. Его бойцам повезло больше. На участке батальона разведчики обнаружили мост. Саперы сумели быстро и скрытно разминировать его, и батальон немедленно перебрался по нему на правый берег.

Когда Грозов и Могилевцев доложили мне это, я приказал батальонам Данько и Зубалова по возможности бесшумно окопаться, глубже зарыться в землю, чтобы, чего доброго, не пострадать от огня собственной артиллерии. Промокшим до питки бойцам Данько такая работа пришлась, пожалуй, по душе.

Вся ночь прошла в хлопотах. Находившимся на НП офицерам я разрешил спать по очереди, по два часа.

Начало светать. Над землей курилась дымка. В той стороне, где была река, стеною стоял туман. Это хорошо — значит, переправляться подразделения будут под прикрытием тумана и авиация противника не появится.

Утро 18 марта выдалось на редкость тихим. Молчали обе стороны. В такое утро с удочкой бы посидеть на реке... А мне приходится посылать в бой против злобного врага сотни славных советских парней. Сколько матерей и жен после сегодняшнего боя получают серые конверты с извещением о гибели их сына или мужа? Чтобы меньше было этих конвертов, надо нанести по врагу мощный и точный артиллерийский удар.

Однако утреннюю тишину раскололи залпы не наших, а немецких орудий. Противник, видимо, ожидал нашего наступления и один за другим сделал несколько огневых налетов по районам, в которых еще вчера были сосредоточены батальоны Данько и Зубалова. Но так как оба подразделения находились уже на том берегу, удар пришелся по пустому месту. Единственной неприятностью, которую доставил нам артобстрел, было то, что нарушилась связь между штабом 182-го полка и батальоном Данько. Подполковник Грозов приказал срочно восстановить связь. Для этого требовался хороший пловец. Через бурную реку вызвался переплыть один младший сержант, фамилию которого я, к сожалению, не помню. Он взял телефонный кабель и нырнул в воду. Вскоре связь была восстановлена.

Совсем рассвело, когда заговорили наши пушки. Сорок минут долбили они вражеские позиции. И вот опять наступила тишина. Но на сей раз ненадолго. Из-за реки донеслись автоматные и пулеметные очереди — штурмовые батальоны поднялись в атаку.

Наиболее трудную задачу предстояло выполнить батальону капитана Дацько. Он должен был овладеть городком Сороки — главным опорным пунктом обороны противника на участке 62-й гвардейской дивизии.

Первой трапзеей, развороченной нашей артиллерией, батальон овладел в первые же минуты боя. Оглушенные огнем, напуганные неожиданным появлением наших бойцов перед своими позициями, гитлеровцы потеряли способность к организованному сопротивлению. Они были смяты и бежали после короткой рукопашной схватки, многие из них бросали оружие и поднимали руки.

Через час после начала атаки батальон капитана Данько находился уже в двух километрах от берега. Такая стремительность позволила Грозову и Могилевцеву сразу же перебросить через Днестр главные силы своих полков и артиллерию.

Батальон Данько между тем с ходу атаковал Сороки. Но атака сразу же захлебнулась — две роты попали под губительный огонь и залегли. Местность была открытая, ровная, спрятаться не за что. То один, то другой боец недвижимо застывали на земле — достала вражеская пуля. Некоторые начали отползать назад.

Огневые точки, прижавшие к земле две роты, находились в каменных домах железнодорожной станции. Данько приказал сосредоточить огонь минометной батареей и подошедшего артдивизиона по станции. Пока велся обстрел, комбат одну роту направил в обход станции, а другие сам поднял в атаку. Услышав возглас командира батальона «За мной, славяне!», бойцы бросились вперед. Преодолели открытую местность, ворвались на станцию, грапатами закидали пулеметные гнезда. Во второй половине дня батальон освободил от противника город Сороки.

Между тем гитлеровцы пришли в себя и, введя в бой резервы, начали контратаковать. Главные силы 182-го полка вели тяжелый бой. Темп наступления замедлился.

Я находился на наблюдательном пункте, когда по радио со мной связался командир корпуса генерал-майор Н. И. Бирюков. Он спросил, перешагнули ли мы «голубую линию» (так была зашифрована река Днестр). Я сказал, что перешагнули.

— Вы сами видите это? — захотел уточнить Бирюков.

— Так точно, вижу.

Туман над рекой рассеялся, и я действительно видел на том берегу наши подразделения, двигавшиеся в глубину плацдарма.

— Тогда поздравляю, вы первые ступили на землю Молдавии. Как двигаетесь?

Не приятно было сообщать начальству, что наступление застопорилось из-за сильных контратак противника, но что поделаешь — доложил.

— Уточните причины задержки и примите меры к их устранению, — приказал командир корпуса. — Двигаться вы должны с той скоростью, какую набрали раньше.

Ночью я перебросил на плацдарм еще оставшиеся на левом берегу подразделения 182-го полка. Утром Грозов

бросил полк в атаку, разгромил батальон гитлеровцев и продвинулся за день на 15 километров. Об этом я доложил Бирюкову с удовольствием.

К вечеру 19 марта 182-й и 184-й полки дивизии полностью переправились через Днестр. Переправился на правый берег и я со своим штабом.

Незадолго до этого начальник разведки дивизии Кустов (недавно его повысили в звании, и он стал подполковником) сообщил мне, что между городками Сороки и Оргеев противник не имеет укреплений и сплошной линии обороны. Оргеев был расположен километрах в восьмидесяти юго-восточнее Сорок. Если между городками мысленно провести прямую линию, то она окажется почти параллельной линии фронта.

Сведения Кустова были очень важными. Отсутствие сплошной линии обороны у противника позволяло частям дивизии совершить обходный маневр, отрезать врагу пути отхода. Переправившись на правый берег, я связался с командиром корпуса, доложил данные разведки и свой замысел. Он согласился со мною, заметив, что необходимо прикрыть правый фланг со стороны города Бельцы. Таким образом, перед дивизией была поставлена задача наступать в направлении Бельцы, Оргеев, нанося главный удар на Оргеев. Немедленно вызвал по радию Грозова и Могилевцева, сообщил им обстановку и цель наступления в сторону Оргеева. Частные задачи сводились к следующему: 184-му полку предстояло обойти справа село Флорешти, отрезать противнику пути отступления, а 182-му полку ударить с фронта.

Чтобы вовремя оказаться в тылу противника, полк Могилевцева должен был за два часа преодолеть около двадцати километров.

Поставить-то задачи я поставил, а вот под силу ли уставшим, сутки не выходявшим из боя солдатам совершить такой марш-бросок с артиллерией, да еще по разбитым дорогам, — в этом я сильно сомневался. Чтобы действовать наверняка, я должен быть уверен, что в назначенный срок полк выйдет в намеченный район, юго-западнее Флорешти. Оставалось проследить за движением полка самому и в случае необходимости потребовать от Могилевцева ускорить движение, не считаясь с усталостью людей. Это был тот случай, когда солдат обязан пайты в себе силы, хотя, кажется, все они давно исчерпаны.

Оставив на командном пункте начальника штаба и своих заместителей, я вскочил в машину и в сопровождении вездехода с автоматчиками охраны помчался к шоссе, по которому двигался полк. Проехав по шоссе менее километра, я встретил колонну полка. Впереди 1-го батальона шагал Могилевцев. Я вышел из машины. Могилевцев остановил колонну. Поздоровались.

— Вы что, на грузовиках умудрились подскочить сюда? — удивленно спросил я. Ведь мой приказ он получил по радию всего полчаса назад.

— А мы теперь на своих двоих двигаемся быстрее любой машины, — улынулся он. — Солдаты мне на пятки наступают. — И убежденно добавил: — Гвардия!

Я почувствовал неловкость перед ним за свою недоверчивость, и вместе с тем было радостно наблюдать такой энтузиазм гвардейцев. Об истинной причине моего появления здесь пришлось умолчать. Я попросил Могилевцева достать карту, сам вынул из планшета свою. Мы расстелили их на капоте автомашины, уточнили маршрут, пункты возможной встречи с противником. Я приказал немедленно произвести разведку в направлении Флорешти.

— Желаю успеха, — сказал я на прощание.

— Не принуждайте посылать к черту, товарищ командир дивизии, — улынулся Могилевцев.

Возвратившись на командный пункт, получил его донесение: передовые подразделения полка вошли в соприкосновение с противником, который, используя выгодную для обороны местность — высоты, каменные дома в населенных пунктах, оказывает упорное сопротивление. Такие же сведения поступили и от Грозова. Либо гитлеровцы ожидали подхода подкреплений — еще не все пути к Флорешти были нами перекрыты, — либо прикрывали отход главных сил. Действовать требовалось без промедления.

Я приказал командиру 186-го полка Колимбету обойти Флорешти с востока, а Зубалову, батальон которого замыкал колонну 184-го полка, перерезать дорогу на Бельцы с запада.

Теперь все необходимые распоряжения были даны, все остальное зависело уже не от меня, а от командиров частей и подразделений. А на мою долю, как это уже случалось не раз, оставалось ожидание — самые мучительные часы в жизни командира дивизии. Не успеет Колимбет —

во Флорешти к гитлеровцам подойдут части, отступающие перед фронтом нашего левого соседа; не успеет Зубалов — того хуже: для противника окажутся открытыми пути отхода на запад, где, вне всякого сомнения, срочно возводится новая сплошная линия обороны.

Как же я обрадовался, когда после часа ожидания услышал возбужденный голос Зубалова:

— Перерезал дорогу на Бельцы, отходить фашистам не даю.

Вскоре поступило допесение и от Колимбета: подразделения его полка вышли в район Флорешти, ударили в тыл отходящему противнику и успешно уничтожают его. Спротивление гитлеровцев перед боевыми порядками 184-го полка сразу ослабло. После трехчасового наступательного боя полк Могилевцева ворвался во Флорешти. Враг заметался в поисках выхода из окружения. Остатки оборонявшихся частей бежали, минуя перерезанные нами дороги, через леса и балки. Всю свою артиллерию, машины, обозы пемцы оставили нам. Лесная дорога на протяжении десяти километров от Флорешти была забита трофейной техникой.

Теперь, после того как мы овладели Флорешти, шансы для успешного развития наступления на Оргеев значительно возросли. В этом направлении по двум параллельным дорогам устремились полки Могилевцева и Колимбета. Они перехватывали пути отхода противника, уничтожали его, создавали угрозу его тылам.

182-му полку Грозова пришлось выполнять менее эффективную, но куда более тяжелую задачу — прикрывать левый фланг дивизии от натиска крупных сил противника, отходящих на запад. По радиации Грозов сообщил, что атаки пехоты и танков гитлеровцев следуют одна за другой, что дело доходит до рукопашных. Враг атакует, не считаясь ни с какими потерями...

Я знал, Грозов не преувеличивает, ему тяжело, по он не просил о помощи, хотя просьба эта заключалась уже в самом докладе о положении полка. Однако главные силы дивизии решали задачу корпусного или даже армейского масштаба, и я не мог взять у них ни роты. С тяжелой душой сказал Грозову, что помочь ничем не могу, но задача стоять непоколебимо, прикрывая фланг дивизии, остается в силе.

— Выдержат твои орлы? Только — правду.

С полминуты трубка молчала, затем негромко, будто через силу, Михаил Трофимович сказал:

— Выдержим.

Словно груз упал с плеч: если Грозов сказал, что выдержит, значит, выдержит. Часа два спустя он сообщил, что противник прекратил атаки. По-видимому, немецкое командование, потеряв надежду прорваться через боевые порядки 182-го полка, отвело свои части к югу, в поисках слабых мест в нашей обороне.

Сведения Грозова уже не были для меня новостью. За несколько минут до разговора с ним подполковник Кустов доложил, что, по данным его разведчиков, немцы отходят на юг, по направлению к Оргееву. Это грозило крупными неприятностями нашим главным силам, потому что гитлеровцы могли оказаться у них в тылу. И я опять обратился к Грозову:

— Михаил Трофимович, дорогой, знаю, бойцы твои измотаны до последней степени, но, кроме тебя, некому обезопасить тылы Могилевцева и Колимбета. Немедленно вышли два усиленных подразделения в район Оргеева. Сколько можно людей, столько и посади на автомашины, остальных направь ускоренным маршем. Противника надо упредить.

— Будет сделано, — только и ответил Грозов.

И было сделано, причем даже много больше того, что предусматривала локальная задача. Грозов сам повел усиленные отряды. Они успели перехватить колонну гитлеровцев, разгромили ее и неожиданно для Оргеевского гарнизона ворвались в город.

Когда через несколько часов Грозов сообщил мне, что Оргеев освобожден, я ушам своим не поверил.

— Ну и шустрый же ты человек, Михаил Трофимович, просто мастер блицкрига.

— Ну, мастеров-то, положим, мы бьем, — рассмеялся Грозов. — А вот задерживаться, действительно, не собираемся. Прикажете наступать навстречу сто восемьдесят четвертому и сто восемьдесят шестому?

— Займите пока оборону. Не исключена коптратака. А Могилевцеву и Колимбету я сообщу, что вы в Оргееве, а то как бы они при подходе не обстреляли город.

Высокие темпы наступления воодушевляли гвардейцев, поднимали их боевой дух, удешевляли физические силы.

И в последующие дни дивизия продвигалась вперед в хорошем темпе, занимая в боевом построении корпуса положение «уступом вперед». Перерезав дорогу Бельды — Оргеев, части 4-й гвардейской армии нависли над Кишиневом.

Стремясь остановить наше наступление, гитлеровцы на рубеже рек Кула и Реут сосредоточили шесть танковых дивизий, в их числе эсэсовскую «Великая Германия», 232-ю пехотную дивизию и другие части. Но несмотря на большие силы противника и отставание нашей боевой техники и тылов, 1 апреля 69-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора К. К. Джахуа, 41-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора К. Н. Цветкова и 62-я гвардейская с ходу форсировали реку Кула и вышли на рубеж Вережень, северная окраина Сарацями. Здесь немцам удалось стабилизировать фронт, и мы вынуждены были перейти к обороне.

В тяжелейших условиях весенней распутицы за месяц наступления наша дивизия прошла около 320 километров, освободила сотни деревень, сел, несколько городов, уничтожила и пленила свыше 5 тысяч вражеских солдат и офицеров.

В ОБОРОНЕ

Переход от наступления к обороне обычно дело вынужденное. Тем более сейчас, когда до столицы Молдавии Кишинева оставалось не больше 50 километров — три-четыре дня похода при ставших для нас привычными темпах наступления.

Но требовалась передышка. Соединения и части были измотаны боями, тылы подтягивались медленно, а сопротивление врага все возрастало. Наши дальнейшие попытки продвинуться могли привести лишь к напрасным жертвам. Тогда командующий 4-й гвардейской армией приказал перейти к жесткой долговременной обороне.

Создать прочную оборону на участке дивизии стало моей первоочередной задачей. Я знал немало случаев, когда ослабленные наступательными боями части, остановившись и не успев создать организованную оборону, были вынуждены отходить под напором свежих сил противника. Чтобы не случилось такого, требовалось создать прочную оборону.

Стоял апрель, теплый, солнечный. Грунт начинал подсыхать. На всей полосе обороны дивизии развернулись напряженные работы. Создавалась глубокая многополосная оборона полевого типа. Передний край ее проходил по левому берегу реки Реут. В течение месяца солдаты вырыли более семидесяти тысяч погонных метров траншей, окопов и ходов сообщения, создали большое число огневых точек и наблюдательных пунктов, более двадцати минных полей. Это был огромный труд. Но все мы понимали: чем больше мозолей, тем меньше шансов попасть под пулю.

Я почти ежедневно бывал в расположении полков, беседовал с их командирами, они, в свою очередь, часто бывали в батальонах и ротах.

Как и следовало ожидать, лучше других обосновался в обороне 182-й полк Грозова: и провода натянуты, словно по линейке, и стрелки-указатели на углах траншей и ходов сообщения, и «лиси норы», где боец мог спрятаться от внезапного огневого палета. У Грозова имелась не только схема своей обороны и система своих огневых точек, но и схема обороны противника, система его огня. Он мог в любую минуту сказать, где и чем заняты его люди.

Что касается командира 184-го полка Могилевцева, то в обороне он чувствовал себя неуверенно. Этот широкой души, открытый, добрый, мужественный человек всегда рвался в бой. Только наступление, схватки с врагом давали ему полное удовлетворение.

Подполковник Колимбет старался ни в чем не уступить Грозову. Однако ему иногда мешало отсутствие собранности и аккуратности.

Как-то в конце апреля приехал я с группой офицеров штаба в расположение 186-го полка. Колимбет отрапортовал, что личный состав занят работой по созданию оборонительных сооружений.

— Первая траншея открыта полностью? — поинтересовался я.

— Так точно, товарищ гвардии полковник.

— Отлично, Трофим Алексеевич! — похвалил я. — Давайте тогда пройдемся по ней. И передний край противника посмотрим заодно.

Ходом сообщения мы вошли в траншею на правом фланге и в сопровождении Колимбета двинулись к центру. Траншея действительно была глубокая, открыта и оборудована на совесть. Даже стрелки с указателями имелись. Прошли километр-полтора и вдруг в конце второго километра уткнулись в тупик. А до левого фланга полка шагать еще порядочно. Приподнялся я на носки, вижу, метрах в четырехстах траншея начинается вновь. Значит, локтевой связи между батальонами нет. Вот так сюрприз!

Посмотрел я на Колимбета — он краснеет.

— Слабовато следит ваш штаб, Трофим Алексеевич, за работами, — сказал я, стараясь быть как можно спокойнее.

А сам одним махом выбрался наверх и двинулся открытым полем к следующей траншее. Офицеры штаба и Колимбет — за мной. Шагаем на виду у противника, злость моя постепенно начинает остывать.

То ли у немцев в это время наблюдатели задремали, то ли снайперов на том участке не оказалось — только ни одного выстрела не прозвучало. Спрыгнули мы в траншею, двинулись дальше. Ни слова укора не сказал я Колимбету, но, когда вернулись в штаб полка, собрал командиров подразделений и провел небольшую беседу о том, как важно постоянно и вовремя проверять выполнение собственных распоряжений.

Ночью Колимбет исправил свою оплошность — четырехсотметровый участок был пересечен траншеей.

Об этом и о многом другом беседовал я с курсантами учебного батальона, который мы организовали для подготовки младших командиров. Вообще-то занятия с ними — по тактике, строевой подготовке, изучению оружия — проводили командиры батальонов. Мне же хотелось познакомить молодых курсантов с воинской этикой, привить им нравственные качества, необходимые командиру, пусть даже пока и младшему. Никаких уроков я, конечно, не устраивал, а просто в перерыве между полевыми занятиями подсаживался к курсантам, расположившимся на отдых где-нибудь в саду под цветущей черешней, и начинал разговор, незаметно переводя его в нужное для меня русло.

Однажды рассказал ребятам о моем первом отделенном командире Колдыбаеве.

— Неужели даже фамилию помните? — удивился курсант Плотников, юноша лет девятнадцати, курносый, с густо высypавшими на лице веснушками.

— Помню, и, наверное, не я один. А вы фамилию своего первого отделенного помните? — в свою очередь спросил я.

Плотников задумался на секунду-другую.

— Нет, не помню, товарищ гвардии полковник.

— А сколько времени в армии?

— С конца сорок второго. Года полтора набежало.

— Значит, плоховат был ваш отделенный. Что же касается Колдыбаева, то мы его очень уважали, даже любили. Готовы были за него в огонь и в воду.

— Он что, добрый был? — придвигаясь ко мне, спросил другой, еще более юный курсант Лавка.

Я не мог сдержать улыбки.

— «Добрый»... Разве этим характеризуется отличный командир?! На службе, к тому же на военной, да еще в условиях фронта, доброта иногда выходит боком.

— Почему?

— Да потому, что она может погубить людей. Пожалел командир уставших бойцов, не выставил часовых — тут фашисты их и накрыли. Нет, товарищи, Колдыбаев не был добрым. Он отлично знал свое дело, знал уставы, умел показать любой прием так, что хотелось ему подражать. И знаете, что он при этом всегда говорил? «Делай лучше меня!» И старались, делали лучше, хотя требовалось для того пролить немало пота. И еще заметьте: Колдыбаев никогда не грозил наказанием, но не было случая, чтобы он не добился выполнения приказа точно и в срок. Отчего бы это, как думаете? — Я оглядел своих молодых собеседников.

— Хороший, наверное, был человек, — уставившись на меня карими наивными глазами, предположил Лавка.

Плотников усмехнулся:

— Добрый опять, что ли? — Засмеялись и другие. — Я так думаю, товарищ гвардии полковник, — продолжал Плотников, — справедливый был человек ваш Колдыбаев

— Правильно: справедливый, честный, правдивый, искренний и человечный человек. И еще очень требовательный к себе. Мы бежим с полной выкладкой, и он бежит с полной выкладкой, мы ходим в увольнение раз в неделю, и он — раз в неделю, мы питаемся из ротного котла, и он — из него же, хотя родные его жили через две-три улицы от казармы. При всем том учтите, что вставал он раньше всех, а ложился всех позднее.

— Выходит, товарищ гвардии полковник, командиром быть труднее, чем рядовым? — заметил Лавка.

— Да уж, товарищ Лавка, легкой жизни у вас не будет. — Слова мои вызвали дружный смех. Я жестом успокоил курсантов: — Вот говорят, товарищи: «Солдат рождается в бою». Хочу спросить, согласны ли вы с этим.

Курсанты удивленно переглянулись.

— А что же тут неправильного? — спросил Плотников.

— А то, что солдат — заметьте, это слово имеет широкий смысл, оно относится и к рядовому, и к командиру — должен родиться не в бою, а еще до боя. Потому что в бою он может погибнуть, не успев родиться. Понятно, что из этого следует?

— Так точно, товарищ гвардии полковник, — за всех ответил Плотников. — Пока затишье, надо учиться воевать как следует, а бой будет проверкой наших знаний и умения, экзаменом на солдатскую зрелость.

— А вот еще говорят: «Смелость города берет». Правильно это? — спросил Лавка, в голосе которого слышался полемический задор.

— А почему же нет. Недаром другая русская пословица гласит: «Трус не любит жизни — он только боится ее потерять». Трус ведь всегда пассивен, бездействие как раз и губит его. Отважный, наоборот, любит жизнь страстно, он борется за нее, стремится быть смелее, хитрее, быстрее врага и потому побеждает. Тут, товарищ Лавка, уместно вспомнить слова великого Суворова. А он говорил, что храбрость, мужество, отвага повсюду и при всех случаях боевой обстановки необходимы, только тщетны они, если проистекают не от искусства, не от мастерства войны... У вас, товарищ Лавка, есть что возразить генералиссимусу Суворову?

Опять всеобщим смехом были встречены мои слова. Заразительнее всех смеялся румяный юнец Гриша Лавка. А я пытался угадать, как поведут себя в бою эти будущие командиры отделений. И любознательный, задиристый Лавка, которому бы еще в десятилетке за партой сидеть, и насмешливый, схватывающий все на лету Плотников (однофамилец бойца из 106-й стрелковой бригады), и другие. Но что гадать — время покажет...

Чудесна земля Молдавии! Цвела она весной 1944 года особенно пышно и щедро, будто торопилась раскрыть перед нашим солдатом-освободителем всю красоту свою, будто просила побыстрее выволить ее из фашистской неволи.

Кипенно-белые, с розоватым налетом, словно облитые светом зари, сады источали берущие за душу весенние ароматы; деловито гудели рои пчел...

Особенно много работы было сейчас у разведчиков подполковника Кустова. Благодаря их стараниям мы знали номера и примерные силы стоявших перед нами немецких частей, имена их командиров и даже характер и привычки некоторых из них.

Как-то утром подполковник Кустов доложил мне: вернувшиеся из ночного поиска разведчики сообщили, что с передовой исчез один из пехотных полков противника.

— Как это «исчез»? — удивился я.

Кустов развел руками.

— Разведчики пытались установить пункт передислокации, но тщетно. Никаких следов. Разрешите связаться с разведкой корпуса?

— Действуйте.

Через два-три дня разведчики установили: после выполнения полк как резервный отведен в глубину обороны. При этом им удалось установить точные координаты его расположения.

Показав мне на карте место, куда отведен полк, Кустов сказал:

— Отдыхают фрицы, Иван Никонович. Умаялись. Надо бы им напомнить, что они не у себя в фатерланде...

В тот же день я доложил командиру корпуса о гитлеровской части, которая, не зная ни тесных траншей, ни укрытий, ведет безмятежную жизнь в своем ближайшем тылу, причем в пределах досягаемости нашего огня. Ночью на участок дивизии прибыл полк «катюш», а рано утром он дал несколько залпов по врагу.

Потом разведчики сообщили результаты работы гвардейцев-минометчиков: десятки машин целый день вывозили убитых и раненых гитлеровцев.

Штаб корпуса обеспокоила попытка немецкого командования накопить резервы. Это могло означать, что противник стремится укрепить свою оборону на случай нашего наступления. Но это же могло свидетельствовать и о том, что немцы сами готовятся нанести удар. Помочь разобраться в ситуации могла только разведка.

Командир корпуса приказал нам добыть «языка». Добыть именно на участке 62-й гвардейской стрелковой дивизии, которая стояла на кишиневском направлении к юго-западу от Оргеева.

Начальник разведки дивизии подполковник Кустов тщательно подготовил операцию по захвату «языка». Он изучил местность и характер обороны противника на протяжении всей полосы обороны дивизии; наметил объект поиска — офицерский блиндаж, а возможно, и штаб немецкого подразделения, засеченный нашими наблюдателями; договорился с артиллеристами и минометчиками об огневой поддержке; определил место перехода линии фронта, перед которым саперы должны сделать проход в минометном поле...

Когда все было подготовлено, шестеро разведчиков ночью ушли за «языком». Они благополучно миновали первую траншею, подкрались к намеченному блиндажу, сняли часового. Толкнулись в дверь блиндажа — она оказалась запертой изнутри. Тогда одному из разведчиков лейтенант, возглавлявший группу, приказал вышибить дверь, по

возможности одним ударом. От мощного толчка дверь распахнулась. В блиндаже оказались два офицера. Один из них был убит в короткой схватке, другому удалось связать руки и заткнуть рот кляпом. Разведчики вывели «языка» из блиндажа, он не упирался. Проскочили первую траншею. Группа прикрытия автоматным огнем уничтожила появившихся вражеских солдат. В небо взметнулась осветительная ракета, но в ту же секунду ударили наши пушки и минометы...

«Языка» благополучно доставили в штаб дивизии, а оттуда в штаб корпуса. Он оказался обер-лейтенантом, командиром роты. Офицер показал, что ничего определенного о наступлении не слышал, знает лишь, что части, занимавшие оборону, постепенно заменяются свежими.

Такое сообщение насторожило нас. На участке 182-го полка немецкие траншеи уступом вдавались в нашу оборону. В случае атаки гитлеровцев это давало им преимущество. Грозов решил улучшить свои позиции. Он доложил мне свой план, и я его одобрил.

В ночь на 9 мая 1944 года 1-я рота 182-го полка бесшумно подползла к первой траншее врага, стремительно атаковала противника и ворвалась в траншею. Гитлеровцы, опомнившись, бросились в контратаку, но были отбиты. До рассвета они несколько раз пытались вернуть утраченные позиции, однако все безуспешно. Очень мешал роте немецкий пулеметчик, засевший на ее фланге. Тут опять отличился сержант Александр Третьяков, которого я помнил по боям на южнобугском плацдарме. С гранатой в руке сержант ползком подобрался к пулемету и уничтожил его. Это позволило отделению Третьякова выдвинуться далеко вперед. На рассвете на десятерых смельчаков бросилось до взвода гитлеровцев. Началась рукопашная. Победили в пей бойцы Третьякова. Остатки немецкого взвода бежали.

За мужество и стойкость, проявленные в этом бою, сержант Третьяков был представлен к ордену Красного Знамени.

В один из последних дней мая состоялось вручение орденов и медалей бойцам, сержантам и офицерам, отличившимся в наступательных и оборонительных боях последних месяцев.

В списке награжденных я увидел знакомую фамилию — Воронец. Уж не тот ли это Костя Воронец, которого со своим оружием я сосватал Грозову под Буртами? По-

звонил командиру 182-го полка, он подтвердил — тот самый. Ныне боец отделения сержанта Третьякова. Проявил отвагу в рукопашной схватке, уничтожил двух фашистов, сам был легко ранен, но остался в строю.

В полдень награжденные собрались около штаба дивизии. Из помещения штаба на улицу вынесли два стола, на которых по порядку списка были разложены коробочки с орденами и медалями. Начальник штаба дивизии Василий Зиновьевич Бисярин построил награжденных в одну шеренгу. После этого я и начальник политотдела дивизии подполковник Санин приняли рапорт, поздоровались с солдатами и офицерами.

Санин произнес короткую речь. Несколько слов сказал и я. Затем начальник штаба стал вызывать награжденных.

Подходили молодцеватые комбаты: Данько, Борисов, Асташин, Зубалов. Майор Сентюрин, представленный к ордену Отечественной войны I степени, незадолго перед тем был отозван на курсы при Военной академии имени М. В. Фрунзе. Подошел к столу сержант Третьяков. Широкоплечий, выправка отменная. На груди уже сверкают медали «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Одним из последних был вызван рядовой Воронеж. Я вручил ему медаль «За отвагу», поздравил, а затем просто спросил:

— Ну, что, Костя, постиг солдатскую науку?

— Так точно, товарищ гвардии полковник!

— Теперь очередь за орденом. Хотел бы лично вручить.

— Спасибо, товарищ гвардии полковник!

— Матери пишешь?

— Так точно!..

— Ну, воюй, гвардеец!

Счастливо улыбающийся, красный от смущения, не умеющий сдержать обуревавших его чувств, Костя Воронеж повернулся налево кругом, встал в строй.

Церемония награждения закончилась.

На исходе был июль. Завершил свою работу учебный батальон. Курсанты стали младшими сержантами, командирами вновь сформированных отделений. Дивизия была уже укомплектована в соответствии со штатным расписанием. Прибывали из госпиталей, куда я писал запросы, ветераны, в свое время получившие ранения на Днестре,

под Корсунь-Шевченковским, на Горном Тикаче, на Южном Буге, на подступах к Днестру и здесь, в Молдавии. Но большую часть пополнения составляла молодежь.

Молодых солдат прежде всего знакомили с традициями и боевыми делами дивизии, с ними беседовали Герои Советского Союза. Затем повичков распределяли по ротам и батареям, где они проходили курс солдатской науки.

За те месяцы, что мы стояли в обороне, наши войска, наступавшие летом в Белоруссии, Прибалтике и в западных областях Украины, в августе вышли к границам Восточной Пруссии и на рубеж реки Висла.

Части правого крыла нашего 2-го Украинского фронта еще весной преодолели реку Прут и вступили на территорию Румынии. Теперь очередь была за нами.

12 августа 1944 года я узнал, что 62-я гвардейская стрелковая дивизия в составе 21-го стрелкового корпуса передается 52-й армии. Значит, наступление не за горами, и наш новый бросок вперед — дело ближайших дней.

ВОСЕМЬ ГОРЯЧИХ ДНЕЙ

Обе дивизии 21-го гвардейского стрелкового корпуса — 62-я и 69-я гвардейские — все еще стояли на старых позициях, занимаемых 4-й гвардейской армией, но и командир 21-го корпуса генерал-майор Петр Иванович Фоменко, и командиры дивизий — я и генерал-майор К. К. Джахуа — уже подчинились командующему 52-й армией.

15 августа нас троих вызвал командующий армией генерал-лейтенант К. А. Коротеев. В штабе армии нас встретили командарм, член Военного совета генерал-майор А. Ф. Бобров и начальник штаба армии генерал-майор А. Н. Коломинов. Пожимая мне руку, Коротеев сказал:

— Здравствуйте, старый знакомый! Не успели еще соскучиться по мне?

Речь шла о нашем знакомстве осенью 1943 года, когда 62-я гвардейская стрелковая дивизия на короткое время была включена в состав 52-й армии и принимала участие в боях по расширению плацдарма на правом берегу Днестра.

Генерал-лейтенант Коротеев, крупный, плечистый человек, держался очень приветливо, умел пошутить, но это не исключало и требовательности с его стороны к подчиненным.

Когда все сели за стол, Коротеев сообщил, что Ставка Верховного Главнокомандования вместе с командованием 2-го и 3-го Украинских фронтов разработала план Яско-Кишиневской наступательной операции, целью которой является окружение и уничтожение основных сил группы армий «Южная Украина», находящихся в районе Яссы, Кишинев. Политическая цель операции двух фронтов заключалась в том, чтобы завершить освобождение Советской Молдавии и вывести Румынию из войны на стороне Германии.

Прорвать оборону противника предусматривалось силами 2-го и 3-го Украинских фронтов на двух далеко отстоящих друг от друга участках — северо-западнее Ясс и южнее Тирасполя. 21-й стрелковый корпус в составе 62-й и 69-й гвардейских дивизий решением командующего 2-м Украинским фронтом генерала армии Р. Я. Малиновского был передан 52-й армии для ее усиления, поскольку она входила в ударную группировку фронта.

Всего же в полосе 2-го Украинского фронта должны были принять участие в наступлении три общевойсковые, одна танковая и одна воздушная армии.

Коротеев подошел к карте, висящей на стене. На карте была показана линия румынско-бессарабского участка фронта. Она представляла собой огромную дугу, одним концом упирающуюся в Черное море, другим — в Карпаты. Проходила эта линия южнее Пашкань, севернее городов Яссы, Дубоссары и далее по Днестру. С севера, от Ясс, и с востока, со стороны Тирасполя, навстречу друг другу шли две красные стрелы. Они сходились юго-западнее Кишинева, в районе Хуши, Васлуй. Между их остриями вилась голубая лента реки Прут.

— Рубеж по реке Прут, где должны встретиться и замкнуть кольцо окружения войска двух фронтов, — сказал генерал Коротеев, — отстоит от исходных позиций частей нашего фронта, — указка командующего взметнулась вверх и остановилась в точке северо-западнее города Яссы, — на сто — сто двадцать километров. Преодолеть это расстояние мы должны молниеносно, за четыре-пять дней, и столько же нам отводится на то, чтобы уничтожить окруженную вражескую группировку. Основная трудность на первом этапе будет заключаться в том, что придется прорывать глубоко эшелонированную оборону противника в горно-лесистой местности. Это для наших войск непривычно. Следовательно, надо немедленно провести с личным составом соответствующие занятия. Подробности боевой задачи вам изложит начальник оперативного отдела штаба армии. Сегодня же проведем рекогносцировку на местности. К 17 августа прошу приготовить ваши сообщения. Докладывать их придется лично командующему фронтом.

От начальника оперативного отдела я узнал, что 62-я гвардейская стрелковая дивизия будет наступать в полосе три километра. Для усиления дивизии придавалась 22-я танковая бригада, имевшая двадцать боевых машин,

два артиллерийских и один минометный полк. На участке прорыва нам предстояло овладеть двумя опорными пунктами гитлеровцев Белчешти и Бухэешти и в дальнейшем наступать в направлении города Хуши.

Вместе с генералом Коротеевым мы выехали в расположение передовых частей армии и провели рекогносцировку. Да, перед нами высились лесистые горы, разделенные глубокими ущельями. По данным разведки, у противника здесь не имелось оперативных резервов. Чтобы компенсировать их отсутствие, пемещкое командование, используя выгодный горно-лесистый рельеф, создало здесь в течение лета систему обороны полевого типа глубиной шесть — восемь километров. Она состояла из нескольких линий траншей полного профиля с опорными пунктами и густой сетью огневых точек.

Конечно, если считать только километры траншей, ходов сообщения, невыгодный для наступающих рельеф местности, насыщенность обороны противника огневыми средствами, то могло показаться, что прорвать такую оборону в течение дня, как предусматривалось планом наступления, просто выше человеческих сил.

Но мы знали и кое-что другое. Армейская разведка установила: не доверяя румынам, немцы выдвинули их в первую полосу обороны, а сами занимали вторую. Такая мера, по мнению немецкого командования, должна была заставить румынских солдат удерживать рубеж.

Если уж дело дошло до этого, то никакие траншеи, никакой выгодный рельеф местности не могли создать прочной обороны. Если отсутствует высокий боевой дух у солдат, траншея и дзот в их представлении превращаются из грозного оборонительного сооружения в западню.

И все же мы понимали: легко южную часть Молдавии гитлеровцы не отдадут. Во-первых, потому, что только здесь да в Латвии, западнее Рижского залива, они еще удерживали участки советской территории, во-вторых, разгром яско-кишиневской группировки открывал Красной Армии путь на Балканы.

Когда я вернулся в расположение своей дивизии, там уже проводились занятия по теме: «Прорыв глубоко эшелонированной обороны противника в горно-лесистой местности». Солдаты на практике учились преодолевать в бою вражеские траншеи с помощью перекидных мостиков, матов и штурмовых лестниц.

Как и предупреждал генерал Коротеев, 17 августа ко-

мандарма, командира корпуса Фоменко, командира 69-й гвардейской дивизии Джахуа и меня вызвал к себе на доклад командующий 2-м Украинским фронтом генерал армии Родион Яковлевич Малиновский. Принял он нас в штабе фронта, в своем просторном кабинете. Это был интересный мужчина с мягкими, приятными чертами лица.

В кабинете присутствовали член Военного совета генерал-лейтенант И. З. Сусайков, начальник штаба генерал-полковник М. В. Захаров и несколько работников штаба. Мы представились. Когда все сели, Малиновский обратился к Коротееву:

— Как полагаете, Константин Александрович, может, сразу выслушаем решения командиров дивизий? — Он улынулся и добавил: — Им прорывать вражескую оборону — им и первое слово.

— Согласен, Родион Яковлевич. — Коротеев повернулся ко мне: — Прошу вас, товарищ Мошлик.

Накануне с офицерами штаба и командирами полков я еще раз выезжал на участок предстоящего прорыва, уточнил задачи подразделений, затем несколько часов мы просидели над составленным планом наступления. Время, направление и порядок движения частей и подразделений, систему и график огня, названия высот, населенных пунктов, рубежей — все это я не только держал в памяти, но и представлял на местности и на карте. Доложил быстро, без запинок, не заглядывая в бумажки. У командующего фронтом перед наступлением дел куда больше, чем у командира дивизии, поэтому отнимать у него время было бы непростительно.

Когда я закончил доклад, один из генералов штаба спросил:

— Почему танки, приданные дивизии, вы используете на участке одного полка?

— При такой стремительности и глубине прорыва танки я должен использовать массированно. К тому же приданная дивизии бригада имеет боевых машин в три раза меньше, чем положено по штату. Рассредоточить их по другим полкам — значит ослабить направление главного удара...

— Все это крайне сомнительно, — заметил генерал. — Ведь наступаете вы не полком, а дивизией.

Но тут вмешался Малиновский:

— А ведь командир дивизии прав. В бригаде не шесть-

десять пять танков, а двадцать. Чтобы в первые же часы наступления прошибить оборону, эшелонированную на восемь километров по всему фронту дивизии, такой поддержки явно недостаточно. Так уж лучше наверняка прорвать оборону врага на узком участке, выйти ему в тыл и тем самым дезорганизовать его. — Помолчав, командующий фронтом спросил: — Из каких соображений вы исходили, полковник, построив боевой порядок дивизии в два эшелона?

— Товарищ генерал армии, — отчеканил я, — оборона противника достаточно глубока, что требует при прорыве непрерывно наращивать силу удара. Полоса наступления дивизии — три километра, участок главного удара — два километра. В своем составе дивизия насчитывает девять тысяч человек, и еще шестьсот человек ей придано. Таким образом, при условии поражения артиллерией и авиацией всей тактической глубины обороны противника, мы сможем сразу занять ее целиком, и чем скорее, тем лучше.

— Что ж, резонно, — сказал Малиновский. — У меня вопросов больше нет. — Он взглянул на генералов штаба — у тех вопросов также не было.

Вслед за мною докладывали Джахуа и Фоменко. Выслушав всех, Малиновский задал еще несколько вопросов. Командующий фронтом производил впечатление скромного, обаятельного человека. Он не приказывал, а убеждал. Просто и логично доказывал ошибочность одних решений и правильность других. Как я заметил, Малиновский более всего опасался, что у собеседника останутся какие-либо сомнения, недоуменные вопросы, которые он постесняется высказать. Поэтому мягко, но настойчиво Родион Яковлевич просил нас высказываться до конца, чтобы никаких неясностей не оставалось.

В заключение Малиновский сообщил, что в предстоящей операции планируется применение большого числа танковых частей и соединений, в частности в полосе наступления 52-й армии в прорыв будет введена 6-я танковая армия генерал-лейтенанта танковых войск А. Г. Кравченко.

— Вы, Константин Александрович, — с улыбкой обращаясь к Коротесу, сказал Малиновский, — обеспечьте генералу Кравченко ввод его армии в прорыв, он, выйдя на оперативный простор, обеспечит вам стремительные темпы наступления. Устраивает вас такое взаимодействие?

— Безусловно, Родион Яковлевич, — ответил Коротеев.

— У меня все. — Малиновский поднялся. — Желаю удачи, товарищи! В добрый час!

Когда я прибыл в дивизию, штаб уже свертывался. Нашу полосу обороны мы сдавали соседнему соединению. 62-я гвардейская перебрасывалась на девяносто километров западнее, где ей предстояло сосредоточиться на исходном рубеже наступления.

И сдачу своей полосы обороны, и переброску дивизии на участок прорыва требовалось совершить незаметно для противника.

Днем командиры частей передали офицерам из соседнего соединения схемы, планы и все сведения, относящиеся к обороне гитлеровцев на этом участке, а с наступлением темноты началась перегруппировка. Стараясь не производить шума, рота за ротой покидали обжитые траншеи, и сразу же их занимали подразделения соседа.

Погода стояла как на заказ — теплая, сухая. Это позволяло надеяться, что с переброской дивизии задержки не произойдет. Передвигались только ночью, строго соблюдая маскировку. Во избежание случайностей я приказал всем шоферам вынуть из фар автомашин лампочки. Для поддержания порядка на маршрутах штаб корпуса организовал усиленную комендантскую службу регулирования движения. Личный состав службы получил самые строгие указания по соблюдению режима на маршрутах.

Во вторую ночь перегруппировки генерал-лейтенант Коротеев решил проехать по маршруту, чтобы лично убедиться, как продвигаются части дивизии и надлежащим ли образом соблюдаются правила маскировки. Я сопровождал командующего в его машине. Дорога была разбита автомашинами и танками, разветвлялась во все стороны, словно дельта многоводной реки. Спустились в лоцину. Здесь глубина колеи вообще не позволяла проехать легковой машине. Шофер бешено крутил баранку во все стороны, вглядываясь в черноту ночи, шепотом поминая бога, мать и всех двенадцать апостолов... Наконец Коротееву это надоело, и он разрешил на несколько минут включить фары. И только они зажглись, как в свете их, преградив нам путь, возникла молоденькая девушка-регулировщица.

— Выключи фары сейчас же! — закричала она на

шофера. — А то шумну коменданту, он тебя устроит суток на двадцать!..

Она подошла к автомашине. Узнав меня и самого командующего армией, сбавила тон, но все же укоризненно сказала:

— Эх, товарищи начальники, сами приказы пишете — и сами же их нарушаете.

Коротеев смущенно крякнул и велел шоферу выключить фары. Потом сказал с усмешкой:

— Вот досталось — хоть сам себя на губу сажай!..

Воины дивизии понимали, что им предстоит действовать на главном направлении, в составе ударной группировки армии, что от нашего успеха или неудачи будет зависеть исход всей операции. Дисциплинированность личного состава дивизии во время перегруппировки была выше всяких похвал. Это помогло за двое суток скрытно сосредоточить части дивизии на исходном рубеже.

Разведка уточнила силы противостоящего нам противника: до четырех батальонов пехоты, шестьдесят — семьдесят орудий и минометов. Таким образом, в полосе наступления дивизии мы создали весьма значительное превосходство над врагом как в численности войск, так и в технике. Учтя все это, а также уточнив характер обороны гитлеровцев, особенности местности и силу готовящегося артиллерийского удара, я несколько изменил свой первоначальный план. Боевой порядок дивизии я решил построить в один эшелон, а в резерве иметь лишь батальон 186-го полка. Быстрое расширение участка прорыва открывало возможность для стремительного маневра, окружения и уничтожения сопротивляющегося противника и ввода в прорыв частей 6-й танковой армии.

19 августа, накануне дня наступления, я объехал все полки и убедился в их боевой готовности. В частях было зачитано обращение Военного совета фронта. В нем говорилось:

«Дорогие товарищи! Боевые друзья! Верные сыны Советской Родины — солдаты, офицеры, генералы! Настало время полностью рассчитаться со злейшим врагом нашей Родины — немецко-фашистскими захватчиками за все их злодеяния, за страдания и муки нашего народа, за кровь и слезы наших детей, жен, матерей и отцов, за уничтожение и разграбление советских городов и сел.

В этот решительный час наша Родина, наша родная партия призывают вас с честью выполнить свой воинский

долг, воплотить всю силу своей ненависти к врагу в единое желание разгромить немецко-фашистских захватчиков, новым мощным ударом ускорить гибель врага! Наш боевой клич отныне должен быть только один: «Вперед, на разгром врага!»

После оглашения текста обращения сразу же проводились короткие митинги. На них выступали солдаты и офицеры. Рядовой Кравчук, уже немолодой человек, обратился к товарищам:

— Хлопцы, о чем мечтаю — добраться до того гада, Гитлерюки! Дочь у меня угнали на каторгу в Германию!.. Так неужто не освободим?!

— Освободим! — в едином порыве отозвались солдаты.

Бледный от гнева рядовой Головенко сказал:

— Товарищи! Немцы убили моего сынишку! Вовку! Малому десяти не было... — Головенко словно задохнулся. — Да я их!.. — Он потряс над головой автоматом.

Кто-то из строя крикнул:

— Павло, клянусь, не меньше десятка гадов за твоего Вовку уложить!!!

Один за другим воины обещали:

— И я!.. И я клянусь!.. Все клянемся!!!

Выбежал вперед рядовой Рембовский:

— Двоих братьев моих младших в хате сожгли! Буду мстить фашистам!

— И за братьев твоих разочтемся!.. — клялись солдаты.

Такого боевого накала, такой ненависти к врагу, такого неудержимого желания сразиться с ним, уничтожить его я еще, пожалуй, никогда не видел.

Подполковник Грозов зачитал своим гвардейцам письмо, полученное на имя солдат и офицеров 182-го полка от колхозников одного из освобожденных ими сел. В письме были такие строки: «Наш наказ вам, дорогие воины, наказ матерей, жен и сестер — как можно лучше и скорее овладейте военным делом, как можно быстрее истребляйте и гоните прочь подлых гитлеровцев. Вам — советским воинам, героически сражающимся за свободу и независимость нашей великой Родины, — наша любовь, наши лучшие пожелания».

Ответ колхозникам бойцы решили написать после того, как ни одного фашиста не останется на молдавской земле.

В сумерках я возвращался из полков на свой КП. Оставив машину, мы с адъютантом пошли по тропинке к

блиндажу. Наперерез нам со стороны штаба дивизии шаггал боец с автоматом, закинутым за спину. Увидев меня, вытянулся, ладонь — к пилотке. Я козырнул, мельком взглянул в лицо солдата — ба, да никак Петров! Остановился. Со временем начинаешь ценить встречи с теми, с кем вместе прошел немеряные километры фронтовых дорог. А Петрова я знал уже около полутора лет.

— Здравствуй, Василий Васильевич!

— Здравия желаю, товарищ гвардии полковник!

— О, да ты, я вижу, ефрейтором стал, — обратил я внимание на его погоны, на которых алело по одной лычке. — Сюда-то как попал? Или опять из сапбата сбежал?

— Никак нет, товарищ гвардии полковник. Я тогда с рукой отлежал что положено в санбате и вернулся в строй. Только направили меня в сто восемьдесят четвертый полк, в батальон гвардии капитана Пупкова, и я теперь четвертой роты автоматчик. Вчера у нас письменосца снайпер снял. Мне вместо него и пришлось письма нести...

Что-то невеселым показался мне Петров. Я спросил его, не случилось ли что дома.

— Никак нет, дома полный порядок: Ванюшка растет, Маша на заводе работает... — Он шумно вздохнул. — По правде сказать, товарищ гвардии полковник, без курева страдаю. Прямо папасть: как в сорок первом на фронт ушел, так с тех пор ни разу досыта не покурил. Вот уж вроде и повысили, — он скосил глаза на погон с ефрейторской лычкой, — а все равно без табаку сижу... Я с трудом удержался от смеха — уж очень обиженный тон был у Петрова.

— Ничего, Василий Васильевич, этой беде можно помочь. Пошли со мной!

Мы пришли на КП, я выслушал доклад дежурного офицера. Петров, ослепленный блеском множества двухпросветных погон, навтытяжку остановился у двери.

Я сел за свой стол, указал Петрову на скамейку, стоявшую рядом. Он прошел к ней, присел. Я достал из ящика стола несколько пачек «Беломора», пачку «Казбека».

— Закуривай, Василий Васильевич.

— А можно здесь?

— Вон же курят. — Я кивнул в сторону офицеров.

Васек надорвал пачку «Беломора», достал папиросу и полез было в карман за «катюшей» (нехитрое солдат-

ское приспособление для добывания огня, состоящее из четырех деталей: кремня, бечевы с разлохмаченным и обожженным концом, кресала и металлической трубки), но я подал ему спички. Он с удовольствием закурил. Однако после первой же затяжки спохватился, подвинул ко мне открытую пачку.

— А себя-то что ж обижаете, товарищ гвардии полковник?

— Да я некурящий.

Василий Васильевич недоуменно посмотрел на меня, на пачки, лежавшие перед ним. Я понял его немой вопрос.

— Это я держу запас для курильщиков вроде тебя.

Петров снова затаился. Спалив папиросу до самого мундштука, сокрушенно покачал головой:

— Хорошо, что не курите, товарищ гвардии полковник. Так-то легче. А то получишь табачное довольствие, махру то есть, сейчас «стрелки» к тебе тянутся: дай на закрутку. У иного полный кисет — вместе со мной получил, — все равно дай! А как не дашь? Неловко вроде... А уж про «серебрянку», которую Маша присылает, и говорить нечего. Пять минут — кисета как не бывало...

Мы помолчали. Выдержав приличную паузу, Петров встал, кинул за плечо автомат, руку — к пилотке.

— Разрешите идти, товарищ гвардии полковник?

— Папиросы забори.

— А не обижу вас?

— Ну, у меня паек посильнее твоего, да и «стрелков» поменьше.

Рассовав по карманам пачки, Петров четко повернулся и вышел. Не думал я, что вижу его в последний раз...

Рассказывая об артиллерийской подготовке, предшествующей очередному наступлению, я всякий раз говорю: впервые сосредоточено такое большое количество орудий, впервые вижу такую силу огня... Но ведь, действительно, так оно и было. От наступления к наступлению вдвое, втрое возрастала мощь огня. И каждый раз это восхищало, и каждый раз мысленно я благодарил рабочих и работников, которые, непрерывно наращивая темпы, производили для своей армии все больше и больше оружия, причем все более и более грозного.

Между темпами работы тыла и темпами наступления Красной Армии существовала прямая зависимость.

То, что происходило утром 20 августа 1944 года, я опять-таки видел в первый раз. Если полгода назад счет орудий, принимавших участие в артподготовке, шел на сотни, то теперь — на тысячи.

Когда грянул первый залп, на какое-то мгновение мне показалось, что произошло землетрясение — покачнулась земля, все вокруг задрожало. Одновременно с первым залпом саперы взорвали заряды, заложенные в минные поля противника. В воздух полетели груды земли, обломки кольев, обрывки колючей проволоки. Путь для танков и пехоты был открыт.

В течение полутора часов наша артиллерия смешивала с землей живую силу и технику врага на всей глубине обороны. Шли на юг бомбардировщики и штурмовики.

Радостно было наблюдать эту картину. Однако я знал, что не все огневые точки будут подавлены, не все обороняющиеся будут убиты, не все из оставшихся в живых потеряют способность к сопротивлению. А значит, как всегда на войне, будут и у нас раненые и убитые, значит, как всегда, чтобы прорвать вражескую оборону, от бойцов дивизии потребуются отвага, мужество, воля к победе, способность к самопожертвованию.

Еще не закончилась артподготовка, когда танки 22-й бригады устремились вперед, за ними поднялись в атаку роты 182-го и 184-го полков. До НП донеслось дружное «Ура!».

— Пошли, орлы, — улыбаясь, проговорил Сапин.

Но вскоре стрельба заглушила крики, и только по ее интенсивности и перемещениям можно было уловить пульс боя, попытаться представить его в общих чертах. Я с нетерпением ждал донесений.

Наконец минут через сорок Грозов сообщил по радиации, что, пользуясь артиллерийским прикрытием, танки и пехота почти без потерь овладели первой траншеей противника.

В одиннадцать часов Грозов опять был у радиации: 182-й полк на своем участке очистил вторую траншею и вышел к третьей. Здесь противник начал оказывать сильное сопротивление...

Я вызвал к радиации подполковника Могилевцева.

— Почему молчите?

— Хотел с ходу взять вторую траншею, да...

— Первую-то взяли?

— Так точно! Ворвались на огневые позиции против-

ника!.. — Чувствовалось, Могилевцев напрягает голосовые связки, чтобы перекричать грохот боя. — Но перед второй траншеей река Бахлуй, потому задержался...

— Подожди. Выбили противника из второй траншеи?

— Так точно! Захватили двадцать два орудия.

— Так что же молчите? Я из вас по слову должен вытягивать?

— Шумно, товарищ комдив!..

Я не выдержал, рассмеялся, обернулся к Санину:

— Видали? Шумно ему там, голос боится сорвать. Тоже нашелся меццо-сопрано...

— Наверное, опять в боевые порядки залез, — махнул рукой Санин. — Как в старину говорили: хоть кол ему на голове теши.

Но я не мог сердиться на Могилевцева — в пору было песню запеть. Ясно: враг ошеломлен и подавлен, не в силах оказывать серьезное сопротивление.

Впоследствии пленный румынский офицер рассказывал: «Когда началась артподготовка, наши позиции превратились в сущий ад, связь прервалась, управление нарушилось, в ротах сразу же вышло из строя 40—50 процентов личного состава».

Траншеи, в которых сидели гитлеровцы, были будто перепаханы гигантским плугом, завалены вражескими трупами, исковерканной техникой, брошенным оружием.

Для развития успеха пора было вводить в бой резервный батальон. Ему я поставил задачу — выйти в тыл противника, затруднявшего продвижение Грозова, во взаимодействии со 182-м полком уничтожить сопротивляющихся и к исходу дня овладеть опорным пунктом Тырбешти.

Затем я доложил командиру корпуса о взятии второй траншеи. Это означало, что можно вводить в прорыв танковую армию генерал-лейтенанта Кравченко. Примерно час спустя 6-я танковая армия двинулась вслед за нашими наступающими частями.

Пытаясь заткнуть брешь в обороне, противник бросил в бой три уже потрепанные дивизии из резерва. Кустов заблаговременно предупредил меня о том, что немецкие части начали движение в направлении места прорыва. Задача заключалась в том, чтобы до подхода вражеских резервов захватить третью траншею, проходившую по хребту Маре, и встретить контратакующих с выгодных позиций, с господствующих высот. Между тем полк Моги-

левцева все еще топтался у подножия хребта, резервный батальон, высланный в тыл противника, еще пащупывал слабозащищенные проходы.

Я связался с Могилевцевым, обрисовал обстановку, потребовал, чтобы в течение часа хребет Маре был в наших руках.

— Будет, — коротко ответил подполковник.

Я верил в Могилевцева — что-нибудь придумает. Во всяком случае, очертя голову не бросит полк в лобовую атаку. Кроме напрасных жертв, это ничего не даст — резервы гитлеровцев успеют подойти и опрокинут ослабленные безуспешными атаками подразделения. Могилевцев придумал. От каждого батальона он велел выделить по два-три человека для засылки их в тыл немцам с целью поднятия там паники. Используя этот момент, батальоны должны стремительной атакой захватить третью траншею и выйти на хребет. Расчет был точен. Фашисты, ошеломленные нашим ударом, тележного скрипа боялись, их первое напряжение достигло предела. Достаточно небольшой пальбы в тылу — и не выдержат, побегут — у страха глаза велики.

В 4-ю роту, остановившуюся на опушке леса у подножия горы, пришел командир батальона капитан М. А. Пупков, приказал построить бойцов. Встав перед ними, сказал:

— Есть опасное задание, гвардейцы. Кто пойдет?

— Я! Я! Я! — нестройным хором ответила вся рота. А двое бойцов, Петров Василий Васильевич и дружок его Поляков, сделали шаг вперед.

Когда мне рассказали об этом, я живо представил себе картину полутороговой давности: поляну в лесу под Алексеевкой, шеренгу бойцов, Петрова, сделавшего шаг вперед, чтобы сесть в траншею, через которую должен пройти танк...

И здесь, в лесу, под хребтом Маре, Петров сделал этот шаг вперед. Такой уж он был человек: товарищу готов был отдать последнюю щепотку табаку, Родине — жизнь.

Петрова с Поляковым и выбрал комбат. Отошел с ними в сторону, сказал:

— Видите гору? На ней немцы. Быстро проберитесь туда, за траншею, выберите место, где фашистов побольше, ударьте по ним гранатами в самую гущу, а потом из автоматов косите. Да так, чтобы они вас двоих за деся-

терых приняли. Наведете панику — поддержите атаку всего батальона. — Комбат помолчал, внимательно посмотрел в глаза одному, другому. — Посылаю вас на очень опасное дело. Но это нужно. Ясно?

— Так точно, ясно, товарищ гвардии капитан! — дружно ответили гвардейцы.

Получив в дополнение к тому, что у них было, еще по нескольку гранат, Петров и Поляков двинулись к высоте. Кончился лес, мелкий кустарник, иссеченный пулями, и вот они уже ползут, укрываясь за камнями...

Капитан проводил их взглядом и приказал командиру роты Герою Советского Союза старшему лейтенанту А. Ф. Соболевскому приготовиться к атаке, в которой будет участвовать весь батальон.

Проходили минута за минутой, а на горе было тихо. Далеко справа слышалось «Ура!», захлебывались автоматы, а здесь тихо... Командир роты то и дело поглядывал на часы. Десять... пятнадцать... двадцать минут прошло... И вдруг впереди слитно один за другим загрохотали взрывы гранат, взметнулось облачко пыли, застрочили автоматы. Потом беспорядочная стрельба началась в других местах.

Роты батальона пошли в атаку. Соппротивление врага было сломлено мгновенно. Немцы опомниться не успели, как третья траншея оказалась в наших руках.

Петрова и Полякова нашли на обратном скате горы. Лежали они неподалеку друг от друга, живые, но без сознания. У обоих было по нескольку пулевых ранений. А вокруг валялось тридцать семь гитлеровцев, сраженных пулями и грапатами.

Больше я Петрова не видел, затерялся его след в далеких тыловых госпиталях.

Когда подошли немецкие резервные части, они были встречены таким мощным огнем с горы, что их контратака сразу же захлебнулась. 182-й и 184-й полки перешли в атаку и отбросили противника. К исходу дня дивизия прорвала главную полосу обороны гитлеровцев, продвинулась местами на шестнадцать — двадцать километров.

Передовые подразделения 184-го полка овладели местечком Леушень. Теперь полкам Могилевцева и Грозова предстояло взять сильно укрепленный опорный пункт Тарбешти.

Вечером с группой офицеров штаба я поехал в Леушень, где решил развернуть свой НП. Нагнал на марше

колонны, составлявшие главные силы 184-го полка. Вместе с ними пешим порядком двигался и Могилевцев. Я вышел из машины, поздоровался с подполковником, попросил его доложить мне, как он собирается наступать на Тарбешти. Мы присели на камень, Могилевцев развернул на коленях планшет, под прозрачной целлулоидной прокладкой которого лежала карта пужного участка.

— Вот, Иван Никонович, смотрите. Справа, восточнее меня, — Грозов, он подойдет к Тарбешти раньше. Я один батальон посылаю вперед, в обход. Он атакует с юга, отвлекая силы противника, остальные батальоны завершают дело.

— Какой батальон пошлете вперед? — спросил я.

Могилевцев ответил не сразу, — видно, еще не решил. Мне-то его колебания были понятны.

— Пошлю третий батальон, — сказал наконец Могилевцев. — Зубалов уже не раз успешно совершал обходные маневры. Ему и карты в руки.

— Хорошо, — согласился я, — действуйте.

Я проводил полк до Леушени и долго смотрел ему вслед, пока последние ряды бойцов не растаяли в сумеречной мгле.

Когда пришел на НП, разместившийся в подвале дома, там уже кипела работа. Связисты налаживали связь, офицеры штаба уточняли положение частей и подразделений, разведчики работали над картами, сверяя данные разведгрупп.

А я думал об одном — Тарбешти... Выйдет Зубалов в срок к намеченному рубежу атаки или нет? И выйдет ли вообще? От этого зависели сотни, а может быть, и тысячи жизней. От этого зависела скорость продвижения 6-й танковой армии. Томительно тянулось время ожидания. Начинало светать. Каждые десять минут кто-нибудь из офицеров штаба поднимался на чердак, смотрел в стереотрубу в сторону Тарбешти. Поднялся и я. Бой за опорный пункт врага уже начался. Над Тарбешти тянулись в небо густые столбы дыма. Атаковал 182-й полк. Но где же Зубалов?

Я спустился в подвал. Почти следом за мною туда вбежал наблюдатель.

— Товарищ гвардии полковник, на южной окраине Тарбешти началось!

Минут через десять в телефонной трубке я услышал возбужденный голос Зубалова:

— Товарищ Первый! Захватил семь домов, штурмую дальше!.. — Голос затерялся в шуме и грохоте, но вскоре послышался снова: — Товарищ Первый! Еще семь домов взяли. Мало карандашиков (людей)! Противник контратакует...

И опять голос пропал в грохоте, а потом и грохот оборвался — прервалась связь. Батальон захватил четырнадцать домов, понес потери, не хватает людей для отражения контратак... Все это я хорошо себе представлял. Надо немедленно развить успех — это будет самой действительной помощью Зубалову. Я позвонил Могилевцеву, чтобы поторопить его атаковать опорный пункт главными силами. Но мое вмешательство оказалось лишним — Могилевцев уже ввел в бой второй эшелон полка. А через несколько минут позвонил Грозов: траншея на подступах к опорному пункту взята с боем, батальон Данько вместе с дивизионом пушек ворвался в Тарбешти. Никакое ожесточенное сопротивление уже не могло спасти фашистов. К восходу солнца части дивизии овладели городом.

Во второй половине дня, продвигаясь вперед, 182-й и 186-й полки окружили усиленный пехотный полк гитлеровцев. Наши радисты перехватили отчаянные просьбы его командира о помощи, посылаемые в эфир открытым текстом. Но вышестоящему командованию было уже не до него — оборона гитлеровцев разваливалась на всем участке фронта. Полк, наполовину уничтоженный, сдался в плен.

Танковая армия генерал-лейтенанта А. Г. Кравченко на нашем участке прорыва вышла во фланг яско-кишиневской группировке. Немецкое командование поняло, что его войскам грозит окружение. В ночь на 23 августа, оставив на переднем крае для прикрытия лишь разрозненные группы автоматчиков, противник начал отход. Армейская разведка вовремя разгадала маневр врага. Во все части наступающих армий поступил приказ: энергичными атаками пехоты и танков отрезать противнику пути отхода, громить и рассекать его боевые порядки. Уже к вечеру 23 августа отступление немецких и румынских частей превратилось в бегство. Все дороги на запад от Кишинева были забиты обозами, артиллерией, сотнями машин. Наши штурмовики утюжили эту технику с утра до вечера, наводя ужас на фашистов и сея панику.

Войска 2-го Украинского фронта стремительно продвигались на юг по долине реки Прут. С востока на соеди-

ненно с нами спешили войска 3-го Украинского фронта. Темп наступления нарастал с каждым часом. Западно надо было захлопнуть прежде, чем гитлеровцы вырвутся из нее.

До полудня 24 августа противник еще мог выйти из кольца по мостам через реку Прут в районе Немчень. В полдень же 24 августа к этим переправам вышел батальон Героя Советского Союза капитана Данько. Ему была поставлена задача до подхода главных сил дивизии задержать отступающие от Кишинева немецкие части.

Опрокинув вражеский заслон, батальон со всеми приданными ему средствами усиления — пушками, танками, минометами — вышел к переправам и занял оборону по обоим берегам реки. В сумерках подошли первые колонны противника с обозами. Сильным огнем из всех видов оружия батальон заставил врага отойти и занять оборону. Завязался затяжной бой. Атаки противника следовали одна за другой. Их поддерживал огонь минометов и пушек. По атакующим прямой наводкой били наши орудия. Первые колонны гитлеровцев отступили, но через некоторое время подошли другие — и опять атака, еще более массивная. У батальона кончались боеприпасы. На левом фланге завязалась рукопашная...

И тут подоспели главные силы 182-го полка. Они ударили во фланг и в тыл немцам. Вражеские колонны рассыпались. Побросав технику, оставшиеся в живых гитлеровцы пытались скрыться, многие из них подняли руки.

А на следующий день — это был пятый день наступления — передовые подразделения 62-й гвардейской стрелковой дивизии в районе Котовского встретились с подвижными частями 3-го Украинского фронта. Кольцо вокруг окруженной вражеской группировки замкнулось.

В воздух взвилась белая ракета, возвещавшая встречу войск двух фронтов. Солдаты и офицеры обнимались, обменивались разными сувенирами. Возник стихийный митинг. Воины от имени своей части, от имени фронта поздравляли соседний фронт с победой.

Половину дела мы сделали — окружили противника. Но он не собирался сдаваться, его надо было принудить к этому или уничтожить.

В тот же день без всякой паузы, если не считать момента встречи и митинга, первый этап операции — окружение — перерос во второй — ликвидацию окруженной группировки.

Повернув фронт, 62-я гвардейская повела наступление с целью расчлениить и окончательно разгромить вражескую группировку. К вечеру 25 августа начали подходить основные силы пехоты и артиллерии 52-й армии. Четкость, оперативность управления войсками со стороны генерал-лейтенанта К. А. Коротеева и его штаба поражали.

Да, это было уже другое время. Частям и соединениям не приходилось больше по нескольку дней сдерживать натиск превосходящих сил врага в ожидании подкреплений.

Окруженные немецкие и румынские войска занимали площадь примерно 15 на 20 километров. В их руках находился город Хуши. Поняв, что капкан захлопнулся, командование окруженной группировки бросило на прорыв 38-ю пехотную дивизию при поддержке танков и самоходных орудий. Главный удар принял на себя 182-й полк Грозова. Контратака оказалась внезапной. Бойцы еще не успели зарыться в землю. Несколько десятков танков и самоходок вырвались вперед. Шесть танков подбили артиллеристы противотанкового дивизиона, но остальные продолжали движение. В бой вступили еще одиннадцать танков. Их сопровождали два батальона пехоты. Этой группе удалось сбить с занимаемых позиций батальон 182-го полка и ворваться в местечко Леушень, где находился штаб дивизии. Взвод разведроты, взвод охраны и группа офицеров штаба заняли оборону. Под руководством начальника штаба дивизии В. Э. Бисярина они отразили все атаки. Вызванный мною резервный батальон 186-го полка с танками разгромил прорвавшуюся к штабу группу противника.

Угрожающее положение сложилось на правом фланге дивизии, где 184-й полк перерезал дорогу, ведущую из Хуши на запад. Сюда противник бросил на прорыв также до дивизии. Но полк Могилевцева выстоял. Две роты из батальона капитана Борисова прорвались в тыл врага и сорвали его контратаку. Не дав противнику опомниться, 184-й полк стал наступать в направлении Хуши, оттягивая на себя ударные силы врага. Чтобы поддержать полк Могилевцева, я бросил в обход Хуши полк Грозова. Все теперь зависело от быстроты. Успеет ли Грозов ударить по Хуши, пока Могилевцев атакует противника и отражает его контратаки? На помощь Могилевцеву спешили и два батальона 186-го полка.

Между тем уже стемнело. Грозов, воспользовавшись услугами проводников из местного населения, провел полк

глухими лесными тропами и к четырем часам утра вышел к восточной окраине Хуши. В полутора километрах от окраины города, на высотке, он расположил свой НП. В это время к западу от Хуши уже разгорался бой. Немцы все свои силы бросили на боевые порядки полков Могилевцева и Колимбета.

Приняв по радиации мой сигнал к началу атаки, Грозов выпустил ракету, и батальоны, полукольцом охватывая город, бросились вперед. Гитлеровцы заметили их слишком поздно и, отстреливаясь, стали отходить. Первым в Хуши ворвался батальон капитана Данько. Особенно приятно мне было узнать, что в бою за город опять отличился сержант Александр Третьяков. Вдвоем с младшим сержантом Ветлужских они, перебегая от укрытия к укрытию, вели по противнику огонь из автоматов. На пути встретилось длинное здание барачного типа — овощехранилище. Третьяков и Ветлужских подбежали к нему, прижались к стене. Только хотели выглянуть за угол, как из проулка выбежало отделение вражеских солдат. Это было так неожиданно, что стоявший впереди Ветлужских даже не успел нажать на спуск автомата. Первого гитлеровца Третьяков уложил ударом приклада и тотчас дал длинную очередь. Ветлужских также стал стрелять из автомата. В результате — восемь убитых... Остальным удалось скрыться.

И еще один эпизод боя за Хуши порадовал меня. Узнав, что в городе русские, гитлеровцы прекратили попытки прорваться и стали отходить в сторону леса. 186-й полк и два батальона 184-го полка начали преследование (батальон Борисова Могилевцев бросил на Хуши с запада, чтобы помочь Грозову). Роты встретил плотный огонь пулеметов, расположенных в зданиях. Бойцы отделения младшего сержанта Плотникова вдоль забора подобрались к дому, где засели немцы с пулеметом, ворвались в него и забросали врагов гранатами. Затем таким же приступом взяли они и второй дом...

Когда Грозов рассказал мне об этом эпизоде, я с радостью подумал, что и второй Плотников оказался не хуже первого.

— По-моему, — сказал я Грозову, — Плотников заслуживает третьей лычки.

— Быть посему, — согласился подполковник. И вскоре стал Плотников сержантом.

...Во второй половине дня 26 августа полки Колимбе-та и Могилевцева преследовали противника, атакуя его заслоны, отрезая пути отхода, уничтожая или забирая в плен отдельные подразделения.

С первого дня наступления батальон Зубалова шел впе-реди. Солдаты валялись с ног от усталости. Все эти шесть дней и ночей слились для них в один почти непрерывный бой. Решив дать батальону передохнуть, Могилевцев к исходу дня вывел его во второй эшелон. В лесу, у дороги, километрах в пятнадцати от Хуши, батальон раскинул свой бивак. Всем, кроме боевого охранения и занятых в наряде, Зубалов приказал спать. Дважды такое приказа-ние на фронте повторять не приходится. Бойцы улеглись кто где стоял. Комбат устроился под кустиком на опушке на «шикарной» постели из веток и листьев, сооруженной ординарцем, и мгновенно заснул.

На рассвете его растолкал связной из боевого охранения.

— Товарищ майор, фрицы!

— Где? — Мгновение — и комбат был на ногах.

— Да вон из лесу на дорогу выходят.

А Зубалов уже и сам видит: на дорогу выходит ко-лонна гитлеровцев. Послышался гул танков. Раздались автоматные очереди — это обстреляло немцев боевое охра-нение.

— В ружье! — закричал Зубалов.

Боевое охранение заставило залечь передовой отряд немцев. За это время батальон занял оборону. Одна из рот выдвинулась вперед, к дороге. Туда же Зубалов бро-сил и батарею противотанковых пушек. Вдруг из лощины, заглушая все звуки ревом моторов, выскочили десять «тигров». Первым залпом батарея подожгла один танк, но остальные продолжали двигаться на бойцов, залегших у дороги. Те стали отходить под защиту пушек. Зуба-лов послал в роту своего заместителя по строевой части капитана Степанова. Когда капитан добежал до дороги, то увидел, что прямо на него идет вражеский танк. Он был уже метрах в двух. Инстинктивно Степанов подско-чил к нему и ухватился за ствол танковой пушки. В лю-бую минуту немецкие танкисты могли открыть люк и застрелить капитана. Но они не стреляли. Танк шел на батарею. Не стреляли и наши артиллеристы. Метров два-дцать прошла фашистская машина, пока Степанов не

сообразил, что для немецких танкистов он защита, а для наших пушкарей помеха. Появ это, разжал руки и упал на изрытую металлом землю. Артиллеристы тотчас подбили танк. С опушки леса ударила другая батарея. Еще две машины задымили. Остальные попятились, отстреливаясь. Вражеская пехота тоже начала отступать. Зубалов, с двумя ротами успевший зайти во фланг гитлеровцам, атаковал их и после короткой схватки принудил сдаться.

Как же был обрадован комбат, когда после боя к нему подошел капитан Степанов и, тщетно пытаясь отряхнуть пропыленную, пзмазанную мазутом гимнастерку, сказал:

— Вот гады, весь гвардейский вид испортили.

— Ты... тебя... — запинаясь, проговорил комбат. — Мне сказали — ты под танк попал.

— Точно, попал, только между гусеницами. Тут наши боги войны его и зажгли. Смотрю, из нижнего люка лезет один. Я его из пистолета. Остальные сгорели...

Да, чего только не случается на войне...

Колонна, которую остановил батальон Зубалова, оказалась частью пытавшейся прорваться через Леушень дивизии.

— Вот ведь фрицы — и во втором эшелоне достали, — шуточно жаловался потом Зубалов, — так и не дали отдохнуть батальону.

К исходу 27 августа немецкое командование уже потеряло управление войсками. Каждая из вражеских частей действовала на свой страх и риск. Одни складывали оружие, другие прятались в лесах, третьи пытались еще пробиться к своим.

Последнюю попытку вырваться из окружения предприняли 28 августа в районе города Васлуй собравшиеся в многотысячную колонну остатки разных частей с танками и артиллерией. Их встретили полки нашей и 69-й гвардейских дивизий. С наступлением темноты, после огневого налета, немцы двинулись на прорыв. Все это очень напоминало корсунь-шевченковский котел. Гитлеровцы беспорядочной толпой шли под огонь пулеметов, пушек, «катюш». Ни одному из них не удалось пройти.

Несколько в стороне от шоссе, на высоте 273, гвардейцы поставили обелиск с надписью: «Здесь окруженные немцы 28 и 29 августа 1944 года шли лавиной на прорыв. Гвардейцы не пропустили их. 17 000 человек убито, 15 000 захвачено в плен. На этой горе был НП гвардейцев

генерала Фоменко П. И. Слава русскому оружию! Гора Фоменко. 3 сентября 1944 г.».

К 29 августа ликвидация основных сил окруженных войск противника была закончена. Продолжали оказывать сопротивление лишь отдельные группы гитлеровцев. Наши части прочесывали леса, овраги. Тощих и грязных немцев ловили по полям и дорогам, вытаскивали из стогов сена и подвалов. Некоторые шли сдаваться в плен добровольно, держа в руках бумажку, на которой было написано по-немецки или по-русски: «Иду в плен. Где комендант?»

К 4 сентября все было кончено — противник прекратил сопротивление.

В построении воинов чувствовалась праздничность. Там и тут звучали шутки, задорный смех.

А по дорогам двигались бесконечные колонны пленных, по обочинам стояли брошенные и разбитые вражеские танки, самоходки, машины, орудия.

Население молдавских городов и сел радостно встречало нас. Когда 182-й полк вступил в село Шендерени, все его жители высыпали на улицу. Они приветствовали бойцов, одаривали их яблоками. И вдруг слышали солдаты голос мальчика лет двенадцати:

— У меня немцы убили маму и папу! Отомстите фашистам, дяденьки красноармейцы!

И сразу притихло все. И оборвался смех. И посуровели солдатские лица. Сколько еще таких осиротевших мальчиков встретится нам на пути?.. А он еще велик, этот путь. Путь освободителей Европы...

Торжественным был переход наших войск через Государственную границу СССР с Румынией — реку Прут.

Советская земля освобождена! Мы идем на запад громить, добивать врага! На стихийно возникающих митингах в горячих, волнующих словах воины выражали свою гордость за Родину, за Красную Армию. Пад колоннами, проходившими по мостам, через которые несколько дней назад батальон Данько не пропустил врага, гремело мощное «Ура!». Многие части переходили границу с развернутыми знаменами. Командиры стояли на возвышенности и приветствовали гвардейцев.

А в это время основные силы 2-го и 3-го Украинских фронтов находились уже в сотнях километров от границы Советского Союза. 27 августа пали Фокшаны, Измаил, Галац, 30 августа — Плоешти.

За неделю до этого в Бухаресте вспыхнуло антифашистское народное восстание, и 31 августа в освобожденный патриотическими силами Бухарест вступили 6-я танковая армия генерала А. Г. Кравченко и 53-я армия генерала И. М. Мапагарова вместе с 1-й румынской добровольческой дивизией имени Тудора Владимиреску. В марте 1945 года румынские трудящиеся сбросили реакционное правительство, и страна повернула оружие против своего истинного врага — германского фашизма.

Всего восемь до предела накаленных дней длилась Яско-Кишиневская операция. Гвардейцы 62-й стрелковой дивизии проявили в ней истинное мужество и стойкость. Урон, нанесенный противнику дивизией, был велик.

За отвагу, проявленную в ходе Яско-Кишиневской операции, более тысячи солдат и офицеров дивизии были награждены орденами и медалями. Дважды Москва салютовала гвардейцам за отличные боевые действия.

И еще один радостный итог. На знамени дивизии появился третий орден — орден Суворова. Теперь ее полное наименование звучало так: 62-я гвардейская Краснознаменная, орденов Суворова и Богдана Хмельницкого Звенигородская стрелковая дивизия.

В БОЯХ ЗА ВЕНГРИЮ

После завершения Яско-Кишиневской операции наша дивизия в составе 21-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта П. И. Фоменко возвратилась в свою 4-ю гвардейскую армию, которая находилась в резерве Ставки Верховного Главнокомандования.

И вот уже два месяца мы стоим близ города Луцка. Получаем пополнение и новую технику, учим людей, учимся сами.

Чудесная это была осень. Ало-золотой, с темными пятнами хвои убор лесов виднелся на окрестных холмах. Глубокий тыл, тишина, ни грохота залпов, ни пулеметной трескотни. Казалось бы, можно расслабиться, почувствовать себя в безопасности. Но такого чувства не испытывали ни офицеры, ни солдаты. Тишина таила угрозу. В лесах бродили банды бандеровцев. В начале года в этих местах от их пуль погиб выдающийся советский военачальник, командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии П. Ф. Ватутин. Бандеровцы вырезали целые семьи колхозников, убивали военнослужащих. В целях безопасности солдатам и офицерам вне расположения части разрешалось ходить только группами и с оружием.

Несмотря на это, дивизия жила обычной тыловой жизнью. Проводились штабные и тактические учения, солдаты-новобранцы проходили воинскую науку.

В один из погожих сентябрьских вечеров, когда я чаевничал у себя на квартире, вошел улыбающийся адъютант.

— Ты чего? — не понял я.

— Входите, — пригласил он кого-то, находившегося за дверью.

На пороге появился подполковник Михаил Дмитриевич Новиков, командир артиллерийского полка, раненный весной на подступах к Днестру.

Вытянулся, козырнул:

— Прибыл после излечения в госпитале для прохождения дальнейшей службы.

Такой же, как и прежде, — скуластый, широколицый здоровяк. Я встал, обнял его:

— О службе потом, садись за стол.

Просидели до полуночи, вспоминая былое.

...Пока мы находились в резерве, наш 2-й Украинский фронт через Румынию вышел к границам Венгрии и Югославии. Южнее, по румынско-югославской границе, развернул свои войска 3-й Украинский фронт.

Наблюдая за делами своих товарищей, мы приходили к выводу, что впереди — большая битва за Венгрию, за ее столицу Будапешт. И, скорее всего, в этой битве нам предстоит принять участие. Так оно и случилось.

Утром 20 октября, когда я просматривал какие-то ведомости, вошел начальник штаба Бисярин и подал мне приказ генерал-лейтенанта Фоменко, в котором говорилось, что 62-я гвардейская дивизия в составе 21-го стрелкового корпуса 4-й гвардейской армии перебрасывается по железной дороге в Румынию.

Прочитав приказ, я поднял взгляд на Бисярина:

— Значит, опять в бой, начштаба?

— Да, чувствую, на какое-нибудь горяченькое дельце, — ответил Бисярин и добавил с улыбкой: — Впрочем, на то мы и гвардейцы.

Поезда тогда ходили медленно, потому что разрушенные пути восстанавливались на скорую руку — лишь бы поскорее открыть движение, — и их часто приходилось чинить. Переезд в район боевых действий, в западную Румынию, занял больше двух недель. Последний эшелон выгрузился на станции Тимишоара 18 ноября. Здесь мы долго не задержались. Скрытно совершив двухсоткилометровый марш, передовые части дивизии 24 ноября заняли оборону на левом берегу Дуная, на участке западнее города Сомбор. Теперь 4-я гвардейская армия вошла в состав 3-го Украинского фронта, а командовать ею с 28 октября стал генерал армии Г. Ф. Захаров. Когда мы получили предписание занять оборону по восточному берегу Дуная, Бисярин заметил:

— Судя по всему, нам опять предстоит преодолевать крупную водную преграду.

— Да, — согласился начальник политотдела Сапич, — для этого не надо быть пророком.

На следующий день, после того как дивизия размести-
лась в готовых траншеях, сменив отведенную в тыл для
пополнения часть, меня, Бисярина и Санина вызвали на
командный пункт корпуса.

Генерал-лейтенант Фоменко встретил нас, как всегда,
приветливо, крепко пожал руки и весело сказал:

— Ну, друзья мои, ваше время настало, с чем и по-
здравляю. Прошу всех к карте. Получено подтверждение,
что наша армия передана Ставкой Третьему Украинскому
фронту Маршала Советского Союза Ф. И. Толбухина. Про-
тивник перед Вторым и Третьим Украинскими фронтами
занимает вот этот рубеж...

Коротенькая, с острым концом указка, которую Фо-
менко держал в руке, скользнула вдоль синей линии от
Мукачево к правому берегу Тисы, затем на юг, к Дунаю.
Потом опустилась до города Байя и двинулась дальше по
берегу Дуная. Дойдя до города Мохач, где Дунай пово-
рачивал на юго-восток, указка оторвалась от голубой ли-
нии и прошла на юг, к реке Драва.

— Обратите внимание, товарищи. — Фоменко опустил
указку. — Часть войск Второго Украинского фронта уже
вышла на подступы к Будапешту. Южнее соединения
нашего фронта форсировали Дунай и овладели плацдар-
мом. Ближайшая задача состоит в том, чтобы захватить
еще несколько плацдармов, расширить их и соединить в
один, то есть овладеть на правом берегу пространством,
достаточным для маневрирования крупными силами. А по-
том — на Будапешт...

По дороге в штаб дивизии мы обсуждали услышанное
от Фоменко, прикидывали, как преодолеть «дунайские вол-
ны». Перед фронтом армии противник не имел больших
сил: две пехотные дивизии, из которых одна венгерская,
части флотилии, подразделения пограничников и учебно-
го полка.

— А знаете, почему немцы здесь держат мало войск?
Потому что, как и на Днепре, мечтают отсидеться за ши-
рокой рекой, думают — нам не под силу с ходу форсиро-
вать ее, — предположил Санин.

Начальник политотдела был прав, но только частично.
Небольшое количество войск на нашем участке объясня-
лось еще и тем, что несколько дивизий отсюда немецко-
му командованию пришлось перебросить против нашего
правого соседа — 57-й армии генерал-лейтенанта М. Н. Ша-
рохина. Прежде он командовал 37-й армией, в составе ко-

торой 62-я гвардейская форсировала Днепр. Теперь армия Шарохина уже перешагнула Дунай и вышла к Будапешту.

Когда мы прибыли в расположение дивизии, я сразу прошел на свой наблюдательный пункт. Стоял конец ноября, и, хотя в Венгрии климат помягче, чем под Москвой, шинель даже на НП снимать не хотелось. Я прикинул к окулярам стереотрубы. Передо мною простирался левый берег Дуная, поросший кустарником. За широким Дунаем виднелся высокий правый берег.

По разведанным, полученным от части, стоявшей тут до нас, оборона противника в инженерном отношении здесь была слабовата. Окопы и траншеи полного профиля имелись только в местах, удобных для форсирования. Там же немцы установили проволочные заграждения и минные поля. По всему правому берегу на этом участке было равномерно распределено до двухсот пятидесяти минометов и орудий.

«Оборона у противника слабовата, это верно, — думал я, — но и преимуществ немало. Позиции на высоком берегу, перед ними полуторакилометровая водная гладь, низкий противоположный берег. Немцы могут держать под обстрелом не только реку, но и подходы к ней. Форсировать мы форсируем, но во сколько жизней это обойдется, даже если преодолеем реку ночью, — вот вопрос...»

Выручил дивизию капитан Пупков. Когда его батальон расположился в окопах, он приказал наблюдателям внимательно следить за правым берегом и докладывать ему о всяком замеченном движении. Однако прошло полдня, а немцы не проявляли никаких признаков жизни. Тогда капитан, рискуя получить пулю из крупнокалиберного пулемета, приблизился к самой кромке воды и медленными шагами прошелся вдоль берега. Враг молчал. Ни выстрела, ни звука.

— Повезло вам, товарищ гвардии капитан, — сказал один из солдат, когда Пупков вернулся в траншею. — Видно, какие-то дохлые фрицы сидят на том берегу.

— Они дохлые, а мы дошлые, и это дело выясним, — весело ответил капитан.

О его решении организовать разведку на том берегу командир полка доложил мне. Получив «добро», капитан Пупков развил бурную деятельность. Посланные в разные стороны по берегу солдаты нашли старую дырявую лодку без весел. Отыскивались специалисты, которые с по-

мощью тряпок и смолы заделали дыры. Из многих бойцов, пожелавших пойти в разведку, капитан отобрал четверых во главе с сержантом Ивановым (это был второй сержант Иванов, которого я узнал за годы войны).

К утру все было готово. Вместо весел приспособили лопаты. На носу лодки установили ручной пулемет.

Когда рассвело и над водой стал подниматься туман, комбат Пупков проводил отважную четверку.

Иванов сидел за пулеметом. Остальные трое гребли. Лодку сносило сильным течением, гребцы вспотели, без усталости работая лопатами. Иванов понимал, что группа идет на большой риск. Скорее всего немцы и к берегу не подпустят: заметят лодку, врежут очередь. Но сержант был спокоен. Он столько раз бил фашистов, видел их поверженными, что не испытывал страха перед ними.

Вот из тумана темной глыбой стал наплывать обрывистый правый берег. Бойцы еле шевелят лопатами, чтобы нечаянным всплеском не нарушить тишину. Лодка ткнулась в песок. Ребята бесшумно вылезли из нее, вытащили наполовину из воды, чтобы не унесло.

Первым с ручным пулеметом взобрался на обрыв сержант Иванов, за ним — остальные. У самого края обрыва бруствер траншеи. Иванов чуть приподнялся, заглянул за него — в траншее пусто, — призывно махнул бойцам рукой. Перевалил через бруствер. На дне траншеи увидел кучи стреляных гильз, пулеметные ленты, пустые коробки, окурки сигарет. И все это брошено будто сию минуту. Когда все собрались, шепотом сказал:

— След-то зверя свеженький, значит, и сам где-то близко.

Решили вести разведку дальше. Прошли траншеей около километра, затем она свернула в глубину обороны, в лесок. Прошли еще метров двести — никого. Но издали, из-за леса, ветер донес немецкую речь, гул моторов. Вернулись к лодке, обсудили увиденное. Непонятное что-то. Непохоже, чтобы дисциплинированные немецкие солдаты вот так ни с того ни с сего бросили передовую, даже не выставив наблюдателей. Потом догадались: гитлеровцы, видно, были уверены, что форсировать Дунай русские осмелятся только в ночное время. Значит, в траншеях они сидят лишь ночью, а с рассветом уходят в соседнее село. Оставили траншею, наверное, как раз перед появлением разведчиков. Что же из всего этого следует?

А то, что форсировать Дунай надо не ночью, а именно сейчас.

Вернувшись на левый берег, Иванов обо всем подробно доложил комбату. Когда мне сообщили о результатах разведки, я приказал немедленно форсировать Дунай сначала батальону Пупкова, а затем и всему полку Могилевцева. Переправлялись на поптонах, на плотках. Оба берега связал телефонный провод, и вскоре мы услышали голос Пупкова:

— Плацдарм занят. Будем держаться до подхода главных сил.

Главные силы не заставили себя долго ждать. Сутки спустя на плацдарме уже находилось две трети личного состава дивизии, действовало около сотни орудий и пулеметов. Одновременно с нами на правый берег переправилась 41-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора К. Н. Цветкова. В тот же день, 26 ноября, во взаимодействии с нею части 62-й гвардейской стрелковой дивизии, прорвав оборону противника, овладели городом Мохач. К вечеру подошли корабли Дунайской военной флотилии контр-адмирала Г. Н. Холостякова. На следующий день они с реки, а обе дивизии с суши атаковали город Батажок и овладели им.

Немцы спешно подтянули к району прорыва несколько эсэсовских частей, дивизионы самоходных орудий и с ходу контратаковали наши боевые порядки. Некоторым подразделениям пришлось отойти из-за нехватки артиллерии и танков. Но когда техника подошла, немцы были снова отброшены. Отдельные населенные пункты переходили из рук в руки по нескольку раз. В то время как 62-я и 41-я дивизии отбивали контратаки врага, на плацдарм переправлялись основные силы 4-й гвардейской армии. Под ударами бронетанковых, артиллерийских и пехотных соединений противник начал отступать. Навстречу нам вдоль Дуная двигались части 57-й армии генерал-лейтенанта М. Н. Шарохина. Вскоре наши плацдармы соединились. Немецкое командование бросило на помощь своим войскам две венгерские дивизии, но это не задержало нашего наступления.

Погода испортилась. Пошли затяжные дожди. Венгерская равнина набухла влагой, полевые дороги превратились в малопроезжие канавы, наполненные жидкой грязью. И все же дивизия наступала. Впереди шли испытанные в боях батальоны Данько, Зубалова, Пупкова. Они

перехватывали пути отхода гитлеровцев, били их с тыла, уничтожали или принуждали к сдаче.

В начале декабря опять отличился батальон гвардии капитана Пупкова. Его передовая рота, миновав маленькую деревушку, вышла вечером к развилке дорог. Боевое охранение наткнулось на бункер, где засел немецкий дозор. Гитлеровцы было открыли огонь, но, поняв, что их окружают, сложили оружие. Вскоре подошли главные силы батальона. Капитан Пупков тут же, на месте, допросил пленных: знал немного немецкий. Фашисты рассказали, что командир крупной отступающей колонны, у которой имелась артиллерия, послал их вперед, чтобы обезопасить путь отхода. Пупков, не мешкая, развернул батальон в боевой порядок и выслал разведку в том направлении, откуда, по словам пленных, должны были появиться отступающие. Вскоре разведчики вернулись и доложили: действительно, к перекрестку движется колонна, в темноте численность ее установить не удалось.

Через некоторое время послышался шум моторов, чавкающие шаги. Из ночной мглы черной змеей выползала колонна.

Подпустив ее достаточно близко, Пупков ракетой дал сигнал открыть огонь из всех видов оружия. Первые шеренги гитлеровцев сразу же были уничтожены. Остальные развернулись в цепь, залегли. Завязался огневой бой.

Но задерживаться у перекрестка надолго гитлеровцы не могли. Вот-вот их настигнут наши войска. По неглубокой лощине, что уходила от дороги в сторону, они двинулись в обход батальона. Шли густой толпой, быстро. Об этом сообщили Пупкову бойцы флангового прикрытия. Тотчас весь огонь минометов и артиллерии капитан приказал перенести на лощину. Потом бойцы рассказывали ему: когда в середине стиснутой склонами лощины колонны начали рваться снаряды и мины, немцы с криками кинулись кто обратно, кто по склону наверх. Тут они падали, скошенные огнем наших пулеметов.

У командира вражеской колонны остался один выход — прорваться. И гитлеровцы, строча из автоматов, густыми цепями пошли на боевые порядки батальона. Пулеметным, автоматным, артиллерийским огнем в упор расстреливали их гвардейцы. Не выдержали фашисты: сперва залегли, потом начали отходить, а вскоре в панике побежали. Роты поднялись в атаку. Гитлеровцы, поняв, что сопротивляться бесполезно, побросали оружие и подняли

руки. Сдались в плен триста двадцать солдат и офицеров. Батальон захватил несколько автомашин и орудий.

Бой длился с вечера до утра. Когда подошли главные силы полка, Пупков сдал штабу пленных и двинулся дальше.

Очень много работы в этот период было у разведчиков. Они входили в села и города, еще занятые врагом, вступали в бой с противником в его тылу, проявляя при этом отвагу и незаурядное воинское мастерство.

Разведчиком стал и бывший «выпускник» учебного батальона младший сержант Григорий Лавка. Я хорошо запомнил его по беседам, которые проводил с курсантами. Был он любознательным, любил поспорить, и казался мне наивным юнцом. Случалось ему бывать в разведке, добывать «языков». Когда Григорий отличился в боях под Яс-сами, Кустов взял его в свое «заведование».

В начале декабря, двигаясь на северо-запад в обход Будапешта, дивизия приближалась к городу Тамаши. Требовалось найти выгоднейшие пути для охвата немецких частей, прикрывавших его. Нужен был «язык».

Семеро разведчиков во главе с младшим сержантом Григорием Лавкой с наступлением темноты отправились на это задание. Благополучно миновав немецкие позиции, пробрались в деревню. Местность незнакомая. В темноте вполне можно столкнуться с патрулем, на вопрос которого о пароле придется ответить автоматной очередью, и тогда задание не будет выполнено. Шли гуськом. Около одного дома в тусклом свете, падавшем из окон, увидели полевою кухню.

— Синько со мной, остальным оцепить дом, — шепотом приказал Григорий.

Дверь оказалась незапертой. Двое немецких солдат, находившихся в доме, вскрикнуть не успели, как уже лежали на полу со связанными руками. Заткнув им рты кляпом, Лавка и Синько вышли с ними на улицу. Разведчики уже хотели двинуться обратно, как вдруг услышали приближающиеся голоса и заметили огоньки трех папирос.

— Возьмем и этих, — шепнул разведчикам Лавка.

Вместе с двумя пленными они притаились за углом дома. Как только немцы поравнялись с ними, двое разведчиков бросились на фашистов, отработанными приемами положили их на землю и скрутили руки.

Можно бы и уходить, но Лавка решил поступить иначе. Разведчик Панов неплохо владел немецким языком, и младший сержант приказал ему, пока пленные не опомнились, допросить их, попытаться узнать, много ли в деревне солдат, как лучше миновать заставы и, наконец, на всякий случай пароль.

Отвели немцев в сарай, что стоял в глубине двора, и все выяснили. Один из пленных сообщил, что в крайнем доме стоит много солдат.

— Вот что сделаем. — сказал Лавка разведчикам. — Вы с фрицами возвращайтесь тем же путем, а мы с Синько устроим тут фейерверк, отвлечем внимание патрулей и часовых. Подождете нас в овраге. Только оставьте нам еще тройку гранат.

Группа с пленными скрылась в темноте. Лавка и Синько стояли, прижавшись к стене дома, прислушивались. Все было тихо. Судя по времени, группа уже миновала деревню.

— Пошли, — Лавка тронул товарища за плечо.

Подкрались к указанному дому. У дверей стоял часовой. Лавка вскинул автомат и дал очередь. Часовой скатился с крыльца. Почти в ту же секунду в окна дома полетели одна за другой гранаты.

Лавка и Синько побежали прочь, прижимаясь к забору. Отблески начавшегося пожара осветили улицу. Позади слышались крики, поднялась беспорядочная стрельба.

В условленном месте разведчики нашли своих товарищей. Пользуясь суматохой в деревне, они благополучно миновали вражеские позиции и доставили в штаб Грозова пятаках «языков» вместо одного.

Когда через сутки мы овладели деревней, то узнали, что устроенный Гришей Лавкой «фейерверк» обошелся гитлеровцам в двадцать убитых и тяжелораненых. За отважные действия в разведке Лавка получил орден Славы III степени. А к Дню Победы его грудь украшали уже девять наград.

После окончания Великой Отечественной войны Григорий Михайлович Лавка демобилизовался и вернулся к себе на родину, в Луганскую область. Работал в аппарате райкома партии, а потом коммунисты района избрали его секретарем райкома. Он окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС и заочно педагогический институт. Так же доблестно, как воевал, трудится Григорий Михайлович в мирные дни.

Основываясь на показаниях «языков», захваченных разведчиками, батальоны 182-го полка совершили быстрый обходный маневр и в районе города Тамаши окружили и заставили сложить оружие вражеский артиллерийский полк. В этом бою особенно отличился вернувшийся в дивизию после ранения гвардии подполковник М. Д. Новиков. Артиллерийский полк, которым он умело командовал, в первый же час боя подавил огневые средства противника.

С ходу форсировав капал Канош, 62-я гвардейская овладела городом Тамаши и, не останавливаясь, пошла дальше.

Нашей 4-й гвардейской армии предстояло прорвать рубеж обороны противника между озерами Балатон и Веленце, так называемую линию Маргариты. Прорыв этого рубежа позволял нам выйти к Будапешту с запада, а также развивать наступление на Братиславу и Вену. Поэтому гитлеровцы прилагали все усилия, чтобы сдержать натиск частей нашей гвардейской армии. Под городом Шимонторнья (60 километров от Будапешта, 30 — от линии обороны Балатон, Веленце) гитлеровцы в течение одного дня предприняли двенадцать контратак против нашей и соседней дивизий. Все контратаки мы отбили, сопротивление врага было сломлено. Соединения армии овладели городами Цеце и Эньинг.

Стремительное продвижение 4-й гвардейской армии ставило гитлеровские войска под угрозу окружения. Поэтому им приходилось поспешно отходить, выравнивая линию фронта, без боя оставлять венгерские города и деревни. В течение 7—8 декабря мы продвинулись вперед на 20—26 километров.

Перепуганное быстрым продвижением наших войск в обход Будапешта с юга, немецкое командование бросило против 4-й гвардейской армии две танковые дивизии и несколько пехотных соединений. На отдельных участках наши части взломали наспех созданную оборону противника, но, ослабленные непрерывными боями на стокилометровом пути, пройденном за две недели от места форсирования Дуная, не сумели добиться решающих успехов и с 10 декабря закрепились на занятых позициях.

Озера Балатон и Веленце вместе с перешейком между ними, который пересекала линия Маргариты, представляли собой выгодный оборонительный рубеж длиной сто де-

сять километров, обращенный фронтом на юго-восток. Чтобы обойти Будапешт с запада, для наших войск не оставалось иного пути, как прорваться через перешеек между озерами.

Линия Маргариты состояла из двух оборонительных полос. При этом первая полоса имела две позиции — сплошную сеть траншей на глубину до восьми километров. Вторая полоса опиралась на сильно укрепленный узел обороны — город Секешфехервар. Как выяснилось впоследствии, имелась еще и третья полоса, отстоявшая от второй на десять — пятнадцать километров.

Подступы к линии Маргариты были затруднены сетью каналов и водохранилищ, которые вследствие мягкой для здешних мест зимы не замерзли и в декабре. А это грозило разными неожиданностями. В районе Балатонфекаяр одна из наших рот выбила фашистов из траншеи. А четверть часа спустя в траншею хлынула вода, и ее пришлось покинуть. Оказывается, траншея соединялась с каналом и, отойдя, гитлеровцы открыли шлюзы.

После того как разведка установила все основные данные о немецкой обороне на перешейке, стало ясно, что с ходу ее не прорвать. Танковый корпус, который за день до того командующий армией Г. Ф. Захаров намеревался ввести в бой, остался на исходных рубежах.

Все мы понимали: долго стоять в обороне нам нельзя. Армии, подошедшие к Будапешту с востока и юго-востока, ведут кровопролитные бои. Если в ближайшие дни наши войска не выйдут в тыл будапештской группировке, немцы сумеют мобилизовать для обороны новые материальные и людские ресурсы.

Через два-три дня после занятия обороны началась перегруппировка войск. 62-ю гвардейскую дивизию командование перебросило с левого на правый фланг корпуса, и стало ясно, что нас нацеливают на оборонительный узел — город Секешфехервар.

На совещании командиров дивизий, начальников дивизионных штабов и политотделов командир 21-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант Фоменко сказал:

— Согласно решению командующего фронтом наша четвертая гвардейская армия двадцатого декабря переходит в наступление на перешейке между озерами Балатон и Веленце. Главный удар наносит наш корпус. Нам предстоит прорвать линию Маргариты на узком шестикилометровом участке и овладеть городом Секешфехервар. — Он

оглядел присутствующих и уже без всякой официальности продолжил: — Учитывая узость участка, огромную насыщенность его людьми и техникой, небывалую плотность огня, которую мы на нем создадим, я полагаю, выполнить задачу не составит труда. Мы ведь с вами совершали дела и потруднее...

В приподнятом настроении возвращались мы с командного пункта корпуса. Плотность огня на участке прорыва при артподготовке создавалась действительно невиданная — в шестикилометровой полосе будет действовать около тысячи двухсот орудий. Это означало: через каждые пять метров пушка. В идеале каждый залп уничтожал все живое на линии шесть километров. А сколько их, таких залпов, последует с переносом в глубину! Вал огня прокатится через линию Маргариты, нашим пехотным частям останется лишь добивать остатки обороняющихся гитлеровцев.

Пленный венгерский лейтенант впоследствии рассказывал: «Когда началась артподготовка, снаряды ложились один около другого. Позднее налетели русские самолеты. Это был сплошной ад, нельзя было высунуть носа». Да, артподготовка оправдала наши надежды.

До начала наступления оставалось меньше двух суток. Дивизию я построил в два эшелона. Был соблазн все три полка сразу бросить на прорыв, оставив в резерве один батальон, как это я сделал под Яссами, но что-то помешало мне так поступить, словно внутренний голос подсказал: осторожность сейчас не помешает.

И вот уже части первого эшелона заняли исходное положение для атаки. Артиллерия и минометы — на огневых рубежах. Новиков заранее сумел произвести пристрелку, не усиливая привычного для противника режима огня, чтобы не насторожить его.

20 декабря за несколько часов до начала наступления на мой наблюдательный пункт приехала оперативная группа офицеров из приданных корпусу авиационных полков. Их задача состояла в том, чтобы руководить действиями бомбардировщиков и штурмовиков в воздухе.

Секундная стрелка отсчитывает последние, самые томительные минуты. Сотни командиров ждут, когда же последует команда «Вперед!».

Десять часов тридцать минут. Первый раскат артиллерийского залпа... И — да простит меня читатель — опять слышал и видел я такое впервые...

Выпустив по позициям противника семь с половиной тонн снарядов, пушки замолчали. Но слитный грохот взрывов в районе шестикилометровой полосы прорыва все не прекращался. Это работала авиация. Волна за волною шли штурмовики и бомбардировщики. На моем НП офицеры-авиаторы кричали в радиомикрофоны, корректируя удары каждой своей части:

— «Сокол», я «Земля!» Второй квадрат, роцца...

— «Чайка», я Первый. Правее, черт! Бей по лошине, по танкам.

— Костин! Костин! Да подави ж «эрликоны». Снаряд в брюхо захотел?!

Наконец переговоры прекратились — самолеты, отбомбившись, ушли. Двинулись в атаку 182-й и 184-й полки. С НП было видно, как быстро они продвигались вперед. Разрозненные группки гитлеровцев, прикрываясь огнем уцелевших танков, поспешно отступали по направлению к Секешфехервару. А наши пехотинцы уже оставили позади первую траншею противника.

— Здорово идут! Как на учениях, — восхищенно сказал за моей спиной кто-то из офицеров штаба.

Зазуммерил телефон. Первым, как всегда, доложил Грозов:

— Первая траншея взята.

— Вижу, Михаил Трофимович. Продолжайте.

Доносит Могилевцев:

— Деремся в первой, а Зубалов — во второй.

— Очень хорошо! Будьте готовы к отражению контратак.

Могилевцева приходится предупреждать: он ломит вперед без оглядки, а точно, аккуратно, осмотрительно Грозову такие предупреждения не нужны.

Я был доволен — бой развивался нормально.

Однако последующие доклады Грозова и Могилевцева огорчили меня. Противник ввел в бой резервы — от пяти-сот до шестисот пехотинцев и тридцать — сорок танков. Полковник Палладий вызвал Новикова, приказал приложить все силы для отражения контратак и обеспечить продвижение наших частей. К концу дня поступили утешительные вести: контратаки отбиты, части 62-й гвардейской во взаимодействии с 69-й гвардейской дивизией прорвали оборону противника на всю глубину и подошли к западному пригороду Секешфехервара. А через десять минут опять тревожное сообщение от Грозова: двадцать

танков и до батальона пехоты с высот западнее города атакуют правый фланг полка. И следом донесение Могилевцева:

— Полтора десятка танков и до батальона пехоты, поддерживаемые артогнем, перешли в контратаку на мой левый фланг.

Ясно, немцы хотят прорваться на стыке двух полков.

— Ничего, сейчас мы их остудим, — успокоил Палладий и приказал своим пушкарям весь огонь сосредоточить на стыке полков.

Мощный артиллерийский налет разметал вражескую пехоту, несколько танков загорелось. Контратакующие отступили. Но темп наступления замедлился. Наши атаки противник встречал массированным огнем. Обойти врага не удавалось: он подтянул резервы и закрыл брешь в обороне. Таким образом, прорвав линию Маргариты, обе дивизии корпуса к ночи смогли продвинуться только на семь-восемь километров. Трудно было еще понять: успех это или неудача. Задачу мы вроде бы и выполнили — прорвали оборону гитлеровцев на всю глубину. Однако город Секешфехервар не взяли и не смогли продвинуться дальше, точно перед нами выросла новая линия обороны.

Связался с генералом Фоменко и доложил ему итоги дня. Естественно, похвал от него я не услышал.

— Что предпринимаете, чтобы выполнить задачу? — сухо осведомился командир корпуса.

— Пытаемся захватить высоты западнее города. Здесь ключ к успеху. Пригород расположен на высотах. Захватив его, мы будем хозяевами положения.

— Вот и захватите, и будьте хозяевами. И не позднее завтрашнего утра! — Фоменко в сердцах бросил телефонную трубку.

С утра оба полка первого эшелона возобновили наступление. Но во второй половине дня опять заняли оборону. Противник успел подтянуть и бросить в бой 3-ю танковую дивизию, нацелив ее в стык нашего 21-го и соседнего 20-го стрелковых корпусов. И опять концентрированным огнем артиллерии мы сумели отбить мощную контратаку и спасти положение. К вечеру гвардейцы дивизии, обходя город с севера, нащупывая слабые места в обороне, продвинулись еще на пятнадцать километров. Однако и на этот раз мой доклад не удовлетворил Фоменко.

— Когда возьмете Секешфехервар? Или вы намерены оставить захваченный фашистами город у нас в тылу?

— Завтра брошу второй эшелон и возьму город, — пообещал я.

Но на войне, в бою не всегда складывается все так, как хотелось бы, ибо невозможно со стопроцентной точностью предугадать ответный ход противника.

Второй эшелон дивизии — 186-й полк Колимбета был занят ликвидацией окруженной в районе Левешберень крупной немецкой части. Я надеялся, что к утру, в крайнем случае к полудню, полк справится со своей задачей. Но мои надежды не оправдались — гитлеровцы оказывали упорное сопротивление.

Между тем немецкое командование времени зря не теряло: оно подтягивало все новые и новые дивизии к месту прорыва.

День 22 декабря, как известно, самый короткий в году. В пять часов вечера стало уже темно. Гитлеровцы с наступлением темноты обычно прекращали активные боевые действия. А тут ровно в пять часов вечера двинули на левый фланг дивизии десятки танков и самоходок при поддержке больших сил пехоты. Левый фланг дивизии был одновременно и левым флангом 182-го полка. Противник пошел в контратаку на узком участке. Пришлось перебросить туда большую часть артиллерии. Но чуть позднее немцы атаковали в центре. У полка не доставало сил для отражения контратаки. Грозов позвонил мне, сухо, официально сказал:

— Товарищ командир дивизии, я вынужден с боем отходить. Если полк не отведет, он погибнет, тогда уже некому будет задержать эту стальную лавину. А километра через полтора-два фашисты выдохнутся, и мы снова пойдем вперед.

Грозов был прав. Его отход пока лишь маневр. Теперь я должен непрерывно держать руку на пульсе боя, чтобы не упустить момента, когда маневр может превратиться в отступление.

Едва закончил разговор с Грозовым, позвонил Могилевцев. Он доложил, что в связи с отходом 182-го полка опасается выхода противника себе в тыл и вынужден отвести свой левый фланг. Ну что же, все правильно — нельзя разрывать фронт. Ведь враг только этого и ждет, чтобы устремиться в прорыв. А тут еще эта окруженная в четырех-пяти километрах от передовой немецкая часть, с которой до сих пор не может справиться Колимбет...

Я поехал па НП Грозова. Да, все было именно так, как он предполагал, — гитлеровцы выдыхались...

Когда я сообщил командиру корпуса об отходе левого фланга и частично центра дивизии, он не стал со мною разговаривать, положил трубку.

Я застыл у стола с телефонами. Может быть, мною допущена ошибка? Может, следовало дивизию строить не в два эшелона, а сразу ударить всеми тремя полками? Но что бы это дало? Вражескую часть, которую сейчас добивает 186-й полк, нам нечем было бы локализовать. А противник против трех полков двинул бы соответственно большие силы. И результат — вдвое большие потери...

Нет, эта прямолинейная тактика здесь не оправдала бы себя. Надо маневрировать — вот в чем высшая мудрость военного искусства. Иметь перевес сил в нужном месте и в нужный момент.

Зуммер телефона... Беру трубку. С трудом отключаясь от своих мыслей, стараюсь вникнуть в то, что говорят на другом конце провода. Приказывают немедленно прибыть в штаб корпуса. А до него около девяти километров. В такой напряженный момент оставлять командный пункт? Но что поделаешь — приказ.

— В машину, — сказал я адъютанту, надевая шинель.

В землянке командного пункта корпуса находились несколько человек. Среди них командующий 4-й гвардейской армией Г. Ф. Захаров, член Военного совета армии Д. Т. Шепилов, командир нашего корпуса П. И. Фоменко. Генерал армии Захаров сидел за столом, опустив голову. Губы его были плотно сжаты, и оттого под скулами обозначились желваки. Я доложил и ждал, что будет дальше. Впрочем, что будет, я знал...

— Почему дивизия не наступает? И не только не наступает, но пятится назад? — резко спросил меня командарм.

— Товарищ командующий! Дивизия отражает контратаки пехоты и танков противника. Особенно тяжело приходится сто восемьдесят второму полку. Я только что оттуда, и...

Генерал Захаров прервал меня:

— Ваша дивизия не выполняет задачу, поставленную командиром корпуса, и никакие объяснения не могут служить вам оправданием.

Меня душила обида, и в нарушение всех законов воинской субординации я прервал командующего:

— Товарищ генерал армии, я головой отвечаю за людей, которые отражают сейчас контратаки противника! И своими действиям, как командир дивизии и коммунист, не ищу оправдания.

Командующий армией ничего не возразил мне. Он рассеянно барабанил пальцами по столу. Только сейчас я заметил, как осунулось его лицо, ввалились глаза и под ними появились темные круги. Да, ему, видимо, нелегко.

Вмешался член Военного совета армии Д. Т. Шепилов:

— Товарищ командующий, шестьдесят вторая гвардейская стрелковая дивизия — одна из лучших в армии. Там тридцать семь Героев Советского Союза. Мне думается, она сумеет выправить положение и выполнит поставленную перед ней задачу.

Генерал армии помолчал, насупившись, затем, не взглянув на меня, обратился к Фоменко:

— Пусть командир шестьдесят второй гвардейской дивизии произведет перегруппировку сил и в двадцать три часа перейдет в наступление. Это мое окончательное решение, и я его менять не буду.

Фоменко повернулся ко мне:

— Вам задача ясна, товарищ Мошляк, или я ее должен повторить?

И хотя я понимал, что за два часа произвести перегруппировку сил, принять решение, довести его до подчиненных и перейти в наступление почти невозможно, но мне ничего не оставалось делать, как повторить приказ и, попросив разрешения идти, удалиться.

Выйдя из землянки на холод, я почувствовал, что щеки мои пылают, обзда захлестывала меня волной, мешала сосредоточиться. В голову лезли дурацкие мысли — пустить себе пулю в лоб или выпрыгнуть из машины перед боевыми порядками полка и с криком «Ура!», как это бывало на Хасане, броситься на врага, увлекая за собою бойцов. Но я понимал, что это нервы. Надо было взять себя в руки. Пока ехали до НП, я успокоился. Ну, получил разнос — бывает...

На НП дивизии мой заместитель полковник Пырялин доложил, что отдельные подразделения 182-го полка отошли на два-три километра, но контратаки врага приостановлены, 184-й полк отразил все контратаки, перешел в наступление и продвинулся вперед на три километра...

— Что у Колиμβета? — нетерпеливо спросил я.

— Завершил уничтожение окруженного противника и находится в трех — пяти километрах от боевых порядков первого эшелона.

Так, 186-й полк освободился. Между полками Грозова и Могилевцева в результате продвижения последнего образовался разрыв. Здесь и следует немедленно ввести в бой полк Колимбета. Правда, делать это ночью рискованно, но выполнять поставленную командующим армией задачу надо, а времени на перегруппировку нет.

Я позвонил Колимбету и приказал ему немедленно форсированным маршем ввести полк в разрыв между 182-м и 184-м полками и развивать наступление. Грозову я никаких распоряжений не давал. Его полк измотан, понес потери, но при этом выполнил немаловажную задачу — уничтожил добрую половину брошенных против него гитлеровцев. Пусть отдохнет. А плоды его работы должны позвать Колимбет и Могилевцев.

В начале пятого от Колимбета пришла весть: ночной атакой окружен и принужден к сдаче артиллерийский полк немцев. Взято в плен 400 солдат и офицеров, 16 орудий. Подразделения, продолжая наступление, вошли в пригород Секешфехервара. Захваченные орудия уже бьют по врагу...

И сразу спало напряжение. Теперь уже стало ясно: решение оставить 186-й полк во втором эшелоне было правильным. Вот он когда пригодился, второй эшелон!

Вскоре поступил доклад от Могилевцева: ночной атакой полк уничтожил противостоящего противника, ворвался на окраину Секешфехервара. Отлично! Теперь надо быстро развивать успех, не дать противнику опомниться и навязать дивизии затяжные уличные бои. Понимавший меня с полуслова Палладий сосредоточил огонь нескольких артдивизионов перед фронтом 184-го полка.

Под утро я доложил командиру корпуса о результатах ночного наступления. Упомянул и про плененный Колимбетом немецкий артиллерийский полк.

— Отлично, товарищ Мошляк, вот так действуйте и впредь, — оживленно ответил Фоменко. — Пленных отправьте на сборный пункт корпуса, а пушки поверните против немцев...

— Уже повернуты, товарищ генерал-лейтенант.

— Ну что же, за выполненные боевой задачи большое вам спасибо.

Через полчаса телефонист снова протянул мне трубку, встревоженно шепнув:

— Командующий...

— Быстров слушает.

— Иван Никонович, — прозвучал голос генерала армии Захарова, — доброе утро! Спасибо вам за выполнение боевой задачи и умелое руководство боем дивизии. Паш с вами вчерашний громкий разговор давайте будем считать ошибочным и забудем его. Так всегда выполняйте поставленную боевую задачу. До свидания, желаю успеха...

При последующих встречах и разговорах по телефону генерал армии Захаров, даже если в моей работе случались заминки, относился ко мне всегда с большим пониманием и тактом.

...В Секешфехерваре продолжались уличные бои. Город защищали три танковые и одна пехотная дивизии немцев, а также две венгерские пехотные дивизии. Однако их части были основательно потрепаны в боях. Полки Могилевцева и Колимбета быстро продвигались к центру города. 23 декабря 1944 года Секешфехервар был освобожден.

Во вражеской обороне образовалась брешь, и наше командование тотчас ввело в нее подвижные соединения. Они успешно продвигались на север к Дунаю, громя тылы и перерезая коммуникации будапештской группировки противника.

26 декабря наши войска вышли на южный берег Дуная в районе города Эстергом. Окружение будапештской группировки противника завершилось.

Следом за подвижными соединениями, расширяя полосу прорыва, двигалась вся 4-я гвардейская армия.

Резко изменился характер ландшафта. Куда девалась равнина, пересеченная каналами? Перед нами выросли возвышенности горно-лесистого массива Вертеш. В течение трех дней войска армии выбили противника из этого района.

Новый, 1945 год дивизия встретила в боях. От всех других этот день отличался только тем, что личному составу выдали паек по праздничной норме.

Около полудня 31 декабря меня, Санина, Бисярина и Кустова срочно вызвал командир корпуса Фоменко. Едва мы вошли в землянку, где размещался его КП, как он пригласил нас подойти к развешанной на стене карте. Там

уже стояли командир 41-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Цветков и офицеры его штаба.

Фоменко взял знакомую нам коротенькую указку и показал ею город Бичке.

— Здесь от внешнего фронта окружения противника до Будапешта кратчайшее расстояние — всего двадцать километров, — сказал он. — В районе Бичке немцы сосредотачивают ударную группировку, которой предписывается прорваться к Будапешту, деблокировать окруженные войска и отстоять город. Распоряжением командующего армией наш, двадцать первый и двадцатый гвардейские стрелковые корпуса перебрасываются в этот район и занимают жесткую оборону. Задача — не допустить прорыва противника к Будапешту.

Командир корпуса указал мне и генерал-майору Цветкову полосы обороны наших дивизий.

— Перегруппировку необходимо начать немедленно, — продолжал Фоменко. — Завтра к восьми ноль-ноль передовые части дивизий уже должны занять оборону в указанных районах. Туда же придут средства усиления. Вопросы есть?

Ни у меня, ни у Цветкова, ни у работников штаба вопросов не было.

Лишь только мы вернулись в штаб дивизии, я вызвал Грозова и приказал 182-му полку немедленно выступить в район Бичке и готовить там оборону. Следом двинулся полк Могилевцева, замыкающим был полк Колимбета.

Полковника Пырялина я оставил проследить за своевременным выступлением 184-го и 186-го полков, а сам с Кустовым, Саниным и Бисяриным в сопровождении группы офицеров штаба и охраны поехал вперед, чтобы заблаговременно познакомиться с полосой обороны.

Новый, 1945 год застал нас в пути. За окном машины сумрачно белела припорошенная снегом земля, заснеженные ветви деревьев навевали воспоминание о новогодней елке.

— Пора, — сказал Кустов.

Я взглянул на часы: без трех минут двенадцать. Велел шоферу остановить машину. Бисярин достал из сумки бутылку коньяку. Наполнили пластмассовые стопки, мне плеснули на донышко легкого венгерского вина. Вся жизнь в рот не брал спиртного, но, как выразился Ку-

стов, не разбивать же компанию. Начальник политотдела Санин произнес тост:

— За Новый год, товарищи! За то, чтобы он стал последним годом войны, годом нашей окончательной победы, годом полного краха фашистской Германии!

Выпили. Закусили американским беконом.

— Трогай, — сказал я шоферу.

Наступил 1945 год...

Полки 62-й гвардейской дивизии в срок вышли в назначенные районы, где требовалось создать оборону. Днем и ночью копали бойцы траншеи, устраивали пулеметные гнезда, артиллеристы оборудовали огневые позиции. Работа затрудинаясь тем, что противник постоянно обстреливал нас из минометов и орудий. Мерзлая земля поддавалась с трудом. А надо было торопиться. Противник вот-вот сколотит ударную группировку и двинет ее на нас. Счет шел на часы. Личный состав дивизии работал без отдыха. И все же закончить оборонительные сооружения нам не удалось.

В восемь часов утра 3 января немцы открыли по нашим позициям ураганный огонь, затем двинулись в наступление.

Опять главный удар принял на себя 182-й полк Грозова, наиболее пострадавший в предыдущих боях.

Семнадцать танков «тигр» и самоходок ринулись на позиции части. Бронебойщики и артиллеристы остановили пять танков и самоходок. И все же кое-где противнику удалось прорваться через наши боевые порядки. В траншеях завязалась рукопашная. Но силы были неравные, и подразделениям полка пришлось с боем отступить.

Позвонил Грозов.

— Товарищ Первый, пехота и танки врага прорвались к моему штабу. Занимаю круговую оборону, принимаю бой...

Как помочь Грозову? Бросить резервный батальон? В первые же часы боя? Нет, не годится. Связался с Могилицевым:

— Что у вас?

— Противник атаковал полком пехоты с пятнадцатью танками, прорвал оборону по дороге на Бичке. Тут их Новиков накрыл, с фланга... Бежали, оставив пять танков, а уж сколько пехоты полегло, не знаю, не считал...

Звоню Новикову:

— Немедленно два дивизиона к штабу сто восемьдесят второго полка — Грозов со штабом ведет бой в окрестности.

Два дивизиона подоспели вовремя. Артиллеристы, с ходу развернув орудия, ударили по танкам, углубившимся в тыл, и по пехоте, окружившей штаб. Немцы, потеряв несколько машин, начали пятиться, и тут их с флангов атаковали батальоны Зубалова и Борисова. Враг поспешно отступил на исходный рубеж.

Отбил атаку и 186-й полк. Однако опыт подсказывал, что отбитая первая атака только начало настоящего боя.

И верно, в середине дня противник усилил натиск. Теперь только на один левофланговый батальон Борисова ринулись двадцать танков с пехотой. Батальону пришлось отступить на километр. Но тут гитлеровцев встретил массивным огнем противотанковый дивизион. Дальше они продвинуться не смогли. Вражеская пехота начала окапываться. К наступлению темноты немцам удалось отвоевать от пятисот до тысячи метров изрытой снарядами земли. Это стоило фашистам около тридцати боевых машин. Только перед 186-м полком дымились десять сожженных танков.

На следующий день противник возобновил атаки. Теперь на боевые порядки дивизии двинулись полсотни танков и около тысячи пехотинцев. Их поддерживали огнем не меньше десяти артиллерийских и минометных батарей. Немцы наступали клином, пытаясь рассечь дивизию надвое. Впереди, образуя острие клина, шли танки и самоходки. Они вели огонь с ходу и с коротких остановок.

Основная масса вражеских войск наступала на позиции 182-го и 184-го полков и одной из бригад 1-го гвардейского механизированного корпуса генерал-лейтенанта И. Н. Русянова.

По всему четырехкилометровому участку фронта наша артиллерия, подведенная к боевым порядкам пехоты, завязала огневую дуэль с танками и самоходками противника. Грохот стоял невероятный. Черные облака дыма и пыли застилали поле боя. Одни только оранжевые вспышки взрывов пробивались сквозь эту завесу.

В тех боях генерал Фоменко показал себя великолепным военачальником. Он оперативно реагировал на всякое изменение обстановки, помогал артиллерийскими резервами корпуса. Начиная от меня, командира дивизии, и кон-

чая командиром взвода — все чувствовали его твердую руку. И в этот день, и в последующие выпадали тяжелые моменты. Случалось отходить, терять выгодные позиции. Однако не было случая, чтобы командир корпуса или командующий армией повышали тон. Переговоры были деловыми, лаконичными, что помогало и мне, и штабу дивизии работать с полной отдачей сил...

Во второй половине дня противник получил подкрепление. Немецкие танки и самоходки ворвались на передний край обороны 182-го полка. Под гусеницы вражеских машин полетели граматы. Пулеметчики заставили залечь пехоту, отсекли ее от танков. В этом бою был ранен командир 2-го батальона Герой Советского Союза В. И. Данько, получивший после Яско-Кишиневской операции звание майора. Командование батальоном принял командир роты Герой Советского Союза П. С. Шильдин. Он поднял бойцов в атаку. Немцы не выдержали натиска гвардейцев и побежали. В это время бронейщики расправились с прорвавшимися танками.

В последующие два дня атаки продолжались. На отдельных участках обороны дивизии противнику удалось потеснить наши части, но уже чувствовалось — он выдыхается. У него больше не было средств, чтобы нанести массированный удар по всей полосе обороны дивизии.

Утро 7 января встретило нас тишиной, относительной тишиной, разумеется. Откуда-то слева доносился отдаленный гром артиллерийских залпов. Скоро стало известно: потеряв надежду прорваться к Будапешту на участке 62-й и 41-й гвардейских стрелковых дивизий, немецкое командование изменило направление главного удара. Теперь противник повел наступление южнее — в направлении села Замоль, против 20-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора Н. И. Бирюкова. Гитлеровцам удалось потеснить части 20-го корпуса и овладеть селом. Но вскоре они были остановлены. Вторая попытка немцев соединиться с окруженной Будапештской группировкой провалилась.

В боях с дивизиями 21-го и 20-го гвардейских стрелковых корпусов противник потерял около семидесяти процентов солдат и офицеров своей ударной группировки и до восьмидесяти процентов боевой техники. Гитлеровцы перешли к обороне.

13 февраля войска 2-го и 3-го Украинских фронтов полностью ликвидировали окруженную в районе Буда-

пешта вражескую группировку и овладели столицей Венгрии.

Но немецкое командование не считало битву за Венгрию окончательно проигранной. Потерять Венгрию — значит открыть Красной Армии путь в Австрию, значит лишиться последних нефтяных источников. Сосредоточив в районе северо-западной линии Маргариты две венгерские, немецкие общевойсковую и танковую армии, 6 марта гитлеровцы перешли в контрнаступление. За десять дней боев они прорвали две полосы обороны 3-го Украинского фронта и продвинулись на двадцать — тридцать километров. В ходе этой операции немцы вновь захватили город Секешфехервар.

4-я гвардейская армия нависла над левым флангом гитлеровской группировки. Сюда из-под Бичке был переброшен наш 21-й корпус. Мы закрепились северо-восточнее города Секешфехервар, превращенного гитлеровцами в мощный узел обороны.

Южнее нас, за озером Веленце, войска 3-го Украинского фронта вели ожесточенные оборонительные бои, а на участке 4-й гвардейской армии было тихо.

В последнее время произошли изменения в высшем командном составе армии. Вместо генерала армии Г. Ф. Захарова в командование армией вступил генерал-лейтенант Н. Д. Захватаев, командиром 21-го корпуса стал генерал-майор С. А. Козак.

Изматывая и обескровливая противника, 3-й Украинский фронт одновременно готовился к решающему наступлению, конечной целью которого было взятие столицы Австрии Вены. Если считать по прямой, то от рубежа обороны 62-й гвардейской до Вены — двести километров. Но ведь нам-то предстояло наступать не по прямой...

Когда именно начнется наступление, мы не знали, но, судя по тому, как спешно пополнялась дивизия людьми и боевой техникой, — скоро. Ясность в этот вопрос внес генерал Козак.

Вскоре после вступления в должность командира корпуса он прибыл на мой командный пункт. Генерал оказался деликатным, уравновешенным человеком. Чувствовалась в нем не только военная косточка, но и большая культура.

Выслушав доклад, командир корпуса пожал всем присутствующим руки, мягким жестом пригласил сесть и по-

просил рассказать о противостоящем противнике, его обороне. Тут взгляды всех обратились на Кустова: он наш главный разведчик — ему и карты в руки. По профессиональной привычке все сведения о противнике Кустов держал в голове. Быстро, без запики он доложил о численности неприятеля, о количестве его огневых средств, о глубине обороны, главных опорных пунктах, среди которых самым укрепленным был город Секешфехервар.

— Однажды мы уже брали его приступом, так что дорога нам известна, — пошутил Кустов.

Затем он обратил внимание командира корпуса на необычную деталь. Как правило, немцы держат танковые и моторизованные части в глубине обороны, сейчас они на переднем крае. По мнению Кустова, этот факт свидетельствовал о недоверчивом отношении немцев к венграм, о нежелании венгерских солдат воевать. Гитлеровцы смотрят за венграми в оба глаза. В случае если те устроят массовый переход на нашу сторону или попробуют удрать с позиций — тут их и разделают танками, самоходками, бронетранспортерами. В заключение Кустов показал генералу тщательно вычерченную на ватмане схему обороны врага, расположение его резервов, механизированных и пехотных, артиллерийских батарей и огневых точек.

— Какой давности сведения? — спросил Козак, не отрывая глаз от схемы.

— Сегодняшней давности, товарищ гвардии генерал-майор, — выпалил Кустов и добавил будничным тоном: — Мы стараемся ежедневно обновлять данные, чтобы быть в курсе замыслов противника.

— Отлично. Полагаю, эти данные нам пригодятся. Встреча с противником не за горами.

— Когда, товарищ гвардии генерал-майор, если не секрет? — решил задать вопрос Кустов.

— Сразу, как только южнее Балатопа немцы перейдут к обороне. Судя по всему, это произойдет через два-три дня. У вас, Иван Никонович, полагаю, имеются наметки плана по прорыву обороны противника? — обратился ко мне генерал Козак.

— Так точно.

— Все, кроме командира дивизии и начальника политотдела, могут быть свободны.

Когда мы остались вдвоем, Козак весело сказал:

— За таким печальником разведки вы как за каменной стеной.

— Что верно, то верно, — отозвался я и начал докладывать пометки плана операции.

Наступление началось через два дня — 16 марта. А часа за два до начала, около полудня, у меня на НП появился майор Данько. Вытянулся по стойке «смирно», как-то необычно медленно поднял правую руку к козырьку:

— Товарищ командир дивизии! Разрешите обратиться к вам, как к старшему по инстанции, поскольку от командира полка я на это разрешение получил.

Я был очень занят: уточнял порядок движения полков, график огня в связи с новыми сведениями, полученными разведкой, — но отказать такому заслуженному комбату, как Данько, я не мог.

— Слушаю вас, майор.

— Товарищ командир дивизии! Прошу вас властью старшего начальника отменить решение командира полка подполковника Грозова насчет меня.

Вглядевшись в красивое лицо Данько, я заметил, что оно бледно, а лоб покрыт капельками пота.

— Опустите руку, — сказал я, поскольку Данько все еще продолжал держать ее у козырька.

Когда майор выполнил мою просьбу, я заметил, что правая рука его от запястья до локтя подозрительно толста.

— Давно из госпиталя?

— Час назад.

— Какое же решение относительно вас принял подполковник Грозов?

— Я прибыл после излечения из госпиталя, доложил об этом командиру полка и попросил разрешения принять свой второй батальон. Он не разрешил.

— Мотивы? — спросил я, поглядывая на его руку, которую он теперь старался спрятать за спину.

— Командир полка считает, что я недостаточно здоров, хотя, как мне известно, — Данько саркастически улыбнулся, — медицинского института и даже фельдшерских курсов он не кончал.

Я решил проявить терпимость.

— И я, товарищ майор, не кончал ни медицинского

института, ни фельдшерских курсов, однако вижу, что на правой руке у вас гипс. А командиру батальона, сами знаете, случается и ползать, и стрелять, и действовать в рукопашной...

— Стреляю я, товарищ командир дивизии, с обеих рук павскидку, у меня оба глаза ведущие, выбиваю сорок пять из пятидесяти, хоть из пистолета, хоть из автомата... Да и рука действует. — Дапыко вытянул вперед рапеную руку и несколько раз довольно энергично сжал пальцы в кулак, хотя было видно, что это стоило ему больших усилий. — И ползать рука не помешает, — продолжал он. — А главное, товарищ командир дивизии, Иван Никонович, видели бы вы, как меня солдаты встретили. Я ведь сперва в батальон зашел... Сержант Третьяков обнимать кинулся... Я сам чуть не заплакал, сй-богу... Солдаты обступили, руки жмут, качать было хотели... Галдят дьяволы: «В самый раз угодили, товарищ комбат, с вами мы эту фрицевскую оборону раскидаем к чертям собачьим!..» Как я их могу в такую минуту оставить?

Вот ведь хитрец... Ну что с ним поделаешь? Конечно, солдаты за пим — в огонь и в воду. Шесть орденов на груди, Золотая Звезда Героя, гвардеец что надо. С другой стороны, отменить решение командира полка — тоже не лучший выход.

— Сколько вам лет, Данько?

— Двадцать восемь.

На год меньше, чем мне было на Хасапе. И понимал я его очень хорошо. И разделял его желание — вместе со своими солдатами идти в наступление...

— До атаки два часа. Успеете принять батальон, познакомиться со всеми данными?

Данько засиял, а ведь под пули и снаряды идти...

— Так точно, успею, товарищ командир дивизии!

Я позволил Грозову.

— Слушай, Михаил Трофимович, можешь ты удовлетворить одну мою личную просьбу?

— Позволить Данько принять батальон?

Вот ведь змей, сразу догадался.

— Да. По-моему, предстоящее дело от этого выигрывает.

— У него же рука в лубке, Иван Никонович. Не бержем мы офицерские кадры...

— Да он этой рукой гири поднимает. И потом следует, по-моему, учесть желание солдат идти в бой со старым,

испытанным командиром. Право, не упрямясь, Михаил Трофимович, уважь хоть раз в жизни.

В трубке послышался смех.

— Ну ладно, раз командир дивизии просит... Не мог бы ты, Иван Никонович, дать ему трубку?

Я протянул телефонную трубку Данько. Он взял ее правой рукой, вытянулся.

— Есть... Слушаюсь, товарищ подполковник. Будет сделано.

Положил трубку, руку — к козырьку фуражки:

— Большое спасибо, товарищ командир дивизии. Разрешите идти?

— Минутку, майор. Вы, конечно, понимаете, что Грозов теперь с вас будет вдвойне спрашивать. Так что уж постарайтесь меня не подвести.

— Никак нет, не подведу, — сверкнув отчаянно смелыми глазами, отчеканил Данько.

...В течение часа гвардейские минометы — «катюши» и артиллерия армии обрабатывали вражеские позиции, постепенно перенося огонь в глубину обороны противника. На этот раз полки двинулись в атаку вскоре после начала артподготовки. Они шли под прикрытием огненного вала. Первым на передний край гитлеровцев ворвался батальон майора Данько.

Два часа спустя, овладев второй траншеей, 182-й полк вышел к пригородам Секешфехервара. Чуть позднее туда подошли и подразделения 184-го полка. Но тут наступление застопорилось. Интенсивный огонь пушек и пулеметов не позволял бойцам поднять головы.

Я приказал Грозову обойти город с севера и ударить одновременно с полком Могилевцева. Но немцы оказались предусмотрительнее, чем я думал. Севернее города, используя холмистую, лесистую местность, они создали прочную оборону. Самолеты нашей 17-й воздушной армии днем и ночью долбили позиции врага, но ослабить его сопротивление не смогли. Напротив, оно возрастало. К месту прорыва перебрасывались все новые и новые немецкие части. Такое необыкновенное упорство врага, от которого мы уже успели отвыкнуть, объяснялось тем, что Секешфехервар прикрывал тылы 6-й танковой армии СС, передовые части которой находились километрах в сорока южнее города. Захвати мы с ходу Секешфехервар, выйди к северо-восточному побережью озера Балатон, и 6-я эсэсовская армия, «краса и гордость» бронетанковых сил вермахта, оказа-

лась бы в котле. Такой котел и был задуман нашим командованием, но, по-видимому, наращивание сил в ходе прорыва происходило медленнее, чем того требовала обстановка.

Всего два часа понадобилось дивизии, чтобы прорвать оборону противника, продвинуться на шесть-семь километров и подойти к Секешфехервару. И неделя — чтобы овладеть им.

Только после того как подошла из-под Будапешта и была брошена в прорыв 6-я гвардейская танковая армия генерал-полковника А. Г. Кравченко, части дивизии начали продвигаться. 20 марта полк Грозова совместно с танкистами преодолел оборону немцев на лесистых холмах и ворвался в Секешфехервар с севера. Одновременно, вслед за танками, вошел в город и завязал уличные бои 184-й полк Могилевцева. Гитлеровцы дрались за каждую улицу, за каждый дом. Новиков приказал артиллеристам идти в боевых порядках стрелковых подразделений и бить прямой наводкой по огненным точкам и живой силе противника.

— Предупреди там Новикова, чтобы не лез поперед батьки в пекло, — сказал я Грозову, когда тот связался со мной для очередного доклада. — На дворе март, а он уже дважды был ранен именно в марте.

— Уже предупредил, — смеясь, ответил Грозов. — Но Михаил Дмитриевич теперь стал сознательным, считает, что опасаться марта — это суеверие.

В боях за город отличился командир орудийного расчета сержант Сидоров, один из бывших курсантов памятного мне учебного батальона. Он шел с орудием в боевых порядках одной из рот батальона Данько. Действуя смело и решительно, расчет Сидорова прямой наводкой подавил шесть пулеметных точек. Это дало возможность батальону Данько в течение считанных минут захватить целую улицу и выйти к центру города.

...Бой шел в каких-нибудь ста метрах от НП подполковника Грозова. Группа бойцов с помощью пушки выбивала фашистов из домов и продвигалась вдоль улицы к перекрестку. Вдруг из-за угла, ловко развернувшись на месте, выскочил «королевский тигр» — тяжелый танк, новинка немецкой военной техники. Первым же выстрелом из пушки он разнес наше орудие. Пулемет танка стрелял не переставая, не давая бойцам приблизиться на бросок гранаты. Приземлистая машина мчалась по узкой улице, за-

нимая почти всю ее ширину. Люк был открыт. По-видимому, за его крышкой прятался один из танкистов с автоматом, прикрывая машину с тыла. Не раздумывая, Грозов схватил две противотанковые гранаты и выбежал из подвала, где размещался НП. Ординарец Рубцов, успевший также захватить гранату, выскочил вслед за командиром полка. Когда танк вот-вот должен был приблизиться к НП, Грозов, не выходя из-за угла дома, метнул под его гусеницы одну за другой две гранаты. То же самое сделал и Рубцов. Танк с разорванной гусеницей по инерции выскочил на площадь и развернулся. Рубцов очередью из автомата уложил прятавшегося за люком танкиста.

Все произошло так быстро, что только теперь с НП бежали офицеры и телефонисты. Ординарец Рубцов, без слов поняв командира, вскочил на броню танка и дал в люк длинную очередь из автомата. Оставшийся в живых механик-водитель сдался в плен.

В сложившейся ситуации подполковник Грозов проявил мужество, хладнокровие, трезвый расчет, умение быстро оценивать обстановку.

23 марта город Секешфехервар был взят. Не давая врагу передышки, дивизия в тот же день двинулась дальше и к вечеру, пройдя около двадцати километров, вышла к горам Баконь. Гитлеровцы, наспех создав здесь линию траншей, попытались задержать нас.

Потеряв Секешфехервар, немецкое командование начало отвод из готовящегося котла 6-й танковой армии СС. Для быстрого развития успеха я ввел в бой второй эшелон — 186-й полк Колимбета. С утра начав атаку, полк к одиннадцати часам овладел северной частью гряды холмов. Передовому батальону майора И. Н. Шульги понадобилось только два часа, чтобы прорваться через траншею, разгромить узел обороны, пройти еще пятнадцать километров и перекрыть пути отступления врага. Полк Могилевцева, сбив гитлеровцев с позиций, погнал их прямо на боевые порядки батальона Шульги, к которому уже подходили остальные батальоны 186-го полка во главе с его командиром. Противник заметался в кольцо и вынужден был сложить оружие.

На следующий день, преодолев горы Баконь, дивизия вышла на всхолмленную равнину, где поля перемежались с лесами. В сорока пяти километрах позади остался город Секешфехервар, впереди, в двадцати километрах, находился город Папа.

Взять город Папа оказалось нелегко. Настоящей обороны противник создать тут, правда, не успел, но яростно контратаковал. Части 6-й танковой армии СС, которая сумела все-таки избежать окружения, представляли для нас наибольшую опасность.

Едва полки успели кое-как окопаться, как Колимбет доложил, что его контратакуют до тридцати танков, а вскоре и Грозов сообщил, что на его полк двигаются пятнадцать танков и до пятисот гитлеровцев.

Я приказал Палладию помочь полкам Колимбета и Грозова огнем.

Таким образом, половина танковой дивизии фашистов нажимала на два полка. А вторая половина, верно, поджидала момент, когда можно будет ринуться в прорыв.

С НП, выбранного насех, поле боя видно плохо. Не отхожу от радики, поддерживаю постоянную связь с Грозовым и Колимбетом.

Вот наконец долгожданные сообщения: сосредоточенный оружейный огонь сделал свое дело, боевые порядки фашистских танков расстроились. «Тигры», простые и «королевские», а вместе с ними «паптеры» и «фердинанды» пятятся назад. Легче стало дышать...

Но передышка длилась недолго. Теперь уже полсотни танков двигались в контратаку на полки Грозова и Могилевцева. За танками быстро шли густые цепи пехоты. Бойцы Колимбета отдыхали, если, конечно, можно назвать отдыхом работу по углублению траншей и оборудованию огневых точек.

Могилевцев упавшим голосом доложил по радики: около двадцати «тигров» и «паптер» прорвались на стыке 182-го и 184-го полков. Правда, пехоту от них удалось отсечь пулеметно-минометным огнем...

Смотрю на карту. За стыком полков длинный коридор между лесными массивами. Ясно. Танки двинутся по нему либо навстречу подходящим резервам 4-й гвардейской армии, либо, обогнув лес, ударят в тыл полка Грозова.

Вызываю по телефону командира саперного батальона майора Смирнова, который стоит как раз в лесу, по соседству с коридором.

— Смирнов, я Первый. По просеке на вас идут до двадцати немецких танков. Немедленно заминировуйте коридор по всей ширине, да погуще.

Вскоре Смирнов доложил, что задание выполнено. А минутой через двадцать из-за леса донеслось несколько

мощных взрывов. Двенадцать «тигров» и «паптер» в одно мгновение превратились в груды дымящегося металла. Остальные повернули назад.

Эсэсовская дивизия за несколько дней потеряла тридцать два танка и не продвинулась ни на шаг.

Брать город Папа нам не пришлось. Перед новым наступлением командующий 4-й армией произвел перегруппировку сил — и 62-я гвардейская стрелковая дивизия была переброшена на правый фланг армии. Нам предстояло наступать в направлении города Чорна.

После восьмидесятиминутной артподготовки дивизия прорвала немецкую оборону. Полк Колимбета, находившийся на сей раз в первом эшелоне, с ходу овладел узлами сопротивления гитлеровцев Ханта и Редк. Батальоны 184-го полка взяли в клещи узел обороны Тет. Атакованный с фронта и с тыла, Тет был оставлен противником. За день дивизия прошла двадцать километров и вышла к каналу Раба. Высланная за канал разведка допесла, что на том берегу немцы оставили лишь небольшие заслоны, основные же силы противника заняли оборону на окраинах города Чорна.

По моему приказу артиллерийский полк ударил по заслонам гитлеровцев. Под прикрытием огня наши батальоны на понтонах переправились через канал и после небольшой передышки двинулись на Чорна. Утром Кустов сообщил мне сведения, добытые разведчиками ночью: Чорна защищает полк пехоты с артиллерией. Наваливаться всей дивизией на один полк не имело смысла, и я решил одновременно ударить по городу Канувар, находящемуся в семнадцати километрах к западу от Чорна.

Полку Колимбета было приказано совершить обходный маневр, перерезать дорогу западнее Канувара и, если разведка не обнаружит там больших сил, взять город.

К Чорна полк Могилевцева подошел, когда уже всю сияло солнце. Город лежал на склоне пологого холма, у подножия которого протекала неширокая речка. Из-за реки противник открыл по подразделениям полка артиллерийский огонь. Бойцы окопались.

Не мешкая, Могилевцев направил батальон Борисова в обход города с севера. Скрытно, лощинами, по дну которых протекали ручьи, впадавшие в реку, Борисов вывел батальон к железной дороге, ведущей на Дьер. Благополучно миновав ее, по северным склонам холмов

батальон вышел в тыл немцам. Весь этот марш занял не больше часа.

После двенадцатиминутного артобстрела вражеских позиций батальоны Асташина с юга и Борисова с севера атаковали город. Через сорок минут Чорна был в наших руках. Гитлеровцы начали отходить по дороге на Канувар. Я приказал Могилевцеву энергичнее преследовать противника, не дать ему закрепиться на промежуточных рубежах. Одновременно посоветовал произвести рекогносцировку на местности, чтобы заранее наметить наилучшие пути для обходных маневров.

Колимбет сообщил по радию, что движется медленнее, чем хотелось бы, потому что форсировал уже две реки. До намеченного пункта западнее Канувара полку оставалось пройти не меньше восемнадцати километров.

Полк Могилевцева между тем уже атаковал противника на подступах к Канувару. Немцы, используя расположенные на высотах фольварки и деревни как опорные пункты, упорно сопротивлялись. В течение трех часов, атакуя и с фронта, и с флангов, батальоны 184-го полка пытались пробиться к городу, но успеха не имели.

Наконец Колимбет сообщил, что в районе деревни Копхаза полк перерезал дорогу и всеми имеющимися средствами уничтожает отходящего из города противника.

Преследуя врага, полк Могилевцева занял Канувар и продолжал наступать, охватывая фланги противника. Немцы поняли — им грозит окружение. Побросав пушки, танки, машины, обозы, они бросились на север по бездорожью, стремясь выйти из кольца раньше, чем оно замкнется. Фланговые батальоны 186-го и 184-го полков устремились за врагом.

И командиры, и бойцы знали: в нескольких километрах к северу от деревни Копхаза проходит австро-венгерская граница, за которой лежит земля Австрии, а там и Вена...

Опустилась ночь, но батальоны обоих полков продолжали форсированным маршем преследовать противника, уничтожать или забирать в плен его отдельные мелкие группы.

Первым вышел к границе батальон майора Шульги из 186-го полка, чуть позднее батальон Героя Советского Союза майора Зубалова из 184-го полка.

К австрийской границе мы вышли несколько восточнее большого озера Нейзидлер-Зе. Но кратчайший путь к Вене пролегал не здесь, а через венгерский город Шопрон, находящийся в двадцати километрах к западу. В результате новой перегруппировки 62-я гвардейская в последних числах марта оказалась на подступах к городу Шопрон, являвшемуся воротами в Австрию. Именно поэтому город был сильно укреплен. Окрестные деревни и фольварки немцы превратили в мощные узлы обороны. Подступы к Шопрону со всех сторон простреливались из пулеметов и орудий, на важнейших магистралях стояли танки и артиллерийские батареи.

Кроме нашего 21-го корпуса командующий армией генерал-лейтенант Н. Д. Захватаев для штурма Шопрона привлек 20-й стрелковый корпус. Перед штурмом авиация 17-й воздушной армии нанесла несколько бомбовых ударов по обороне противника, артиллерия прямой наводкой била по огневым позициям врага.

После общей артподготовки начался штурм. Наша дивизия первым эшелоном — 186-й и 184-й полки — атаковала город с востока. Полк Грозова в это время добивал врага в деревне Копхаза.

Через полчаса после начала атаки Могилевцев доложил:

— Противник ожесточенно сопротивляется, несем большие потери.

— Не бывает такого, чтобы противник всюду сопротивлялся с одинаковым упорством, — сердито сказал я. — Легче всего лезть на рожон. Подумайте о маневре. С наступлением темноты обойдите город с северо-востока, пощупайте там. Заодно отрежьте немцам пути отхода.

— Будет сделано, — обиженно буркнул в трубку Могилевцев.

Утром, часов около восьми, он доложил по рации, что вышел к северо-восточной окраине Шопрона, овладел деревней, стоящей на шоссе, и ведет разведку боем в направлении города.

— Через час, — приказал я, — по моему сигналу, начнете атаку одновременно со сто восемьдесят шестым полком.

В девять часов оба полка с двух направлений атаковали город. С юга и юго-запада поднялись в атаку и другие соединения двух корпусов.

Передовые подразделения полка Могилевцева ворвались на окраину города, штурмовали улицы и дома. Атака 186-го полка, едва пачавшись, захлебнулась. Колимбет в это время находился на НП 1-го батальона. Когда у самой окраины города бойцы батальона, не выдержав огня, залегли, командир 186-го полка выхватил у ординарца автомат, выскочил из окопа и во весь рост бросился вперед к залегшим цепям. Поравнявшись с солдатами, Колимбет взмахнул автоматом, зычно крикнул:

— За мно-ой! Вперед!

Подразделения поднялись в атаку, а вскоре батальон ворвался в город. Колимбет так и не ушел из передовых подразделений, руководил уличными боями.

На следующий день, 1 апреля, под ударами соединений армии, в том числе и нашей 62-й гвардейской дивизии, город Шопрон пал.

До столицы Австрии оставалось пятьдесят с небольшим километров. Но их надо было пройти, пройти с боями...

ОСВОБОЖДЕНИЕ ВЕНЫ

Осенью, когда дивизия беспрепятственно форсировала Дунай и стала быстро продвигаться на северо-запад, многим из нас казалось, что враг сломлен и не способен больше серьезно противостоять нам. Но жизнь показала обратное. Чем ближе подходили наши войска к границам рейха, тем упорнее становилось сопротивление противника.

За две недели наступления дивизия была измотана стремительными маршами и напряженными боями. Но несмотря на это, наступательный порыв войск возрастал с каждым днем, боевой дух гвардейцев был необыкновенно высок.

...Стояли теплые апрельские дни. Небо — сплошная синь, ни облачка. Ночью становилось прохладнее: давали о себе знать снега с педальких Восточных Альп.

Отходившего от Шопрона противника преследовали два полка дивизии по двум параллельным дорогам. 186-й полк имел задачу не дать гитлеровцам оторваться от нас и организовать оборону городка Эйзепштадт. 182-й полк форсированным маршем двигался к этому городку, спешил обойти его и отрезать немцам пути отхода. На плечах противника полк Колимбета ворвался в первый австрийский город, лежавший на его пути, и овладел им. Вражеский пехотный полк был разгромлен ударом с фронта и с тыла. Более трехсот немецких солдат и офицеров было убито, до двухсот гитлеровцев, в том числе и рапеных, сдалось в плен.

Окрыленные первыми успехами на австрийской земле, полки дивизии рвались вперед. Но противник уже успел прикрыть подступы к Вене оборонительными рубежами.

На пути дивизии паходился сильно укрепленный узел обороны — городок Швехат, являвшийся южным приго-

родом Вены. После интенсивной артподготовки все три полка атаковали противника и вклинились в его оборону на три километра. Западные участка прорыва находился городок Эбенфурт. Я приказал Могилевцеву и Колимбету обойти город с севера и перекрыть все дороги. Полк Грозова наступал на городок с востока.

И вот уже Колимбет доложил, что его полк с боем овладел местечком Вербх северо-восточнее Эбенфурта. Противник, почувствовав угрозу окружения, стал отходить. К вечеру Эбенфурт был в наших руках.

...Впереди, по высотам, — оборонительный обвод Швехата, пригорода Вены. В одиннадцать часов, после мощной артиллерийской подготовки, 186-й и 182-й полки — первый эшелон дивизии — при поддержке дивизиона самоходных орудий двинулись в наступление. Наша артиллерия продолжала обстреливать позиции врага, прикрывая огнем атакующую пехоту. Первая и вторая трапшеи были взяты после короткой рукопашной схватки. Противостоящий нам полк 252-й немецкой пехотной дивизии не выдержал напора гвардейцев и стал поспешно отходить. Во второй половине дня полки Колимбета и Грозова, с ходу овладев несколькими опорными пунктами, продвинулись на восемь километров, прорвав оборону противника на всю глубину. Так же успешно продвигалась вперед 7-я стрелковая дивизия — наш правый сосед.

Казалось бы, все шло хорошо. Но к исходу дня гитлеровцы подтянули эсэсовскую часть и контратаковали 182-й полк, потеснив его правый фланг.

Мешкать нельзя было ни минуты: танки противника могли прорваться на стыке 182-го и 186-го полков. Пришлось бросить в бой полк Могилевцева, находившийся во втором эшелоне. А мне так хотелось сохранить его свежим для штурма Швехата. В полночь я узнал: 184-й полк остановил противника, во взаимодействии со 186-м полком ударил немцам во фланг и заставил их отступить. За ночь все три полка продвинулись на семь километров и вышли к Швехату.

Под утро я вывел 184-й полк из боя и приказал Могилевцеву совершить глубокий обходный маневр, перерезать дороги к северу от города, подтянуть артиллерию и удерживать занятый рубеж, преградив тем самым противнику путь к отступлению.

С утра начался бой за Швехат. Город был опоясан

двумя линиями траншей, дома превращены в огневые точки. Под прикрытием танков и самоходок 182-й и 186-й полки пошли в атаку. Немцы вели интенсивный огонь, особенно на участке 182-го полка. Первые две попытки подойти к вражеским траншеям не удались. После короткого огневого налета 182-й полк вновь начал наступление. Майор Данько лично возглавил атаку своего батальона, и его бойцы первыми ворвались в траншею.

В этом бою опять отличился — в который уж раз! — командир отделения автоматчиков Третьяков. Бойцы его отделения, выбравшись из первой траншеи, ведя на ходу огонь из автоматов, стремительными перебежками достигли второй траншеи. А в это время посланный Третьяковым вперед рядовой Воронец ползком подобрался к дзоту и метнул в амбразуру гранату. Пулемет замолчал. Автоматчики преодолели последние десять метров до второй траншеи и выбили оттуда немцев. Вскоре подошел взвод под командованием лейтенанта Мамедова и взвод противотанковых пушек. Гвардейцам удалось захватить деревушку неподалеку от окраины города. Однако немцы контратаковали деревню и окружили вырвавшиеся вперед подразделения. Мамедов приказал занять круговую оборону.

А в это время главные силы полка, заняв первую траншею, натолкнулись на мощный узел обороны, прикрывавший город с востока. Наступление застопорилось. Я поехал к Грозову. Когда прибыл на НП полка, Грозов доложил, что выдвинул в обход узла обороны 3-й батальон. Но с востока дорогу прикрывала траншея с пулеметными гнездами. С НП полка было видно, как роты, прижатые плотным огнем пулеметов и минометов, застряли.

Грозов, всегда спокойный и выдержанный, закурил губу. Не отрываясь от стереотрубы, бросил связному:

— Лейтенанта Крапивинского, живо!

«Знакомая фамилия», — подумалось мне. В траншею спустился высокий румяный лейтенант. Ну конечно, тот самый, которого когда-то под Курсунь-Шевченковским опекал пожилой сержант Иванов. На груди лейтенанта были две нашивки за ранения, орден Отечественной войны II степени и орден Красной Звезды. В лице Крапивинского уже не было той юношеской округлости, и пушок с верхней губы исчез под бритвой, остался только румянец да смущенная улыбка.

Представившись мне, лейтенант доложил Грозову о том, что прибыл. Подполковник пригласил его взглянуть в стереотрубу и, пока тот смотрел, объяснил ему в двух словах обстановку.

— Возьмите взвод автоматчиков, выйдите в тыл противнику, прикрывающему дорогу, и уничтожьте его. Последний резерв пустил в дело... — вздохнул Грозов.

Вскоре мы увидели, как автоматчики во главе с Крапивинским — он выделялся своим ростом — вышли к дороге и, ведя огонь из автоматов, забросали траншею гранатами. Тотчас 3-й батальон занял дорогу и атаковал узел обороны с тыла, 1-й батальон ударил с фронта. Через полчаса гитлеровцы, оборонявшие опорный пункт, сложили оружие.

Отделение Третьякова, артиллерийский взвод и взвод Мамедова, заняв круговую оборону, дрались в окружении до тех пор, пока их не деблокировал батальон Данько.

К полудню 182-й полк ворвался на восточную окраину Швехата. В это время 184-й полк, обойдя город, перекрыл дороги и приступил к созданию прочной обороны на занятом рубеже.

Весь день и всю ночь долбили солдаты неподатливую сухую землю. А на рассвете следующего дня отходящие из Швехата и других городков под ударами нашей и соседних дивизий колонны противника с танками и самоходками вынуждены были остановиться перед оборонительными позициями полка, встретившего их губительным огнем. Тотчас гитлеровцы развернулись в боевой порядок и атаковали, стремясь с ходу прорвать оборону полка. Это им не удалось. Но атаки противника продолжались весь день. Немцы бросали в бой все большее и большее число танков и бронетранспортеров с пехотой. Несмотря на численное превосходство врага, гвардейцы держались стойко. Артиллерия прямой наводкой била по танкам, беглым огнем рассеивала вражескую пехоту. Убедившись, что лобовыми ударами ничего не добиться, на следующий день противник начал охватывать позиции 184-го полка с флангов и замкнул вокруг него кольцо окружения. Гвардейцы заняли круговую оборону. Они отлично понимали свою задачу: связать боем части противника.

К вечеру второго дня у окруженных кончились боеприпасы. Могилевцев решил с боем вырваться из вра-

жеского кольца. Ночью неожиданной атакой полк прорвал позиции гитлеровцев и вышел из окружения. Утром подразделения полка соединились с основными силами дивизии.

Стоял солнечный апрельский день. Даже в одной гимнастерке было жарко. Наверное, под пашнями сейчас звенят жаворопки... А я со своего НП разглядывал высокие высоты, занятые противником, долину реки, дрожащее море над полями. Я размышлял над тем, как без больших потерь взять высоту с отметкой 220. Ее зеленовато-рыжий горб отчетливо вырисовывался на фоне голубого неба. Вчера вечером меня вызвал к себе командир корпуса генерал Козак. Разговор начал в шутовском тоне:

— Хотите, Иван Никонович, увидеть Вену?

— Кто же этого не хочет? Вся армия мечтает.

— Так вот доставьте и себе и армии такое удовольствие — завтра к девяти ноль-ноль возьмите высоту двести двадцать, за нею — Вена.

Потом, оставив шуточки, генерал Козак обсудил со мною вопросы взаимодействия с другими частями.

И вот сейчас, поглядывая то на высоту, то на карту, я решаю вопрос: как? Постепенно приходит ясность. 184-й полк ночью должен обойти гряду высот и оказаться у северного подножия высоты 220. План предстоящего боя обсудил с Могилевцевым. Решили, что батальон Зубалова пошлем вперед. Он должен будет начать обходное движение уже днем.

Батальон выступил после полудня. Я находился на НП Могилевцева и с нетерпением ждал первых сообщений. И вот наконец Зубалов у рации.

— Выбил противника из населенного пункта, впереди маячит деревушка, атакую...

Батальон Зубалова один за другим захватил по пути движения еще три населенных пункта. Последний был расположен на берегу реки. Отступая, немцы бросились через мост. Зубалов мгновенно сообразил, что мост заминирован и взлетит на воздух, как только немцы окажутся на том берегу. Не теряя ни секунды, комбат отдал приказ преследовать удиравших гитлеровцев. Ворвавшись в расположение противника на противоположном берегу, саперы тотчас обрезали провод и приступили к разминированию.

рованию. Оставив у моста заслон, Зубалов повел батальон на большую деревню, оказавшуюся опорным пунктом врага. Появление наших солдат на северном берегу реки было столь неожиданным, а их натиск таким стремительным, что противник бежал. Но дальше продвижение замедлилось. Гитлеровцы бросили на батальон Зубалова роту с двумя танками. Четырьмя выстрелами артиллеристы подбили оба танка, а пехота отступила. Через полтора часа на гвардейцев Зубалова двинулся батальон пехоты с десятком танков и самоходок. Бой длился до вечера, и опять враг отошел, оставив на поле боя до сотни убитых и раненых и четыре горящих танка. Вскоре на помощь батальону подошел весь полк.

Тем временем 182-й и 186-й полки, сбивая заслоны противника, начали продвигаться к высоте с фронта. К восьми часам утра высота 220 была взята.

С захваченной высоты перед нами открылась панорама австрийской столицы. В легкой дымке вырисовывались нагромождения острых готических крыш, шпили соборов, фабричные трубы... Справа голубел Дунай. Над капалами горбились легкие мосты.

Для овладения Веной Ставка Верховного Главнокомандования привлекла 46-ю армию 2-го Украинского фронта, 4-ю, 9-ю гвардейские общевойсковые и 6-ю гвардейскую танковую армии 3-го Украинского фронта. 9-я и 6-я танковая гвардейские армии обошли город с юго-запада и запада, 46-я армия двигалась с востока и юго-востока. Наша 4-я гвардейская армия наступала с юга и юго-востока.

62-я гвардейская стрелковая дивизия проложила себе путь к Вене через неширокую долину между отрогами Восточных Альп и озером Нейзидлер-Зе. Рядом с нами продвигались 1-й гвардейский механизированный и 20-й гвардейский стрелковый корпуса.

Штурмовые группы нашей дивизии и соседних соединений под прикрытием танков и самоходок устремились в окраинные улицы Вены. Стрельба, разрывы гранат, крики «Ура!»...

Заводские и фабричные здания немцы оставляли быстро, потому что между ними лежали пустыри, неудобные для обороны. А в узких улицах и переулках оказывали сильное сопротивление. Исключением, пожалуй, стал автомобильный завод. Гитлеровцы засели за насыпью железной дороги в подвалах заводского корпуса и

били оттуда из пулеметов, не давая продвигаться нашим штурмовым группам. Майор Пупков поднялся вместе с пулеметчиком Лужанским на плоскую крышу невысокого дома по эту сторону насыпи и увидел около заводского корпуса объемистые баки, похожие на нефтяные.

— А ну вдарь по ним! — крикнул он Лужанскому.

Пулеметчик установил «максим» и дал по бакам очередь. Из них брызнула вода.

— Бей по бакам, — приказал комбат пулеметчику, — топить будем фашистов.

Когда вода сильным потоком хлынула в подвалы, гитлеровцы начали выскакивать оттуда и бросились бежать.

Цемцы стали откатываться к центру, к густонаселенным кварталам.

Штурмовые отряды батальона Данько приблизились к высокому зданию, во втором этаже которого засел немецкий пулеметчик. Он держал под обстрелом две улицы, ведущие к центру.

Гвардейцы решили перехитрить фашиста. Пока бронбойщик Кулиев вел огонь по пулеметчику, на крышу дома по пожарной лестнице взобрались с мотком длинной веревки бойцы Тарасюк и Абдулов. Закрепив за дымовую трубу веревку, Тарасюк с двумя гранатами за поясом начал спускаться по ней и повис чуть повыше окон второго этажа. Абдулов остался на крыше, прикрывая товарища. В тот момент, когда пулеметчик открыл огонь, Тарасюк швырнул в окно гранату, затем для верности вторую. Убедившись, что пулеметчик не подает признаков жизни, Тарасюк спустился на землю.

На следующий день, овладев территорией арсенала, полки дивизии вышли на так называемый Ринг — проспект, созданный на месте старой крепостной стены. Здесь мы увидели красивейшие здания — университет, ратушу, парламент, музеи. Впереди лежал Дунайский канал. 10 апреля Ринг — исторический центр Вены — и вся правобережная часть Дунайского канала были очищены от гитлеровцев. Наша дивизия соединилась с войсками, наступавшими вдоль канала с северо-запада.

В ночь на 11 апреля части 62-й гвардейской пачали форсировать Дунайский канал. Первыми высадились на противоположный берег бойцы батальона гвардии майора Пупкова. Забегая вперед, скажу: за бои в Вене комбат М. А. Пупков получил звание Героя Советского Союза.

Дом за домом, улицу за улицей освобождали воины дивизии, прижимая немцев к Дунаю. А из-за Дуная до нас доносились звуки боя — это с северо-востока продвигались нам навстречу части 46-й армии.

13 апреля около двух часов пополудни гитлеровцы прекратили сопротивление. Советские войска овладели столицей Австрии Веной.

КОСТРЫ ПОБЕДЫ

Вена ликовала. Ее жители высыпали на улицы. На стенах домов были расклеены листы с текстом воззвания командующего 3-м Украинским фронтом Маршала Советского Союза Ф. И. Толбухина. В воззвании разъяснялось, что Красная Армия воюет с немецко-фашистскими оккупантами, а не с населением Австрии, что Красная Армия отстаивает независимость Австрии и будет содействовать восстановлению порядка, существовавшего в стране до 1938 года... Воззвание заканчивалось словами: «Граждане Вены! Помогите Красной Армии в освобождении столицы Австрии Вены, вкладывайте свою долю в дело освобождения Австрии от немецко-фашистского ига».

Толпы жителей Вены стояли перед расклеенными на стенах листами, оживленно обсуждали текст воззвания. Проходившим по улицам колоннам наших воинов горожане приветливо махали руками, многие поднимали сжатый кулак — «Рот фронт!». Для жителей Вены война закончилась, перестали греметь пушки, строчить пулеметы, рваться фаустпатроны. Наши саперные части приступили к наведению переправ через Дунай (все мосты, кроме одного, гитлеровцы взорвали), ремонту трамвайных и железнодорожных путей. А для нас, солдат Красной Армии, война еще продолжалась, и мы знали, что унесет она еще немало жизней.

Сразу же после взятия Вены 62-я гвардейская стрелковая дивизия была возвращена в состав 20-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Н. И. Бирюкова. Под командованием этого талантливого генерала дивизия воевала на Буге и на Днестре.

Ударная группировка корпуса продолжала наступление на запад. 62-я гвардейская дивизия обеспечивала се

фланг и тыл. Продвижение проходило не так стремительно, как хотелось бы. Войска вступили в пределы Восточных Альп. Над нами возвышались горные кряжи. Преодолеть их по разбитым дорогам было не так легко. К тому же каждый перевал приходилось брать с боем. За две недели наступления наши войска продвинулись на пятьдесят километров и вышли к южному берегу Дуная и его правому притоку — реке Транзен.

Наша доблестная Красная Армия выполняла высокую миссию — освобождала народы Европы от фашистского ига.

3-й Украинский фронт готовился к новому наступлению, и 62-я гвардейская опять выдвигалась на направление главного удара.

Политработники дивизии, в том числе и начальник политотдела полковник А. М. Санин, что называется, не вылезали из подразделений. Они рассказывали бойцам о гитлеровских концлагерях, таких, как Освенцим, Маутхаузен, который находился всего в ста тридцати километрах к западу от нас.

— Узники лагеря Маутхаузен, а среди них немало и советских людей, с нетерпением ждут своих освободителей — воинов Красной Армии, — такими словами обычно заканчивали свои беседы политработники.

Становились суровыми лица солдат, твердели пальцы, сжимавшие ствол автомата. Один из ветеранов дивизии, обращаясь к начальнику политотдела, сказал:

— А що ж мы тут топчемося, товарищ гвардии полковник? Що ж командование собі маракуе? Разве ж можно людей на растерзание оставлять? Рвануть бы вперед скорее...

И мы рвапули...

Утро 8 мая было хмурым, облачным, накрапывал дождь. Тысячи артиллерийских орудий ударили по гитлеровским позициям. Минуты через две после начала артподготовки у меня на НП раздался звонок, докладывал Могилевцев:

— Товарищ Первый! После первых же разрывов наших снарядов противник бросил траншеи и побежал!

То же самое, что и Могилевцев, сообщили другие командиры полков и артиллерийские наблюдатели.

Из данных разведки, из опроса пленных мы знали о дезорганизации, о развале вражеского тыла, зажато

между нашими и американскими войсками, но чтобы при первых же выстрелах враг бежал — такого еще не случилось. Значит, близок конец, и наступит он, если не сегодня, так завтра...

Огонь артиллерии был немедленно перепесен в глубину вражеской обороны, и гвардейцы дивизии во взаимодействии с другими частями и соединениями устремились вперед. Такого стремительного продвижения я не помню за всю войну. Будто мощный стальной вал неудержимо мчался на запад, сокрушая все на своем пути. Не дожидаясь, пока саперы наведут взорванные переправы, разминируют дороги, пехотинцы, артиллеристы, танкисты сами пахотили броды, переправлялись через реки вплавь или по мосткам, наскоро сколоченным из досок, сами проделывали проходы в минных полях. Вперед рвались гвардейцы, отстоявшие Москву и Сталинград, форсировавшие Днепр, Днестр и Дунай, окружившие немцев под Корсунь-Шевченковским и под Яссами, взявшие штурмом Секешфехервар и Вену... Вперед рвались освободители Европы.

Ломая сопротивление отдельных разрозненных групп противника, захватывая богатые трофеи, к вечеру части дивизии находились уже в ~~сорока~~ пяти километрах от исходного рубежа наступления. Сто пятьдесят населенных пунктов было взято нами за один день.

Я нагнал передовые отряды дивизии под городом Мельк. Он стоял за рекой, и с той стороны, из домов, гитлеровцы вели сильный огонь из орудий и пулеметов. Штурмовой отряд, сформированный из дивизиона самоходных орудий, двух рот автоматчиков и саперного подразделения, готовился к штурму города. Возглавлял отряд Герой Советского Союза майор Пупков.

Мост через реку фашисты успели взорвать, брода поблизости не оказалось. Переправляться под интенсивным огнем — значило обречь на смерть десятки, а возможно, и сотни солдат. А ведь скоро победа... И как всем хотелось дожить до нее! Пупков приказал артиллеристам и самоходчикам уничтожить огневые точки. После двадцатиминутного артиллерийского обстрела огонь гитлеровцев утих — и отряд форсировал реку. Мельк был очищен от противника за полчаса, и гвардейцы устремились дальше. Через реку саперы быстро навели переправу. По ней двинулись тапки и самоходки. Тысячи вражеских солдат и офицеров разбежались по окрестным полям и лесам.

Отряд Пупкова продвинулся еще километров на десять и в местечке Хлаберт встретился с передовыми подразделениями американских войск.

Поздно ночью я приехал в небольшую австрийскую деревню, где находился штаб дивизии и мой КП. Аджютант проводил меня в дом рядом со штабом, где мне была отведена квартира. Я с пог валялся от усталости, хотелось поспать хотя бы часок. Но не успел освободиться от амуниции, как в комнату ворвался Василий Зиновьевич Бисярин.

— Иван Никонович! Дорогой! Война закончена! Только что приняли радиограмму. В Берлине подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии! Победа! Победа-а!

Таким я Бисярина никогда не видел. Глаза по-мальчишески восторженно сияли, в них блестели слезы. Мы обнялись. В памяти моей возникла вдруг картина: пальмовая аллея санатория на берегу Черного моря, дежурная сестра, прижавшая к щекам ладони, слезы, текущие по ее лицу... Это произошло почти четыре года назад, 22 июня 1941 года...

— Победа!.. Победа!.. — донеслись с улицы крики, и ночную тишину раскололи близкие автоматные очереди, хлопки pistolетных выстрелов.

Мы выбежали из дома. Солдаты охраны, офицеры штаба стреляли в воздух — давали салют в честь Победы. Мы тоже сделали по несколько выстрелов из pistolетов.

— Машину! — сказал я аджютанту. — Едем в полки. Усталости как не бывало.

Весть о безоговорочной капитуляции Германии опередила нас. Когда мы подъезжали к расположению 182-го полка, еще издали увидели множество костров, маячившие возле них фигуры людей, услышали крики «Ура!», «Да здравствует Победа!». То там, то здесь начиналась стрельба. Около одного из костров я увидел Грозова. Остановил машину, подошел. Мы крепко обнялись, поздравили друг друга с Победой. Солдаты вытянулись было при виде меня, но я махнул рукой, смеясь, скомандовал:

— На всю почь — вольно!

Мы с Грозовым отошли в сторонку от костра.

— Ты думал в сорок первом, что выйдешь живым из этой войны? — тихо спросил он.

— В сорок первом — да, а в сорок втором — нет, — честно признался я.

— Да, живы остались. А сколько людей потеряли!.. И каких славных людей... Помнишь сержанта Иванова, что с начальством побалакать любил?

— Помню... И всю жизнь буду помнить.

— А ефрейтора Петрова?

— Это какого Петрова? Что в наступлении под Яссами дорогу батальону проложил?

— Да... Курева ему всегда не хватало — раздавал по доброте... Эх, Иван Никонович, всех вспоминать, слезами изойдешь... Нелегко нам далась эта Победа!

Мы снова подошли к костру. У самого огня на корточках сидел сержант Третьяков и помешивал палочкой угли. Он поднял на меня глаза, встал.

— Вот я, товарищ гвардии полковник, вспоминаю, как год назад, когда в обороне в Молдавии стояли, рукопашную с немцами схватились. Ох, и натерпелись мы тогда страху! Верно, Костя? — Он обернулся к стоявшему рядом бойцу, и при свете костра я узнал Костю Воронца... Тот лишь улыбнулся.

— А вы неправду говорите, товарищ Третьяков, — с напускной строгостью возразил я. — Если бы вы в той рукопашной струхнули, то не обратили бы в бегство втрое превосходящего вас по численности противника и, конечно, не сидели бы сейчас у костра на австрийской земле.

— Так, товарищ гвардии полковник, это мне уж потом страшно сделалось...

Стоявшие у костра солдаты дружно рассмеялись. А когда смех утих, Грозов сказал:

— Тот и есть настоящий солдат, к кому страх приходит не во время боя, а после него.

Я подошел к Воронцу, тронул его за плечо, отвел в сторонку.

— Отвоевался, Костя?

— Так точно, товарищ гвардии полковник.

На груди у моего «крестника» рядом с медалью «За отвагу» красовался повенский орден Славы III степени, который я вручил ему недавно за бои под Веной.

— Комсомольский билет тебе выдали?

— Давно, товарищ гвардии полковник, еще в обороне, в Молдавии.

— Рад за тебя. А что мать пишет?

— Та жизнь вроде налаживается. Фроптовики верцу-

лись, кто по ранению по чистой освобожден, колхоз восстанавливается пинемногу...

Попрощавшись с бойцами, с Грозовым, с Данько, который только что подошел к костру, мы с адъютантом сели в машину и поехали в 184-й, а потом и в 186-й полки. В эту первую мирную ночь хотелось увидеть всех, с кем прошел тысячи километров по земле России, Украины, Молдавии, Венгрии, Австрии...

* * *

Вот и закончена книга моих воспоминаний о войне, о том, как сельский батрак благодаря Советской власти стал командиром дивизии, кавалером многих орденов. Сейчас я пенсионер, генерал-майор в отставке. Как и всех советских людей, меня глубоко волнуют и радуют те великие преобразования, которые происходят в нашей стране. Меня глубоко волнует и радует тот факт, что моя Родина — Советский Союз является глашатаем мира, что влияние стран социалистического содружества на международную политику имеет решающее значение.

И мне хочется, чтобы новые поколения советских людей, наша молодежь, прочитав эту книгу, вспомнили тех славных солдат, ценою жизни которых, ценою крови которых добыто сегодняшнее величие Родины, ее независимость, свобода и счастье. Мне хочется, чтобы молодые люди, комсомольцы, возводящие новостройки в Сибири и на Дальнем Востоке, на Крайнем Севере и в пустынях Средней Азии, были похожи на таких воинов, как сержанты Иванов, Лавка, Третьяков, ефрейтор Петров, рядовые Плотников, Рыбкин, Воронец, на командиров полков Грозова, Могилевцева, Колимбета, на Героев Советского Союза комбатов Зубалова, Сентюринна, Борисова, Асташина, Данько, Пупкова и, наконец, на друга моего и советчика начальника политотдела 106-й стрелковой бригады Михаила Васильевича Белянкина.

Я горжусь своими однополчанами, с которыми мне довелось в одном боевом строю пройти нелегкими фронтовыми дорогами, воинами, чья доблесть и мужество немало способствовали делу победы над злейшим врагом человечества — фашизмом.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Уроки юности	3
Батька	14
На Хасапе	27
Родина в опасности	59
В огне 42-го	73
Бросок через Днепр	110
По снегам Правобережья	143
Здравствуй, Молдавия!	167
В обороне	187
Восемь горячих дней	196
В боях за Венгрию	219
Освобождение Вены	254
Костры победы	262

Мошляк И. Н.

М87   **Вспомним мы пехоту... — М.: Воениздат, 1978.—**
268 с., портр., ил. — (Военные мемуары).

В пер.: 1 р. 30 к.

Автор этой книги Иван Никонович Мошляк стал бойцом Красной Армии в 1929 году. За тридцать восемь лет службы он прошел путь от рядового до генерала. За героизм и мужество, проявленные в боях на озере Хасан, И. Н. Мошляк получил звание Героя Советского Союза.

Во время Великой Отечественной войны И. Н. Мошляк командовал 62-й гвардейской стрелковой дивизией. Под его командованием воины дивизии участвовали в форсировании Днепра, в Корсунь-Шевченковской и Ясско-Кишиневской операциях, в освобождении от немецко-фашистских захватчиков Венгрии и Австрии. Обо всем этом — о напряженной работе своего штаба, о подвигах бойцов, командиров, политработников дивизии — и рассказывает генерал-майор И. Н. Мошляк в своей книге.

М $\frac{11202-132}{068(02)-78}$ 58-78

ББК 63.3(2)722

9(с)27

Иван Иванович Мошляк
ВСПОМНИМ МЫ ПЕХОТУ...

Редактор *Л. М. Пантелеева*
Художник *В. В. Васильев*
Художественный редактор *А. М. Голикова*
Технический редактор *Г. В. Дьякова*
Корректор *Л. А. Чернова*

ИБ № 1094

Сдано в набор 26.10.77 г. Подписано в печать 28.02.78 г. Г-10173.
Формат 84×108^{3/32}. Бумага № 1. Гарн. обычн.
Высокая печать. Печ. л. 8^{1/2}. Усл. печ. л. 14,280+2 вкл. —
^{2/16} печ. л. — 0,525 усл. печ. л. Уч. изд. л. 14,948.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 3/1318. Зак. 593. Цена 1 р. 30 к.

Воениздат
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

В 1977 ГОДУ В ВОЕННОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
В СЕРИИ «ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ» ВЫШЛИ КНИГИ:

- И. Х. Баграмян. «Так начиналась война».
И. Х. Баграмян. «Так шли мы к победе».
Г. В. Бакланов. «Ветер военных лет».
Н. Н. Великолепов. «Огонь ради победы».
М. А. Волошин. «Разведчики всегда впереди»
П. А. Горчаков. «Время тревог и побед».
И. М. Галушко. «Танки оживали вновь».
Г. Б. Гвоздев. «Дни испытаний и мужества».
С. И. Кабанов. «Поле боя — берег».
К. В. Крайнюков. «Оружие особого рода».
А. И. Крылов. «По приказу Ставки».
И. А. Ласкин. «На пути к перелому».
М. М. Лобанов. «Мы — военные инженеры».
В. С. Молоков. «Родное небо».
И. Г. Попов. «Батальоны идут на запад».
И. М. Третьяк. «Храбрые сердца однополчан».
Г. И. Хетагуров. «Исполнение долга».

В 1978 ГОДУ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВЫПУСКАЕТ МЕМУАРЫ:

- А. Н. Бабийчук. «Человек, небо, космос».
А. П. Белобородов. «Всегда в бою».
И. А. Вязанкин. «За строкой боевого донесения».
Н. Н. Деписов. «Срочно в номер!»
А. С. Жадов. «Четыре года войны».
М. Х. Калашник. «Испытание огнем».
А. Т. Караваев. «По срочному предписанию».
И. И. Киндюшев. «К победным рассветам».
П. К. Кошевой. «Годы военные».
Е. В. Кояндер. «Я — «Рубин», приказываю...»
Ф. Я. Лисицын. «В те грозные годы».
А. М. Межуев. «На снимке — подвиг».
И. Н. Мошляк. «Вспомним мы пехоту...»
Ф. С. Федотов. «Полк продолжает бой».
В. С. Чероков. «Для тебя, Ленинград!»
П. М. Шафаренко. «На разных фронтах».
С. С. Школьников. «В объективе — война».

И.Н.МОШЛЯК • ВСПОМНИМ МЫ ПЕХОТУ...